Летопись революции

№ 6

1926

Летопись Революции
1926, №6.

А. РУБАЧ

К истории украинской революции

(Заметки и документы; декабрь 1917 — январь 1918 г.)

ГЛАВА III

ВНЕШНЕ-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Материалистически об'яснить историю значит об'яснить действия людей, без которых нет истории, из той об'ективной обстановки, в которой они действовали...

«Что касается политической истории, то тут между элементарной экономической подкладкой и теми или иными политическими последствиями может стоять длиннейший ряд посредствующих звеньев...» М. Н. Покровский. «Вестник Ком. Академии» № 15 стр. 298 — 9 1926 г.

«Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальные являются лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концов проявится... Нет какого-то автоматического действия экономического положения, как это иногда весьма удобно изображают, но люди делают свою историю сами на основе оставшихся от прошлого действительных отношений, среди которых экономические являются в последнем счете все же решающими, как бы сильно не влияли на них [illegible] политические и идеологические условия». Фридрих Энгельс. Из письма к Штаркенбергу 25/X — 1894 г. *).

«То, что единый национальный фронт, об'единявший украинцев, — писали мы в одной из предыдущих статей (Летопись Революции, № 2, 1926 г., стр. 41 — 85), — начиная от кадетов и либералов и кончая подлинными представителями национально-революционных элементов крестьянства, не был разорван, несомненно являлось нашим главным упущением в тот период.

Этот вопрос получал особое значение, так как он был связан с международной политикой, с борьбой между пролетарской революцией и немецким империализмом.

*) Курсив всюду наш — И. Р.

Бои, которые происходили в Киеве и вокруг него, попытки советского переворота внутри Центральной Рады были тесно связаны с дипломатическими боями в Брест-Литовске. Разбитая, прогнанная с Украины Центральная Рада благодаря соглашению с немецким империализмом получила реальную силу для борьбы с пролетарской революцией. Центральная Рада взяла на себя роль ширмы для немецких штыков и опять заняла Украину. Здесь вопрос о той или иной политике по отношению к левой части Центральной Рады связан с другим решающим вопросом: возможно ли было во всей сложной обстановке того периода помешать контр-революционным лидерам украинской мелкой буржуазии заключить союз с немецким империализмом? Ведь ясно и понятно, что на известный период дальнейшие события, происшедшие после вступления на Украину немецких и австрийских войск, определялись в основном не внутренним соотношением борющихся социальных политических сил, а подавляющей силой немецкого империализма. Повернуть события в ту или иную сторону в той степени, в какой это вообще зависит от суб'ективных факторов, было уже невозможно...

Здесь могут возразить, что этот вопрос не имеет большого значения, так как наступление немцев на Украину было неизбежно в виду об'ективно сложившегося соотношения сил между немецким империализмом и пролетарской революцией в целом, и что поэтому та или иная политика на Украине была безразлична для развития событий. Верно, что независимо от той или иной политики на Украине нам пришлось бы пойти на значительные уступки Германии: дать ей хлеб, мясо и т. д., может быть, не только продовольствие. Но из этого еще не следует, что вопрос об оккупации Украины был предрешен об'ективными политико-экономическими условиями того периода (т.-е. конца декабря и начала января).

Для того, чтобы показать правильность этого предположения, мы должны изложить и рассмотреть социально-экономическое состояние Германии и Австро-Венгрии того периода, требования, которые первоначально были ею пред'явлены советской республике, изменения в условиях мира, которые были внесены в конечном результате благодаря предательской политике Центральной Рады, и общую обстановку брестских переговоров».

Но раньше, чем перейти к этим вопросам, поставленным нами в предыдущей, статье мы должны остановиться на международном значении пролетарской революции и на особом значении внешнеполитических факторов в ее развитии на Украине.

I

Октябрьская революция по всему своему содержанию имела непосредственно огромное международное значение. Основные пункты ее программы: мир, земля, диктатура рабочего класса — затрагивали не только временные интересы мирового империализма, разделенного на два борющихся лагеря, — временные, поскольку они были связаны с мировой войной, — но и коренные интересы мирового капитала.

Русский финансовый капитал был чрезвычайно слабо развит. Но зато на территории бывш. Российской Империи были представлены три системы финансового капитализма: французский, германский, английский. Свержение царизма, а потом и власти русской буржуазии, поражение русского капитализма было по существу в основном поражением мирового капитализма в России.

Мир, стремление к немедленному окончанию войны, кроме огромного влияния в международном масштабе на солдатские и вообще народные массы воюющих стран, утомленных войной, обозначал выход из войны крупнейшего ее участника — России. Это вносило очень большие изменения в сложившуюся систему борющихся сил и непосредственно весьма чувствительно затрагивало как интересы Антанты, так и «Четверного согласия».

Земля — крестьянам, немедленная ликвидация крупного землевладения глубочайшим образом затрагивала не только интересы помещиков, но и всей русской буржуазии и всего мирового капитализма, так как крупное землевладение было тесно связано с последним. Смешно сейчас говорить о том, что можно было заключить мир, а самое главное — ликвидировать помещичье землевладение без захвата всей полноты власти рабочим классом. Решение двух первоочередных вопросов Октябрьской революции (мир, земля) могли быть осуществлены только диктатурой рабочего класса.

Дальнейшее осуществление ряда коренных социально-экономических проблем, непосредственно вытекающих из факта ликвидации крупного землевладения, революционного выхода из мировой войны, свержение власти буржуазии, — неизбежная национализация крупных наиболее концентрированных отраслей промышленности, транспорта, банковой системы и т. д. — тяжелыми ударами непосредственно било по мировому капиталу. Буржуазно-демократическое содержание Октябрьской революции быстро переросло в пролетарско-социалистическое.

В украинской революции внешне-политические факторы и заинтересованность мирового капитализма во внутренних украинских делах играли еще большую роль, чем в других частях бывш. России. По вопросу о мире именно Украина (юго-западный и румынский фронт, в значительной степени украинизированные) стала звеном, за которое союзники ухватились, чтобы задержать хоть на время ликвидацию войны и заключение мира с Германией.

Именно на Украине, где капитализация сельского хозяйства прошла наиболее глубоко, крупное землевладение и кулацкая верхушка органически связаны с промышленностью, обрабатывающей сельскохозяйственные продукты (сахарные и винокуренные заводы, табачные фабрики, мельницы и т. д.), с банками, с западно-европейским финансовым капиталом. И поэтому именно здесь ликвидация помещичьего землевладения затрагивала глубочайшие интересы всего капитализма в целом.

Крупная промышленность — индустрия Украины — в значительной степени являлась иностранной, в нее вложены были огромные иностранные капиталы (Франция, Англия, Бельгия и т. д.), и поэтому заинтересованность мирового капитала в украинских делах и по этой линии была относительно более высокой.

Когда в октябре-декабре 1917 г., а местами еще до того захватывались крестьянами помещичьи имения, сахарные заводы Правобережья, когда устанавливался рабочий контроль в Донбассе и на Екатеринославщине, когда там стихийно захватывались заводы, рудники и шахты, то это все было не «внутренним» делом Украины — все это непосредственно дергало, хватало за живое буржуазный Париж, Лондон, Берлин с их банками и биржами. Тысячи нитей тесно связывали мировой капитал с социально-экономической жизнью Украины.

То, что в украинской революции национальная проблема играла такую большую роль, то, что эта проблема имела на Украине международный характер, еще более усложнило и усилило значение внешнеполитических факторов для развития пролетарской революции на Украине.

Ленин с самого начала победы Октябрьской революции резко подчеркивал, что причиной легкости ее победы, являлось то, что мировой империализм был разделен на два борющихся лагеря. Будучи занят борьбой между собой, он не мог сразу же помочь русской буржуазии справиться с пролетарской революцией.

«Международный империализм, который обладает мощью всего об'единенного капитала и всей мощью военной техники, представляет гигантскую реальную силу... Очень многие из наших молодых друзей, считающие себя левыми — говорил Ленин в докладе о брестском мире на VII с'езде РКП — стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство, почему в течение недель и месяцев... после Октября мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу... Вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междуусобной войной на две группы. Империалистические хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мировой схватки, попали в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла...

«Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно броситься ни друг против друга, ни соединиться против нас, только этим моментом (курсив наш — М. Р.) международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие по Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать захватывать Кавказ, Румынию...»[1])

Под углом зрения опасности военного вмешательства мирового империализма в борьбу пролетарской революции с ее врагами внешне-политические факторы в украинской революции относительно, во времени, сразу же приобрели очень большое значение. Украинское национальное движение исторически в известной своей части было связано с германской и австрийской ориентацией. Территориально, вплотную подходя к огромной полосе германско-австрийского фронта, Украина в первую очередь была подвержена опасности

[1]) Н. Ленин. Том XV, стр. 118 — 19.

вмешательства немецкого империализма в ее внутренние дела. Разложение нашего фронта освобождало крупные военные силы, которые не могли быть сразу же переброшены на западный фронт в силу ряда военно-технических и политических причин. Поэтому об'ективная опасность вмешательства немецкого империализма была наиболее реальной и близкой именно здесь. Все правобережье Украины: Подольская, Волынская и отчасти Киевская губернии, непосредственно примыкавшие к фронту, насыщенные массой войск, в октябре, ноябре, декабре представляло собой буквальным образом кипящий котел аграрной революции. Наличие огромного числа войсковых частей, расположенных по деревням, ускоряло и обостряло темп и глубину аграрной революции, так как в конфликтах между крестьянами и помещиками воинские части обычно поддерживали крестьян. Господствующие классы в этом районе раньше, чем в других местах, резко поставили вопрос о необходимости вмешательства иностранных сил для подавления пролетарской и аграрно-крестьянской революции. Мы имеем в своем распоряжении документы, показывающие, что польские помещики, преобладавшие в этой полосе, через командный состав формировавшихся там польских национальных частей тайно связывались с польскими кругами германской ориентации по ту сторону фронта.

Но немецкий империализм был скован по рукам и ногам тяжелым внутренним социально-экономическим кризисом. Он не мог решиться военным ударом покончить с нами, хотя немецкое командование имело для этого достаточно свободных военных сил и прекрасно было осведомлено о нашей военной беспомощности.

Но, несмотря на это, Германия и Австро-Венгрия в то время (ноябрь-декабрь 1917 г.) не только не могли наступать на нас, но были вынуждены спешить с заключением перемирия, стремиться как можно быстрее заключить мир.

И здесь перед нами встает вопрос: что толкало немецкий империализм на переговоры с большевиками, с пролетарской революцией? Что заставляло его спешить с этими переговорами?

* * *

К концу 1916 года и накануне Февральской революции для Четвертного согласия уже окончательно выяснилось, что победить Антанту не удастся, что военная техника, преимущества сырьевых, продовольственных источников и живой силы на ее стороне. Последняя ставка на подводные лодки, попытка прервать сообщения Англии и Америки, несмотря на то, что немецким подводным лодкам удалось нанести тяжелые раны торговому мореходству Антанты, однако все-таки цели своей не достигла. Германия и Австро-Венгрия несколько раз предлагали начать мирные переговоры. Они поставили своей задачей заключить компромиссный, но хотя бы непозорный мир. Антанта однако не шла на мировую — она добивалась окончательного и решительного разгрома Германии.

Февральская революция в России несколько возродила надежды Германии на удовлетворительное окончание войны. В военных сферах рассчитывали на

неизбежное разложение русского фронта и думали перебросить на западный фронт достаточно войск, чтобы если не сокрушить Францию и Англию, то достигнуть, во всяком случае компромиссного мира.

Но одновременно с начавшейся русской революцией в мировую войну вступили Соединенные Штаты. И совсем не случайно произошло так, что параллельно начавшемуся ослаблению русского восточного фронта Антанта восполнила свои силы из Америки на западном фронте.

«Но Соединенные Штаты могли появиться на театре войны не раньше, как через год. Соединенные Штаты, как и Англия, постоянной армии почти не имели. Им нужно было организовать и сформировать эту боевую силу. Но на это нужен был год. И, действительно, американская армия появилась на театре войны и сыграла решающую роль именно летом 1918 года».

Немцы все это прекрасно понимали; им нужно было как можно скорее развязаться с восточным фронтом, скорее освободить побольше войск для переброски на запад, чтобы до появления американских войск суметь там нанести сокрушительный удар (отсюда совершенно понятно, что Англия, Франция и Америка, с другой стороны, прилагали все силы, чтобы задержать существование русского фронта). Здесь отчасти была причина того, что немцы на нас не нападали и стремились б ы с т р е е заключить мир с нами. Русский фронт не был еще в такой степени разложен, чтобы можно было нанести нам глубокий и сильный удар, не употребив для этого большого количества войск. Начать наступление, которое требовало больших сил, необходимых для переброски на запад, а, с другой стороны, могло задержать процесс разложения русских войск, было т о г д а явно невыгодно.

Но это была только одна сторона вопроса. Внутри немецкого империализма наметились резкие расхождения по вопросу о х а р а к т е р е того мира, который нужно было заключать с Россией. В рамках д а н н о й статьи мы не имеем возможности остановиться даже на основных разногласиях, которые возникли внутри Четвертного согласия в связи с необходимостью заключения мира с бывшей Россией. Достаточно вспомнить, что речь идет о Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, между которыми имелись коренные разногласия по отношению к восточной политике (Россия, Польша, Украина, Прибалтика, Балканы и т. д.). Мы останавливаемся здесь только на двух больших разногласиях, имевших непосредственное значение к разбираемому нами вопросу и к Украине.

В самой Германии по вопросу о том, к а к о й мир заключить с Россией, были в основном два лагеря. Часть немецкой промышленной буржуазии, по преимуществу мелкой, работавшей по предметам широкого потребления, была разорена войной. Она стремилась заключить мир, который был бы длительным, который не таил бы в себе в ближайшее время новых военных осложнений, который обеспечил бы сравнительно дружественные отношения с Россией, как страной, куда в дальнейшем нужно будет вывозить товары. Эта часть немецкой буржуазии, наиболее пострадавшая от войны, уже видела, что Германия с честью из войны не выйдет, что ей предстоит потеря значительной части своих колоний и поэтому смотрела на Россию, как на чрезвычайно важный фактор для

дальнейшего развития своей промышленности и торговли. К ней промыкали некоторые группы австрийской буржуазии и австрийских военных кругов, уже разубедившихся в возможности победоносного окончания войны, а также другие союзники Германии, которые вместе с Австрией и поодиночку неоднократно пытались заключить сепаратный мир. Эта «мирная группировка» имела большое политическое влияние, так как поддерживалась широкими слоями населения, в частности, рабочими.

Вторая группировка Германии — это была военная клика, юнкерство, представители тяжелой индустрии и химической промышленности, работавшие на вооружение и войну. Во главе ее стояли Гинденбург, Людендорф, Гофман, Стинес и т. д. Эта вторая группировка еще твердо надеялась, быстро разгромив Россию, успеть перебросить войска на запад и одержать там победу. А в крайней случае если на западе не удастся одержать победу, то возместить свои потери за счет разбитой, обессиленной России.

Вторым основным расхождением внутри стран Четвертного согласия были разногласия между Австрией и Германией по отношению к Польше и Украине, разногласия, которые имели для того периода огромное значение и которые советской делегацией в Бресте, к сожалению, не были даже в малейшей степени использованы (этот вопрос мы разберем далее в иной связи).

В конце ноября и начале декабря первая «мирная группировка» бесспорно была господствующей. Она определяла внешнюю политику Германии и Австро-Венгрии. Кюльман и Чернин были ее первоначальными дипломатическими представителями. Для того, чтобы понять, почему это было так, мы должны хотя бы в основных чертах остановиться на внутреннем положении Австро-Венгрии и Германии и тем самым перейти к намеченной нами в начале статьи теме.

II

Для характеристики положения в Австро-Венгрии, а потом в Германии мы приведем ряд фактов как из подлинных архивных документов, так и из мемуаров руководящих деятелей внешней и военной политики немецкого империализма.

В дневнике одного из членов делегации Центральной Рады (очевидно, Любинского — М. Р.), посылавшегося в виде официального доклада в Киев, мы находим следующую запись, рисующую тяжелое продовольственное положение Австро-Венгрии.

24/XII, Тарнополь... В Тарнополю вдалось почути таке: життя мешканців Австрії дуже скрутне; німці все взяли під свій контроль; вивозять в Німеччину все, що тільки можна. Мешканці все одержують по карточкам з інтендантських складів; в лавках же нічого дістати не можна, особливо жирів. Дещо можна дістати у спекулянтів, але по скаженим цінам. Норма така: два фунта цукру на місяц на душу з інтендантських магазинів по 25 коп. за фунт, в приватній продажи по 5 карб. за один фунт і дістати не можна. Білого хліба немає, тільки чорний пополам з картоплею, чистого нігде немає; видається по фунтові в неділю на душу, ціна 33 цента; 5 гал. в приватній

продажі 2 карб. 20 коп. за фунт. Масла, сала дістати не можна, навіть в інтендантських магазинах, в приватній продажі за один фунт масла 44 — 48 корон, молока немає, за літр 3 — 4 корони і не можна дістати...

25/XII, вагон Тарнополь—Львів—Брест-Літовський. Кондуктор, галичанин, українець, каже: австрійці ненавидять німців і війну закінчили-б вже давно, але німці не дають на це змоги... Німці посадили своїх людей на всіх посадах. На станціях контролюють все... Білого хліба давно не бачили, їсти нема чого, на селах скотина зареквизивана майже вся. Вугля теж небагато, тютюну зовсім немає. Бажання міру як-найскорше надзвичайно сильне.

Парікмахер станції Львів. Масла недостаток, один фунт коштує 48 корон; сам він поляк, каже, що все ховають жиди і вивозять німці. Прусаки все вивозять, для чого пускаються на всякі комбінації: під видом небіжчиків в трунках везуть рис, крупу, муку і т. инш.

Буфет ст. Львів. На буфеті пусто, дають тільки чорний кофе без цукру і без хліба. Офіціянт каже на моє запитання, що масла, молока і цукру немає і сервировка на столі тільки для делегатів... Жахнувся, побачивши, що я вкинув три грудки цукру в каве; вражиння таке, що їжі дуже мало; іжа для делегації інспірировано, аби показати, що все є.

Вагон-мікст. В розмові з німецьким офіцером, сопровождающим делегацію до Брест-Литовського, виявилося, що німці звертають велику увагу на Америку, рахуються з нею. Бажають міру на сході з Росією, зокрема з Україною, обвинувачують в війни Англію (по відомостям німців, Америка допомагає Франції технічно; французи провели на залізницях по чотири колії для того, щоби свобідно перекидати війська... Америка надіслала до Франції силу аеропланів і пілотів... Піхоти надіслано Америкою до Франції по німецьким відомостям, всього 2 дивізії...

На ст. Сокаль був приготовлений обід для делегації, але хліба не було. перше з'їли без хліба, коли же давали «друге», я запитав кельнершу про хліб, вона відповіла, що хліба не буде. На це я проговорив: «Так-то так, а без хліба я обідати не звик». Унтер-офіцер, ординаріць, почувші це, зник, і через хвилин десять прибіг з хлібом, але «друге» вже було з'їдено...[1])

Мы считаем этот документ по своей свежести и колоритности, а самое главное — благодаря тому, что он записан непосредственно по свежим следам, имеющим, бесспорно, большое историческое значение для иллюстрации продовольственного положения Австрии. Здесь мы имеем всю сумму основных вопросов, которые стали потом решающими в ходе брестских переговоров: хлеб, помощь Америки Антанте и беспокойство по этому вопросу немцев, расхождение между Германией и Австрией, ненависть австрийцев, галичан и поляков к немцам-пруссакам, грабившим все территории, которые они занимали.

В данном документе мы имеем отзыв все-таки постороннего человека. Однако сами руководители австрийской политики были еще худшего мнения

[1]) Дневник за 23, 24, 25, 26 грудня. Діло № 7, № 229. На обложке дела имеется надпись: «Голові мирної делегації, копія військовому міністру».

о фактическом положении вещей. Граф Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии, совсем не заинтересованный в сгущении красок, сообщает в своем дневнике-воспоминаниях в той части, которая относится к периоду брестских переговоров: «Из Вены отчаянные вопли,— пишет Чернин 16 января 1918 года,— о помощи, о продовольствии. Меня просят немедленно обратиться в Берлин с просьбой о помощи, иначе катастрофа неминуема».

За день до этого Чернин цитирует в своем дневнике полученное официальное донесение из Вены: «Венгрия снабжает нас лишь незначительными запасами, из Румынии мы должны получить еще 10 тысяч вагонов маиса; остается дефицит, по крайней мере, в 30 тысяч вагонов зерна, без которых мы просто погибнем. Когда я убедился, что положение вещей обстоит именно так, я пошел к председателю Совета Министров, чтобы поговорить с ним по этому поводу. Я сказал ему все, т.-е., что через несколько недель остановится наша военная промышленность и наше железнодорожное сообщение; снабжение армии станет невозможным, ее ожидает катастрофа, а ее падение увлечет за собою Австрию и, следовательно, и Венгрию» (курсив наш — М. Р.)

Чернин первое время надеялся получить продовольственную помощь для Австрии из Германии. С этой целью он просил доктора Кюльмана, председателя немецкой делегации в Бресте, телеграфировать Вильгельму для того, чтобы «выручить нас в смысле зерна и таким образом воспрепятствовать неизбежному иначе взрыву революции. Обращаю особенно внимание на то, что начало беспорядков у нас в тылу сделает заключение мира здесь совершенно невозможным: как только русские парламентеры заметят, что у нас приближается революция, они откажутся заключить мир потому что все их расчеты построены именно на этом факторе» [1]).

На завтра, 17 января, Чернин записывает в дневнике: «Дурные вести из Вены и окрестностей; сильное забастовочное движение, вызываемое сокращением мучного пайка и вялым ходом брестских переговоров. Бессилие венского кабинета становится роковым. Я телеграфировал в Вену, что надеюсь современем обеспечить страну запасами, вывезенными из Украины, если им только удастся сохранить в Вене спокойствие в течение еще нескольких недель, и умолял сделать все возможное, чтобы не портить мира с русскими...»

В тот же день Чернин в своей телеграмме председателю австро-венгерского правительства, доктору Зейдлеру, сообщает: «Германия заявляет категорически, что она помочь не может, так как у нее самой слишком большие недочеты».

«Я не вижу другого исхода, — продолжает Чернин свою телеграмму, — как реквизиция венгерской муки грубой силой и доставка ее в Австрию до тех пор, пока не начнет поступать хлеб из Румынии и, надо надеяться, из Украины...»

---

[1]) О. Чернин — «В дни мировой войны». Гос. изд., стр. 256 — 57.

21 января 1918 года Чернин записывает: «Поездка в Вену. Впечатление венских беспорядков еще сильнее, чем я думал, (положение) становится катастрофичным» [1]).

20 января 1918 года Чернин записывает: «...Зайдлер телеграфирует, что если украинский хлеб не прибудет, в ближайшем будущем неминуема катастрофа. Зайдлер говорит, что если не помощь извне, то с будущей недели должно начаться массовое волнение. Германия и Венгрия больше ничего не поставляет. Все агенты сообщают, что на Украине огромные запасы. Вопрос в том, чтобы заблаговременно получить их» [2]).

То, что положение было чрезвычайно серьезным, то, что Австро-Венгрия, особенно Австрия, подошла вплотную к революции, можно видеть не только из мемуаров Чернина. Отто Бауэр, один из вождей австрийской социал-демократии, пишет в своей истории австрийской революции:

«В Брест Литовске представители центральных держав вели мирные переговоры с делегацией Советской республики. Против всех «присоединительных» планов немецкого и австрийского империализма Троцкий защищал право на самоопределение Польши, Литвы и Курляндии. 12-го января генерал Гофман угрожающе стукнул кулаком по столу, за которым велось заседание. Митинги протеста, организованные на следующий день партией в Вене, выявили страстное возмущение масс империалистическим выступлением немецкого высшего командования против республики Советов. Раздражение затягиванием мирных переговоров обострилось еще тяжелым кризисом продовольственного дела. Когда 14-го января 1918 года мучной паек был сокращен наполовину, забастовали рабочие в Neustadt, движение стихийно перекатывалось с предприятия на предприятие, с места на место... 16-го января все венские рабочие об'явили забастовку. 17-го и 18-го января движение охватило всю верхнеавстрийскую и штирийскую промышленную область. 18-го января венгерские рабочие присоединились к выступлению. Колоссальное количество бастующих, дикая революционная страстность их массовых собраний, выборы первых Рабочих Советов на забастовочных собраниях — все это придавало движению грандиозный революционный характер и будило надежду в массах на то, что забастовка приведет непосредственно к революции и (рабочие — ред.), захватив власть, сможет (смогут) добиться мира.

«Борьба рабочих за мир,— продолжает в другом месте Отто Бауэр,— нашла громкий отзвук среди уставших от войны голодающих солдат. Брожение в армии выразилось в ряде бунтов, следовавших за январской забастовкой. В Ютенбурге взбунтовались словенские, в Хюнфкирхене сербские, в Румберге чешские, в Будапеште мадьярские войска. В Каттаро в начале

[1]) О. Чернин — «В дни мировой войны». Гос. изд., стр. 259.

[2]) Там же, стр. 258, 269.

февраля забастовка рабочих арсенала перебросилась на военный флот. Матросы военных кораблей выкинули красные флаги, арестовали офицеров и требовали заключения мира на основе «14 пунктов» Вильсона. Только вызванная командованием порта на помощь флотская дивизия из Поло с помощью немецких подводных лодок вынудила сдаться восставших»[1]).

Но австрийская буржуазия, несмотря на отчаянно тяжелое положение, имела своих агентов в рабочем классе в лице австрийской социал-демократии. Под руководством, в частности, «левого» Отто Бауэра и других вождей социал-предателей движение на время удалось локализировать. Австрийской социал-демократии удалось, правда, после упорной борьбы рабочих масс прекратить волнения.

Таково было положение не только в Австрии и Венгрии, но и в Германии. Об этом достаточно сведений дают даже находящиеся под военной цензурой немецкие газеты. Один из главных руководителей берлинской всеобщей забастовки, Рихард Мюллер, в своей работе «Мировая война и германская революция» пишет: «Ход переговоров в Брест-Литовске, внезапный поворот германского правительства к насильническому миру и поведение генерала Гофмана привело рабочих в сильнейшее волнение уже в конце декабря. Это волнение разрослось в первых числах января...»

Мы пропускаем описание того, как возникла стачка, как шейдемановцы всячески тормозили развитие забастовочного движения, открыто предавая рабочих, прямо служа агентами и шпионами немецкого империализма. Только нажим рабочих низов и выдвинутых ими руководителей сделал возможным забастовку. 27-го января на полунелегальном собрании уполномоченных от фабрик и заводов Берлина, где присутствовало около 1500 человек, было принято решение об'явить всеобщую стачку. На завтра, 28-го января, забастовало 400 тысяч берлинских рабочих. В тот же день на собрании уполномоченных от бастующих предприятий были приняты следующие требования:

1. Быстрейшее заключение мира без аннексий и контрибуций, на основе права народов, на самоопределение, согласно формулировке русских уполномоченных в Брест-Литовске.

2. Привлечение к мирным переговорам представителей рабочих всех стран.

3. Обильное снабжение продовольствием путем из'ятия всех продовольственных запасов как у производителей, так и с торговых складов и равномерное их распределение между всеми слоями населения.

4. Немедленная отмена осадного положения.

5. Отмена милитаризации предприятий.

6. Немедленное освобождение всех арестованных и осужденных по политическим преступлениям.

7. Решительная демократизация всех государственных учреждений в Германии...[2]) и т. д.

---

[1]) Отто Бауэр — «История австрийской революции». Изд. «Пролетарий», стр. 97, 98, 102.

[2]) «Исторические документы», приложение к работе Рих. Мюллера «Мировая война и германская революция», т. I., стр. 252. Изд. «Мосполиграф». 1924 г.

Таковы в основном были требования бастующих.

31-го января командующий войсками генерал Марк-Фон-Кессель на основании закона об осадном положении отменил параграф 7 прусской конституции и ввел в Берлине осадное положение. Но это не помогло.

«Грандиозные массы рабочих, — читаем мы у Рих. Мюллера, — запрудили улицы, в особенности там, где были назначены открытые собрания. Полиция получила на подмогу 5.000 унтер-офицеров из полков. Конная и пешая полиция пыталась совладать с массами. Но это ей не удалось. Только лишь она успевала «очистить» какую-либо улицу или площадь, как массы скоплялись в других местах. Гнев бастующих направлялся не только против полиции, но и против немногочисленных трамвайных рабочих, старавшихся в качестве штрейкбрехеров поддержать до некоторой степени трамвайное движение. Вскоре повсюду можно было видеть перевернутые трамвайные вагоны... События дошли до критического пункта: демонстрация протеста грозила превратиться в гражданскую войну» [1]).

«Стачка обострялась. 1-го февраля главнокомандующий опубликовал свое намерение ввести военное управление над 7 крупными предприятиями.

«Выступление охватило и всю Империю. В Кельне, Мангейме, Гамбурге. Данциге, Брауншвейге, Лейпциге, Нюренберге, Мюнхене и др. городах стачки разразились почти одновременно. Забастовка в провинции не носила такого определенно-резкого характера, но выставила те же цели» [2]).

Вышеуказанные цитаты в общих чертах бесспорно правильно рисуют фактическое положение вещей в Германии. Мы могли бы добавочно проиллюстрировать это положение рядом выдержек из социал-демократических и других немецких газет того периода, а также подлинными архивными документами, но за недостатком места вынуждены от этого воздержаться.

Таким образом, и в Австро-Венгрии и в Германии положение было чрезвычайно серьезное. Они были на пороге революции. Первая волна революционного под'ема в противном лагере увеличивала силы революционной России. Несмотря на то, что наш фронт расползался, несмотря на то, что реальных вооруженных сил у нас было недостаточно, мы относительно были сильны — слабостью своих врагов. Но мы были сильны до тех пор, пока эта революционная ситуация не изменилась в худшую сторону. Об'ективно положение вещей в самом конце декабря, даже в начале января было таким, что позволяло достичь сносного мира, исключавшего целый ряд невыгодных для России моментов и в первую очередь оккупацию Украины.

Благоприятная для нас ситуация не была нами использована благодаря неправильной дипломатической тактике, переоценке революционных возможностей в Германии и Австрии, недооценке степени предательства западно-европейской социал-демократии и, наконец, вследствие предательства Центральной Рады и ее делегации в Брест-Литовске, при чем последнее обстоятельство было исходным пунктом изменения соотношения сил в худшую для нас сторону.

[1]) Рих. Мюллер «Война и германская революция», т. I, стр. 105 — 106.

[2]) Там же, стр. 107 — 110.

Революционная ситуация в Германии и Авс ро-Венгрии не прошла бы так скоро, если бы немецкому империализму не удалось разрешить основную продовольственную проблему. Это совершенно ясно видно из записей Чернина и ряда других документов. Основная причина социально-экономического кризиса, кроме общего утомления войной, истощения ресурсов, непосредственно заключалась в абсолютной нехватке продовольствия. Все надежды на получение продовольствия были устремлены прямо на Украину. Как только появилась в Бресте делегация Центральной Рады, эти надежды приобрели реальность.

Уже 17 января (по нов. стилю) Чернин телеграфирует императору Карлу: «Я надеюсь со временем обеспечить страну запасами, вывезенными из Украины». Через два дня он получает ответ от председателя австрийского Совета Министров: «Если украинский хлеб не прибудет—в ближайшем будущем неминуема катастрофа». Украина была единственным выходом, так как, по словам того же Чернина, «Германия заявляет категорически, что она помочь не может». Что касается рецепта, рекомендованного Черниным—«реквизиция венгерской муки грубой силой и доставка ее в Австрию», то такой рецепт, понятно, мог быть продиктован только совершенно исключительными условиями, так как его исполнение грозило большими внутренними осложнениями. Это был выход крайний на отдельные считанные дни, так как фронт и крупные города нуждались в миллионах пудов хлеба, которые Венгрия, конечно, дать не могла. Таким образом, совершенно ясно и бесспорно, что ключ к разрешению внутреннего кризиса заключался в хлебе, а хлеб тогда в первую очередь можно было достать только с Украины.

И здесь во весь рост стал вопрос: как взять этот хлеб?

На первый взгляд операция была простая: немцы имели реальную силу, наш фронт расползался не по дням, а по часам, сила была на стороне немецкого империализма — и хлеб нужно было взять. Но это — на первый взгляд. А в действительности операция была чрезвычайно сложная и тонкая.

Внутренний кризис в Австро-Венгрии и Германии зашел слишком далеко, революционная волна забастовок и прямых военных восстаний только начиналась и неизвестно еще, к чему шла. Генерал Гофман только ударил кулаком по дипломатическому столу в Бресте, а на завтра уже началась всеобщая забастовка в Вене (правда, этот день совпал с уменьшением хлебного пайка вдвое) и очень неспокойно стало в Берлине. А прямое империалистическое наступление на Украину, обозначавшее дальнейшее продолжение и углубление войны, могло вызвать в январе очень серьезные осложнения. Во всяком случае, не только «мирная» группировка, но даже военная клика немецкого империализма тогда еще не решалась на военное наступление. Кроме того, русский фронт в то время еще не был так разложен, как в середине февраля (военная клика ожидала более значительного разложения фронта), и представлял все-таки известную опасность и в прямом смысле и в том отношении, что несвоевременное наступление могло задержать процесс его разложения.

Революционное движение было стихийным, оно развивалось вопреки социал-демократии. Удастся ли социал-предателям овладеть движением, оседлать

его, было еще неизвестно и поэтому, повторяем, вопрос о том, как, в какой форме, под каким и чьим прикрытием взять украинский хлеб, было вещью сложной и тонкой.

Спасла критическое положение предательская политика Центральной Рады и ее делегации в Брест-Литовске. Благодаря ей немецкий империализм нашел выход из продовольственного тупика. Под флагом «самоопределения нации», под флагом защиты Украины от русского империализма, представляемого Совнаркомом, был найден благовидный предлог для продовольственной оккупации. Неважно, что Центральная Рада стала правительством без территории, что через несколько дней после подписания договора о мире она была выгнана из Киева и удрала в Житомир. Чем хуже — тем лучше. Чем слабее была Центральная Рада, тем она становилась покладистее, тем больше можно было делать на бумаге уступок Украине, так как становилось очевидным, что настаивать на их осуществлении будет некому. Только на основе реальной надежды на «хлебный мир» хотя бы с одной только Украиной, только на основе того, что немецкому империализму к концу января-удалось уже в основных чертах столковаться с Центральной Радой за спиной и против советской делегации, только поэтому социал-демократия получила возможность «уговаривать» рабочих прекратить забастовку.

Вся работа австрийской и немецкой социал-демократии была направлена на введение в мирные рамки рабочего движения, и на основе хлебного мира немецкой и австрийской социал-демократии эта задача удалась. Небольшие подлинно-революционные группировки, как «Спартак» в Германии и «левые радикалы» (Франц Коричонер) в Австрии, не могли значительно изменить положения. Отто Бауэр сам вынужден признаться, что решение ЦК австрийской С.-Д. Партии от 21-го января о прекращении забастовки «натолкнулось на сильное сопротивление охваченных революционным пылом масс. На огромных бурных собраниях все еще шла борьба. На некоторых заводах работа началась во вторник, а во многих предприятиях только в среду или четверг» [1] (т.-е. 23-го и 24-го января).

Буржуазия и империализм имели не только войска и полицию, не только пушки и пулеметы, но и... социал-демократию, правую и левую. И та и другая лила воду в мельницу контр-революции с той разницей, что первые делали это настолько открыто и прямо, что их предательство становилось очевидным для широких масс, а вторые, «левые», задерживали развитие революционного движения, косвенно, возможно, даже бессознательно, но так же, как и первые, в конечном результате предавали революцию. Непонимание того обстоятельства, что немецкая и австрийская социал-демократия предадут начинавшуюся уже революцию, было, по-нашему, одним из значительных слагаемых, определивших неправильную тактику в Бресте, построенную в рассчете на немедленную революцию. Предательство социал-демократии об'ясняет почему, начавшаяся революция, имевшая глубочайшие основы в об'ективном экономическом положении Австрии и Германии была локализирована.

---

[1] Отто Бауэр — «История австрийской революции», стр. 105.

III

То, что перед немецким империализмом выступили не об'единенные, а борющиеся между собой силы Советской России и Украины, имело огромное значение. Если бы, наоборот, в Бресте Советская Россия и Украина выступили единым фронтом, если бы хлебный мир был бы заключен не за счет Советской России, а за счет урезки требований немецкого империализма, то неизвестно еще, как быстро начала бы спадать революционная волна в Германии и Австро-Венгрии, как быстро и насколько удалось бы социал-демократии «оседлать» революционное движение, не явились ли бы брестские переговоры исходным пунктом непосредственной революции в центральной Европе. Мы только ставим этот вопрос, мы не можем сейчас указать, в какой степени развитие революционного движения в Австро-Венгрии и Германии зависело от исхода брестских переговоров. Может быть, «передышка» немецкому империализму, которую он получил от начала февраля до ноября 1918 г., была неизбежной независимо от Бреста [1]). Для ответа на этот вопрос требуется более детальное и глубокое изучение внутреннего положения Германии и Австрии. Но то, что оккупация Украины и ухудшение общих условий заключенного мира по сравнению с теми условиями, которые предлагались нам немецким империализмом до самого разрыва 10-го февраля 1918 г. мирных переговоров, не были предопределены об'ективным положением вещей, соотношением сил конца декабря и начала января — это для нас является уже бесспорным.

Когда мы говорим о соотношении сил между пролетарской революцией и немецким империализмом, мы, конечно, представляем это понятие «соотношение сил», как процесс, который при бурном темпе развития событий быстро развивался. Силы пролетарской революции, опиравшейся в первую очередь на укрепление диктатуры пролетариата и советской власти, во-вторых, на развитие революционного движения в Западной Европе, были, конечно, величиной не постоянной, а изменяющейся. Суть вопроса заключается в том, что направление, характер этого изменения шло в нашу сторону. Хотя у нас фронт расползался, но мы становились все крепче и крепче на ноги внутри России, распространяя свою власть по всей территории бывшей Российской империи. Власть советов из голого лозунга, из власти, победившей в Питере и Москве, стала властью для всей страны. Несмотря на ослабление военной силы на фронте, мы параллельно, хотя и медленно, создавали новые вооруженные силы пролетарской революции. В общем и целом — ноябрь, декабрь, первая половина января были относительно периодом роста нашей силы.

Силы наших врагов, в частности, немецкого империализма, в этот же период шли по линии нисходящей. Разложение нашего фронта давало большой козырь

---

[1]) При анализе этого вопроса необходимо учесть, что продолжительность и фактическая возможность передышки для немецкого империализма определялась в значительной степени тем, что последний получил в лице Украины новую сырьевую и продовольственную базу, без которой, по нашему мнению, он не мог бы продержаться даже до решающих боев августа и сентября 1918 г. на западном фронте, когда в дело основательно вошли американские танки и войска. — М. Р.

в руки врага, но параллельное развитие революционного движения на Западе в этот период приносило больше вреда империализму, чем та польза, которую он получал от разложения нашего фронта. Если взять процесс в целом: внутреннее положение в России, внутреннее положение в Германии и Австрии, состояние фронта с обеих сторон, то в общем до середины января (а, может быть, дней на десять позже) баланс давал плюс в пользу пролетарской революции. С известного момента, приблизительно в конце января и начале февраля, соотношение сил начало изменяться против нас. Как мы уже указывали, исходным пунктом начавшегося ухудшения была предательская политика Центральной Рады. Поэтому мы считаем, что ключом для понимания всего этого периода, всего процесса, взятого в целом, является вопрос, который мы поставили в самом начале статьи: возможно ли было в сложной обстановке того периода помешать контр-революционным лидерам украинской мелкой буржуазии заключить союз с немецким империализмом?

Нужно прямо и открыто сказать, что ту огромную опасность для пролетарской революции, которая представляла собой предательская политика Центральной Рады тогда, недостаточно оценивали.

То, что делегация Центральной Рады будет неизбежно вести предательскую политику по отношению к пролетарской революции, это было ясно с самого начала, так так внешняя политика Ц. Рады являлась отражением ее классового, социально-политического содержания. Вся политика Ц. Р. в целом в достаточной степени уже определилась к концу декабря в конфликте с Совнаркомом, в отношении к донской контр-революции, к Каледину и Алексееву, в отношении к сибирской, уральской и т. д. контр-революции, а самое главное — в блоке, правда, временном (но эта временность зависела уже не от желания украинской мелкой буржуазии), с Англией и Францией.

Ликвидация опасности со стороны большинства Центральной Рады и ее контр-революционных лидеров была бы облегчена и ускорена при иной более правильной политике по отношению к меньшинству Центральной Рады, которая (согласно тактике Ленина) с самого начала должна была бы поставить своей задачей раскол «единого национального фронта», превращение Центральной Рады в арену борьбы разных классовых групп крестьянства, которые в ней были представлены. А, с другой стороны, помешать союзу контр-революционных лидеров большинства Центральной Рады с немецким империализмом могло также одновременное и параллельное использование глубоких противоречий, которые имелись между Германией и Австрией в украинском вопросе в связи с решением польской проблемы.

Двуединая Австро-Венгерская монархия переживала не только тяжелый экономический кризис, но и кризис национальный. Противоречия с одной стороны между Австрией и Венгрией, с другой — между Австрией, Венгрией и славянскими народами были сильно обострены тяжелой войной, подходившей к неудачному концу. Руководящие австрийские круги, как выход из тяжелого положения, упорно выдвигали план преобразования Австро-Венгрии в триединое государство путем присоединения Польши, как союзно-автономной части

монархии. Уступкой полякам хотели укротить остальных славян: чехо-словаков, галичан и т. д.

Перед лицом грозящей опасности полного распада этот выход казался единственным для сохранения Австро-Венгрии. Но этот план встретил огромные препятствия. В первую очередь возражала Венгрия, не желая ослаблять своего влияния путем создания третьей равноправной части Габсбургской монархии. С Венгрией однако было достигнуто соглашение на том, что об'единенная Польша получит только автономию.

Однако и этот урезанный план встретил решительное противодействие со стороны Германии, не желавшей об'единения и усиления Польши, так как это поднимало вопрос о той части Польши, которая принадлежала Германии. Германия, наоборот, хотела еще обкарнать русскую часть Польши в свою пользу: «независимо от громадных территориальных урезок русской Польши, немцы требовали подавления польской промышленности, права совладения польскими железными дорогами и государственными землями и перенесения части военного долга на Польшу. Мы не могли согласиться, — пишет Чернин, — на присоединение к нам ослабленной такими методами и еле дышащей Польши...»[1])

Германии нужна была растерзанная Польша, а вместо нее более или менее самостоятельная Украина, фактически находящаяся в сфере влияния Германии. Такая Украина нужна была Германии, как противовес и против польских планов воссоединения всех польских земель и против России, не говоря уже о самостоятельном значении самой Украины. Если для Германии больше опасности было в создании более или менее самостоятельной Польши, то, наоборот, для Австро-Венгрии еще большей опасностью было создание самостоятельной Украины, которая во всей остроте ставила вопрос о Галиции, Буковине и присоединении последних к Украине.

Создание украинского государства, обостряя для Австро-Венгрии польский вопрос, вместе с тем во всю ширь ставило вопрос о самоопределении других славянских наций, входивших в ее состав.

Отсюда нетрудно понять, почему австрийцы во главе с Черниным с самого начала отнеслись враждебно к делегации Центральной Рады. Только продовольственная катастрофа заставила австрийцев начать переговоры с делегацией Центральной Рады, правда, под нажимом Германии и Гофмана. Но даже и в этот период вынужденных переговоров Чернин в основном занимал враждебную позицию по отношению к Центральной Раде. Когда Народный Секретариат распространил власть советов на большую часть Украины и в Брест прибыли Медведев и Шахрай, Чернин высказался за то, чтобы признать (на известных условиях) украинскую советскую делегацию. Делегация Центральной Рады держалась благодаря поддержке части германской делегации, представлявшей в лице Гофмана военную клику. Кюльман колебался.

Критическое положение делегации Центральной Рады отмечает видный ее представитель Любинский в своем докладе на заседании Совета Народных

[1]) Граф О. Чернин — «В дни мировой войны», стр. 262.

Министров 9-го марта 1918 года: «На засіданні мірової делегації від 1-го лютого росіяни, очевидно, поставили собі певні завдання так чи инакше дискридитувати нашу делегацію. Троцький говорив в тому смислі, що нема потреби присутности в Бресті делегації Центральної Ради, позаяк змінилось загально-політична ситуція на Вкраїні, і також через те, що до Бреста вже прибула мірна делегація з Харківа. Се мало відповідне значіння позаяк Австрія, дійсно, почала ніби схилятись на бік російської делегації. Се був тяжкий момент для нас...»[1]). Таким образом, по признанию Любинского, даже 1-го февраля, когда продовольственный кризис в Австрии достиг наивысшего пункта, австрийцы колебались, и для делегации Центральной Рады был «тяжкий момент».

* * *

Для того, чтобы показать, что ухудшение первоначальных условий, предложенных нам немцами, и, в частности, оккупация Украины не были предрешены об'ективными социально-экономическими условиями того периода, т.-е. конца декабря и начала января 1918 г., мы приведем по этому вопросу мнение М. Н. Покровского, который был тогда членом нашей делегации в Бресте. В 1926 году в своих лекциях, посвященных внешней политике, в оценке Брестского мира он приходит к тому же выводу: «Мы заключили мир во много раз более тяжелый,— указывает здесь Покровский,— чем могли бы заключить до того... Вышли мы из войны... благодаря значительной степени нашей дипломатической неопытности хуже, чем могли бы выйти».

«В декабре (1917 г.— М. Р.) мы могли заключить мир, сохранив советскую Эстонию, советскую Финляндию, не платя ни копейки контрибуции, потому что в декабре немцы стояли на такой позиции, что взаимные претензии погашаются (а почему в декабре 1917 года немцы были так миролюбивы и либерально настроены, мы показали выше иллюстрацией их внутреннего положения — М. Р.); а в марте мы потеряли советскую Эстонию, которая была занята немецкими войсками; мы потеряли советскую Финляндию; мы потеряли Украину; потеряли Донбасс и Криворожскую руду и т. д.[2]).

Ленин в своей речи на с'езде партии прямо указывал: Вместо брестского мира мы получили мир более унизительный по вине тех, кто его не брал...[3]).

«В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унизительному. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более унизительному...» (курсив наш — М. Р.[4]).

[1]) Діло № 1152 «Журнали засідання Ради Народніх міністрів».

[2]) М. Н. Покровский — «Внешняя политика — России в XX веке», стр. 78, 80—81. 1926 г. Изд Коммуниверситета им. Я. М. Свердлова.

[3]) Ленин, т. XV, стр. 126.

[4]) Там же, стр. 129.

Таким образом, мы подошли вплотную к вопросу, в чем же конкретно заключались наши дипломатические ошибки вообще, и, в частности, по отношению к Центральной Раде, ошибки, благодаря которым мы не могли использовать первоначальную благоприятную ситуацию, о которой говорил тов. Покровский и т. Ленин, не использовали тяжелого положения, в котором одно время находились представители Ц. Рады.

Так как анализ и описание фактического хода брестских переговоров в связи с отношением к ним Центральной Рады и нашей тактикой слишком большая тема, требующая значительного места, то мы вынуждены отложить рассмотрение этого вопроса до следующего раза. Здесь же ограничимся приведением в приложении нескольких важнейших документов, вводящих нас в курс событий со всем «ароматом» тогдашней обстановки.

(Окончание III главы следует).

Примечание авт. В след. № Лет. Рев. вместе с окончанием III гл. нами будет дан ответ на замечания тов. Затонского по поводу первой части статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Нижепомещаемые документы относятся к тем дням, когда в Киеве началось январское восстание рабочих против Центральной Рады, к тем дням, когда в Бресте подходил к концу сговор между немецким империализмом и делегацией Центральной Рады.

Это были решающие дни.

В разговорах по прямому проводу контр-революционных лидеров украинской мелкой буржуазии обнажается ряд моментов, имеющих большое значение для выяснения многих вопросов следующей статьи. В данном случае мы обращаем внимание читателя на подчеркнутые нами места, которые характеризуют общее положение, социальную сущность большинства Центральной Рады, в частности, вопрос о внешней силе, который, бесспорно, был уже поставлен до январского восстания в Киеве и начала наступления на Киев.

Помещаемые документы являются подлинной телеграфной лентой разговора по прямому проводу между Киевом и Брестом, т.-е. правительством Центральной Рады и ее делегацией.

Полной откровенности в этих разговорах нет, так как, как это видно из других документов, ведшие переговоры не без основания боялись, что их разговоры могут быть перехвачены немцами.

По ряду причин чисто технических, вследствие спешки в разговорах, оттого, что разговоры происходили поздно ночью, велись и передавались людьми переутомленными, ряд отдельных слов на ленте отражен искаженно или сокращенно. Явные и совершенно бесспорные ошибки в изображении отдельных слов мы прямо исправляли, не оговаривая это, как, например, написано «харашо», а следует читать «хорошо», написано «ето» — следует «это», написано «скажт» — следует «скажите», написано «блшэкв» — следует читать «большевики» и т. д. и т. п. Также нами восстановлены без оговорок совершенно бесспорные

сокращения: «бтл» — «батальон», «блш» — «большевики» и т. д. Все коррективы, нами не оговоренные, касаются исключительно отдельных слов.

По тем же отдельным словам, восстановление смысла которых является в малейшей степени спорным, мы приводим наше толкование рядом в скобках. Также в скобки мы вставили те знаки препинания, которых нет в подлиннике ленты. Вся разрядка сделана нами, в тексте ее совершенно нет. Три точки обозначают пропуск нескольких слов. Многоточие обозначает, что нами опущено несколько фраз (несущественных).

Конечно, наиболее правильно было бы, если бы все без исключения наши коррективы подлинного текста помещались нами рядом тут же в квадратных скобках. Но мы вынуждены ограничить это единственно верное правило исключительно для большей удобочитаемости, так как иначе текст был бы настолько густо загроможден скобками, что его было бы очень трудно читать.

По этой же причине мы не вставляем всех знаков препинания, а только те, которые необходимы для понимания смысла разговора. Все разговоры происходили на смешанном русско-украинском наречии и, очевидно, передавались немецким телеграфистом. Этот смешанный и искаженный текст приводится полностью.

I

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ ЛЕВИЦКИМ (Брест) и ПОРШЕМ (Киев). — 23 (10) ЯНВАРЯ 1918 г.

(Брест) «Здравствуйте. У апарата Левицкий... я должен Вам сообщить что здесь во всех немецких газетах... сообщают массу волнующих и невероятных сведений о событиях на Украине (.) со слов Петроградского телег. агентства немецкие газеты пишут что Секретариат еле скрылся из Киева в Могилев и массу невероятных подробностей о больших украинских неудачах в войне с большевиками...

Не откажите в любезности хоть в кратких чертах познакомить меня с положением в данный момент дел на Украине, я ужасно в скверном настроении и желал бы знать что у вас делается? жду ответа (»)

(Киев) — Порш:—«Здорові були (.) Положение было затруднительно. Ни о каком бегстве из Киева никто и не помышлял. (В) настоящее время большевистские войска потерпели в целом ряде мест поражение. Сейчас послан (ы) специальные части (.). Обещают в скором времени окончательно ликвидировать наступление большевиков и выгнать их за пределы Украины (.). Вчера был принят четвертый Универсал. Провозглашена самостоятельность Украины...

Надежда не так на войсковые части как (на) вільне казацтво: тут идейные все люди (:) одни как ярые украинцы, а другие лишь бы Киеве не було того що робиться (в) Харкові, Москві і Петрограді (.) на цих положиться можно.

(Очевидно, Брест — М. Р.) Там у Петрограді як видно компліктується красна гвардія за плату звісно (,) і чорт його знає це може нам і неподобається і як оч (оцей) яд большевизму може проникнути і до їх. Отщо.

(Киев) «Так то так алеж велика сила в руках Алексеева (він) уже не обороняється а переходить сам (в) наступленіе і скрізь (.)

(Брест): Це для нас новина (.) Скажіть будь ласка ще (,) ми не чули про Алексеева зовсім.

(Киев) — Порш. Там на Дону Каледін атаман по вибору на всі войска (.) Корнілов там же а главнокомандующим прив (проти) большевиків назначен Алексеев у него на Дон с'ехалось почти все офицерство, которых есть 110 тысяч (,) ну да юнкеров да казаков (—) значит тысяч полторасто всіх (.).

Всі за плату (.) офіцери получают теж що раньше получали солдаты (—) 30 крб. на всем готовом і як тих й других сем'ї обізпечені случае смерти. Все офіцери рядовими простими між ними по назначенію начальники і це таке військо що тисячі члвк (человек) достаточно на 50 тысяч красной сволочи (,) бо всі і стрілять і повіноваться і за що б'ються добре знайдуть.

З ними шутки плохі будуть.

. . . . . »

В этом разговоре прямо и недвусмысленно указаны те классовые социальные силы, на которые опиралось большинство Ц. Рады: «Надежда не так на войсковые части, как на вільне казацтво».

Войсковые части — это крестьянство в серых шинелях — на них надежды нет. Они от Центральной Рады уже отошли.

Надежда на «вільне казацтво». «Тут идейные все люди, одни, как ярые украинцы, а другие лишь бы в Киеве не было того, що робиться Харкові, Москві і Петрограді — на цих положиться можно». Кто входил в состав киевского «вільного казацтва», мы сейчас здесь говорить не будем. Мы не можем однако не привести небольшой выдержки из воспоминаний Гетмана Скоропадского — тогда еще только генерала, атамана всего «вільного казацтва» всей Украины, для того, чтобы показать, как в решающей борьбе против пролетариата мелкая буржуазия блокируется с буржуазией и помещиками.

«Одного разу Кашкан (командующий всеми войсками Ц. Рады — М. Р.) Різниченко з'явилися до мене, несучи якийсь великий пакет.

«Ось ми прийшли до Вас, Пане Отамане, щоб Україну рятувати, ато все загине».

«В чім річь?»

Виявилось, що вони були у тодішнього міністра хліборобства Ковалевського і той їм осипав враз 200.000 карбованців. Вони хотіли на ці гроші набрати людей для боротьби з большевиками і теперь прийшли просити допомогти їм в організації цього діла. Я згодився» [1]). Дело происходило в январе...

Можно ли после этого удивляться, что тут же рядом (и совсем не случайно) Порш, как союзника в борьбе с большевиками, выдвигает другую силу, образовавшуюся на Дону.

---

[1]) Павло Скоропадський. — Вспомини: Хліборобська Україна. 1925 г., стр. 39.

Каледин, Алексеев, 150 тысяч белогвардейской озверелой офицерни, помещики и крупная буржуазия. Вот в какую сторону тянулась Центральная Рада, вот откуда она ждала спасения.

С каким цинизмом, с каким смаком Порш подчеркивает: «це таке військо що тисячі чоловік достаточно на 50 тысяч красной сволочі!»

Мы полностью согласны с Поршем, что эти тысячи... «за що б'ються добре знають». Да помещики и крупная буржуазия, офицерство прекрасно знало, что они бились за сохранение в своих руках земли, фабрик и заводов, классового господства в государстве. Порш прекрасно знал, за что билось также «вільне казацтво», для чего Центральная Рада предавала пролетарскую революцию. Но об этом, конечно, нужно было молчать. Были разговоры для «народа» и дела для себя.

Сравните этот разговор по проводу и четвертый Универсал, в котором превозглашалось: «в справі земельній комісія... вже виробила закон про передачу землі трудовому народові без викупу, прийнявши за основу скасування власности и соціялізацію землі... Закон цей буде розглянено за кілька день в повній Центральній Раді. Рада Народніх Міністрів вживе всіх заходів, щоб передача землі в руки трудящих через земельні комітети неодмінно відбулась ще до початку весняних робот» (курсив наш — М. Р.)

А на завтра один из виднейших лидеров Центральной Рады и ее правительства, очевидно, для того, чтобы ускорить передачу помещичьей земли крестьянам, заключает блок с этими же помещиками внутри и соглашение с немецким империализмом вовне. Нужна ли лучшая иллюстрация смычки интересов буржуазии, мелкой буржуазии, мирового империализма, создания единого блока против пролетарской революции?

11-го декабря 1884 года Ф. Энгельс писал А. Бебелю: «Так было во всех революциях. К власти приходит партия самая ручная (из революционных), сохраняющая еще способность управлять (в духе имущих), именно потому, что побежденные только в ней видят последнюю возможность спасения... Весь буржуазный класс, остатки феодального владеющего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения группируется тогда вокруг той крайней буржуазной партии, которая тогда на словах выставляет себя крайне революционно»[1]) (курсив наш — М. Р.).

Последней надеждой помещиков и буржуазии на Украине была партия украинских социал-демократов, потом партия социалистов-революционеров — обе партии, руководившие Центральной Радой. Благодаря нашим некоторым ошибкам эта последняя надежда буржуазии, помещиков и кулачества слишком долго существовала, но от этого, конечно, ни на одну минуту не изменяется социально-классовая сущность Центральной Рады, и ее контр-революционная роль.

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс — письма под редакцией Адорадского, стр. 265. Изд-во «Московский Рабочий». 1923 г.

II

РОЗМОВА МІЖ КИЇВОМ І БЕРЕСТЕМ ПРО ПОДІЇ В КИЇВІ З 15-ГО ГРУДНЯ[1])

«(Киев): Ну что у Вас хорошего (?)

(Брест): Здесь все в самом лучшем виде, желаем и Вам того же, рассказывай Андрей все по порядку, что за последние дни там блу ето (было) от дня выезда нашей делегации сюда и началу движения Київі...?

(Киев): Выступили большевики в ночь с 15 на 16 заняли арсенал (.) Весь Киев был в их руках, но пришел Петлюра со своим отрядом и занял арсенал, так что теперь кажется большевики окопались на Куреневке у железнодорожного моста. Вся же остальная часть в наших руках. Сейчас откуда то из за Днепра бьет артилерия, но чья и куда не знаю. Как там у Вас, скоро ли мир будет. Теперь смена кабинета министров председатель Голубович, тот что был в мирной делегации...

(Брест) «а что с Центральной Радой?»

(Киев) «приняла земельный законопроект, но дальше не знаю (.) Знаю что она цела, хотя на волосок от гибели была.

(Брест): «есть ли в Киеве Грушевский?»

(Киев): «Не знаю, вот я послал за министром иностранных дел как прийдет, то даст все сведения, так что скажи Любинскому чтобы обождал немного... Зараз повинен приїхати сюди Шульгин...

(Брест)... «Ну слава богу, помогай вам скоріше эту сволоч з Київа вигнать... Ну що ще маєш Андрій сказати? ну наприклад, не узнав ще чия це артилерія б'є?

(Киев) «Пока не узнал. Я сегодня 9 утра шел с Ирпеня пешком и попал передрягу у Политехникума. Попал под пулеметный и пришлось лежать часа полтора во рву. Ну а как там у Вас сволочи из Харькова (.) как там у Вас те приезжие из Харькова не расстраивают дела?

(Брест) «Ничуть. Ми тут їх всіх розбили.

Ну дай депешу Шульгину (дальше идет текст депеши — М. Р.).

«По приезде в Брест мы выступили на засіданні 1 февраля с офіціальной декларацією и вручили представителям четв (ерного) союза нашу ноту (.)

В ответной деклар (ации) пред (ставители) четв (ерного) союза признали независимость и самостоятельность нашей республики и еще раз подтвердили признание нашей делегации (.) затем тов. Любинский выступил с политической речью в которой блестяще розбил все доводы Троцкого, ставившего под сомнение правоспособность нашей делегации (.)

Таким образом дело наше окончилось полным успехом и полной победой над петербургскими и харьковскими музыкантами. Теперь мы не отступая от ваших инструкций продолжаем мирные переговоры которые близятся к благоприятному концу (.)

---

[1]) Дата разговора в тексте не обозначена. По содержанию разговора видно, что он происходил 3 февраля.

Сегодня утром получена здесь радио-телеграма за подписью Ленина в которой он извещает что Центр. Рада в Киеве пала и что вся власть перешла в руки советов. Но в той же телеграмме говорится о революции в Берлине и о том что там у власти стал Либкнехт (,) зная полную необоснованность второй части телеграмы немцы и первой части повидимому не придали никакого значения (.) Кюльман и Чернин уехали вчера в Берлин[1]). Вернутся завтра к этому времени мы думаем закончить окончательно редакцию всех пунктов мирного договора (.) Получили ли вы нашу радиограму посланную сегодня утром через Бухарест, такого же содержания как и эта телеграма и как обстоит дело с нашими силами по за Киевом. «Любинский».

Значит Шульгина еще нет? Ну так говори новини?

(Киев): Да нового блче (бачити) нет нічого тільки то, что сказал раньше.

(Брест): Много ли убитых и нет ли среди них известных лиц.

(Киев): Жертв очень много особенно среди населения . . .

(Брест): А ще не узнав чья артилерия бьє (?)

(Киев): Не узнал.

(Брест): Жалко.

(Киев) «Останні вісти (:) арсенал взят о 2 години ночі штурмом. Полягло біля 300 чоловік арсенальців, стілько ж взято в полон. Наші втрати невелики. Поділ очищен до контрактового дому. На Подолі був бій. Большевики понесли величезні втрати. Розброєні казарми понтонного баталйона. Весь Почерськ. очищен. Очищені Васильковська, Хрещатик, Бібіковський бульвар, до товарной станції, яка знаходиться в наших руках. Обстрілюється пасажирська станція. В Центральну Раду з'явилися депутати большівиків з заявою, що вони здаються. Їх направлено до коменданта. Водопровод й електрична станція пущені й працюють. З вечора 20 січня на підмогу Київу ідуть ешалони вільних казаків, але зараз помічь їх майже зайва, бо черносотенно-большевицькі повстання зліквідовано власними силами.

(Брест) «Андрею, тебе особисто просить Любинський пізнати що діється з його дружиною, адрес: Маріно-Благовещенська № 65 кв. 2.

(Киев) Тут Шульгин, здоровеньки були у нас зараз спокій. Хоч ще сьогодня була стрелянина після вокзалу. Взагалі в городі наша справа стала тверда. Сьогодня засідала Центральна Рада на якій Голубович зробив заяву, що наближається час підписання прелюминарного миру. Міністерство просить на те дозволу Центральної Ради. Центр. Рада дала свою згоду. Тільки 16 душ утрималось з меншости. Здається, що це було останнє засідання великої Центральної Ради. Можливо, що до Вас приїде кур'єр.

Ви сами розумієте, що справа однім Київом не вичерпується. Для вас говорю, що становище загальне досить серйозне. З цього вы робить відповідні висновки. Прелюминіяльні умови очевидно затягивать не прийдеться й т. д. Та справа, за яку я скільки хлопотав перед виїздом Вашим прогоріла.

[1]) Отсюда видно, что разговор шел 4-го февраля по нов. стилю, так как известно, что Кюльман и Чернин выехали в Берлин после заседания 3 февраля, закончившегося в 13 ч. 5 м. дня. — М. Р.

Виявилося, що у них самих небагато сил[1]). Думаю, що ви мене розумієте й зробите з цього відповідні висновки. Кабинет нових міністрів працює. Я поки що не дав згоди вступити в кабінет. Що маєте спитати ще?

(Брест) «Тут Любинський».

«Вітаю Вас з побідою. Один болгарський міністр обіцяв плюнуть в морду Троцькому, коли радиограма Ленина не підтвердиться. Йому очевидно прийдеться сьогодні в вечорі зробити. Ваші слова всі розумію й роблю висновки. Повторяю що у нас все цілком гарно (.) Докладні звідомлення подасть Севрюк, який зараз на засіданню. В наші делегації також сбстоить все благополучно дуже допомогають в справі, Вольдемар и приїхавший сюди з дозволу австрийського уряду Савицкий с Стокгольму[2]) він у нас состоить... неофіціальним совітником (.) Троцкий упустив носа и тепер Кюльман с Черниним поїхали до Берлину очевидно щоб після приїзду розірвати з большевиками. Харьківчане розбиті налет впух и прах.

. . . . . .

Передаю вам секретно що в розмові Медведевым (представитель ЦИКУКИ М. Р.) который досить наївна людина я пізнав де що компроментірующее Одоевского, Качинского Шаповала и решту мало вдомих людей . . . що Шаповал втягнутий сюди не знаючи на що його тягнуть, але каждом разі прийміть це до уваги»[3]) . . . . . .

(Киев). «У аппарата Голубович».

«Я складав кабинет персонально по принципу французского (.) З огляду надзвичайни подии удалось осягнути порозуминя всих украинских фракцій (.) Моя программа (:) мир (,) загальни роботи для безроботних, (,) переведення земельного закона в життя (,) скликання установчих зборив в перших числах лютого (.) Яке вражіння зробила на нимців звистка про мое премьерство (?) Еще один пункт моей программи ришуча боротьба с большевиками (.)

В Київи зараз бильш меньш благополучно (.) Яки видомости вас ще цікавлять (?)

(Брест)... Повторяю у нас все гаразд, вид инструкции ми майже не видступили завинятком ввозу хлиба що прийдется зробити, але иначе нияк неможно було досягти згоди (.)

Чириз хвилин десять прийде Севрюк и буде говорити з вами про все докладно (.) Що касается внешней силы «П» внешней силы «Р» то мы можем це зробити, але поки що ми про це ничого ни говорили ни бажаючи пидирвати цим нашого авторитету.

Чи одержали вы сьогодня ранком нашу телеграмму (?)

Як що Киевський Радіотелеграф працюю (Е), то посылайте побильше оптимистичных звидомлен, що тепер с Кедровским и с Полозовым?

---

[1]) Речь, очевидно, идет о внешней военной помощи со стороны Антанты войсками чехо-словаков, поляков и румын. — М. Р.

[2]) Савицкий, как эти видно из документов, был прямым агентом немецкого правительства — М. Р.

[3]) Речь, очевидно, идет о причастности этих лиц к попытке левого переворота внутри Центральной Рады. — М. Р.

Киев. Остаються пид арестом (.)

. . . . . .

Брест. Говорит Севрюк, мир подпишем дня через два (,) приготовьте общественное мнение об этом (,) пусть вся украинская пресса начинает об этом упорно говорить (.)

Сегодня в десять часов вечера по нашему времени мы получили вторичное предложение немцев которое вам же по аппарату сообщим (,) передам потом проект мирного договора который сейчас обсуждался (.) На днях призжают сюда поляки (.)

Имейте в виду — все или почти все зависит от положения в Киеве (.) Полагал бы необходимым немедленно образовать в Центральной Раде парламентскую комисию, которая начала бы обсуждать условия мира. Вы должны иметь в виду нашу работу и потому держать в определенных рамках обсуждение (.) Полагал бы еще необходимым сейчас же начать в оффициальных выступлениях обсуждения о том что мир заключается строго демократический без анексий и каких либо явных или скрытых контрибуций (.)

. . . . . в нашу границу войдет лиш часть приблизительно так как это известно Голубовичу

Что имеете ответить?

. . . . . .

(Киев). У аппарата Голубович (.) соответствующие меры принимаем (.).

III

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ КИЕВОМ И БРЕСТОМ О ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ [1])

(Киев). «Кто у аппарата?

(Брест). «У аппарата Севрюк и Любинский говорит Севрюк.

Я позволю себе дать маленькие комментарии относительно пунктов проекта мирного договора.

По 2-му пункту о границах на западе (:) граница идет по Холмской губернии так как мы это предлагали, на севере сворачивает на восток в пункте севернее Бреста отрезывая большую часть подляшья так как при вас предлагал Гофман и дальше на восток согласно нашему предложению и указанию Михаила Сергеевича (Грушевского — М. Р.).

Относительно пункта третьего немцы говорят что немедленно территорий все таки не освободят (.) так это вряд ли все таки и в наших интересах (.)

Кроме того немцы связывают освобождение территории с полученнем определенного количества хлеба от нас (,)

[1]) Дата разговора в тексте не обозначена. Мы предполагаем, что разговоры происходили 4-го или 5-го февраля. — М. Р.

конкретно одного миллиона тон до 31 июня, при чем со своей стороны они готовы оказать всяческое содействие в смысле транспорта и прочее (.)

Пункт четвертый немцы из этого договора вычеркивают и вообще граф Чернин решительно отказывается в открытом договоре вставлять пункт о Галиции (,) говоря, что они еще не Турция и не могут позволить в открытом международном договоре вмешиваться в свои внутренние дела (.) Предлагает (очевидно, Чернин — М. Р.) нам тайный договор или какую либо другую форму тайного обязательства например, письмо австрийского кабинета министров в котором австрийское министерство обязуется до 31 июня (,) будя оно до того времени получит один миллион тон хлеба внести в парламент соответствующий законопроект об образовании кронлянда (.).

Пункте пятом немцы не согласны с концом об отказе от возмещения убытков причиненных различными мероприятиями связанными с войной в тылу (.).

В пункте шестом немцы настаивают на уплате за содержание пленных в крайнем случае соглашаясь на редакцию предложенную большевиками на уплату за содержание тех пленных, которые не работали.

Пункт 7, 8, не возбуждается мнений (не возбуждает сомнений).

9 за небольшим изменением принят, остальные ясны...

«Немцы все и австрийцы настаивали все время на том, чтобы мы в мирном договоре вставили пункт в котором бы указали количество хлеба который мы им дадим так как мол дескать это необходимо для их общественного мнения (.) Мы решительно от этого отказались и из за этого произошла заминка в переговорах (.)

Кюльман Чернин Гофман и другие поехали в Берлин и полагают (полагаю) что возможно было бы достигнуть соглашения по этому вопросу согласившись на то чтобы немцы в период подписания и ратификации договора заключили отдельную торговую сделку с нами на определенное количество хлеба (.) И вообще мы здесь пользуемся успехом естественно главным образом из за этой причины, я лично ничего в этом страшного не вижу (.).

Что касается вопроса о Галиции то вы должны нам (дать) ясные и не-дипломатические инструкции как нам быть?

Можем ли мы заключить тайный договор?

. . . . . .

«В общем ситуация такова что немцам необходим мир с нами очевидно взаимно, они нас всячески поддерживают конечно постольку поскольку мы представляем вас в настоящий момент то есть сегодняшний завтряшний и после завтряшний дни наиболее выгодны для нас, следует спешить (.) Ожидаю (т) через три дня поляков.

Кроме того после подписаня (ния) ведь вы знаете что мы имеем силу «Р»

Немцы об етам (этом) также думают существенно и скоро можем помочь полагаю что по возвращении Кюльмана и других (,) а они вернутся

после завтра вечером, разговоры с большевиками будут коротки поэтому мы должны быть первыми которые заключат мир.

Подготовьте обязательно общественное мнение при чем естественно истолкуйте заключение мира и такого мира как спасение для Украины (.) Пока кончаю.

(Киев) «мы это понимаем (.) Необходимо срочно пользоваться моментом также срочно... «№» (очевидно, речь идет о внешней силе во всех разговорах обозначенной шифрованными буквами — М. Р.) но после заключения мира (.)

Общественное мнение подготовлено. Относительно Галиции, высказываю личный взгляд. Тайное соглашение возможно. Но не с кабинетом министров ибо парламент может не принять министерских разговоров (,) а как окончательно оформленный мирный договор (.)

Но при этом по возможности без одного миллиона тон (.) Полагаю что мое мнение имеет шансы на принятие в кабинете (.) Если находите нужным ждать (,) завтра дам ответ оффициальный кабинета (.)

Общее положение тяжелое. Но в Киеве благополучно (.) Сообщите является ли возможным опубликование пункты договора и если возможно то какие именно пункты. Если это невозможно то насколько возможно ставить этот вопрос на обсуждение в наших фракциях (,) ваше мнение по этому поводу для нас чрезвычайно важно (.)

. . . . . .

(Брест) «Полагаю что необходимо немедленное и широкое обсуждение обществом и в печати на заседаниях вопроса о мире, о мире самостоятельной Украины с Германией, точно текст пунктов не советовал бы опубликовывать потому что он не окончателен (.)...

Необходимо чтобы сегодня вы заседали и высказали свое мнение по этим вопросам (.)

Имейте в виду и не забывайте что это максимум чего можно добиться (.)

Думаю что содержание всех пунктов кроме Галиции должно трактоваться в прессе (.) при чем истолковываться как выгодное для нас...

. . . . . .

(Киев Голубович) Ваши наставления примем к сведению. Сообщаю что Рада приняла сегодня без обсуждения и без прений мое предложение о том что она поручает правительству республики подписать условия мира (.) Соответствующая агитация в прессе уже поведена (,) подготовка идет самым широким образом.

(Брест) Гофман спрашивал почему мы не прислали опытных офицеров для ознакомления с положением наших пленных и обсуждений вопроса о возвращении их на родину примите это к сведению и немедленно присылайте побольше специалистов (.) Приготовьте составы для соскучивших (скучившихся) наших пленных (.) Специалистов вышлите не позже завтра с подробных планом эвакуации пленных (.).

Вы конечно поняли?

(Киев) Я Вас понял вполне прошу дать последнюю информацию возможно сжато так как сейчас уже первый час ночи. А сейчас осадное положение и ходить не-безопасно ни для кого. По тем же причинам сегодня не может быть созвана рада министров (странное благополучие в Киеве — М. Р.)

(Брест) Думали ли вы о подвижном составе для возвращения пленных и необходимо было бы по моему мнению принципиально разрешить вопрос о перешитии наших железных дорог, он имеет большое экономическое значение, и важно было бы принципиальное его разрешенье теперь же. (у) немцев все готово чтобы нам помочь (.)

У меня больше срочных сообщений нет, кроме пунктов мирного договора юридической комиссии.

Если вы имеете что сказать юзист вам передаст (.) Вы все это примете и завтра утром обсудите и тогда же до митаг эсена (до обеда) дайте ответ (.) Мы завтра целый день работаем в комиссиях и хотим все к вечеру закончить так что после завтра к вечеру или на третий день подписать?

[Киев Голубович] «О жел дороге думал. И в свое время даже обсуждал этот вопрос с точки зрения специалиста с Гофманом. Экономические пункты передайте нашим урядовцям. Пришлют мне к месту ночлега.

(Брест) Ну пока до свидания передаем юридические пункты.

Напоминаю что возобновление сообщения с вами весьма сильно подняли сегодня наши шансы в особенности после вчерашнего официального сообщения Троцкого (.) Делайте выводы?» [1]).

[1]) Дальнейшее продолжение переговоров мы дадим в приложении к следующей статье. М. Рубач

Г. ЛАПЧИНСКИЙ

Гомельское совещание

(Воспоминания)

Как известно, в конце ноября 1919 года в Гомеле состоялось созванное по инициативе Волынского Губкома совещание, на которое были приглашены парторганизации КП(б)У всех местностей УССР, не занятых деникинцами. По мысли инициаторов, совещание должно было обсудить и разрешить все больные и неотложные вопросы, поставленные перед партией создавшимся положением, когда революция на Украине оказалась разбитою не только военною силою сорганизовавшейся всероссийской реакции, но отчасти и благодаря внутреннему, органическому кризису, вызванному в значительной степени ошибками партии в период между свержением Директории и наступлением Деникина.

Хотя совещание оказалось весьма малочисленным, обнаружившиеся на нем настроения его участников, соображения его инициаторов и, наконец, отношение к нему со стороны руководящих партийных кругов являлись чрезвычайно характерными для переживаемого тогда момента, отражали основные оттенки коммунистической мысли на Украине и заключали в себе зародыши тех политических линий, которые затем в течение ряда лет боролись внутри партии вокруг национального вопроса (слабые, выродившиеся остатки этих разногласий, как некую традицию, можно обнаружить даже и в настоящее время).

Поэтому история созыва этого совещания, ход его и последствия представляют несомненный интерес для истории партии и революции на Украине. Между тем о нем очень мало известно в партийных кругах, а в литературе встречаются лишь очень краткие и частью ошибочные упоминания о нем. Это об'ясняется, во-первых, скудостью оставшихся писанных материалов и, во-вторых, немногочисленностью участников совещания.

Кроме того, вопрос о нем в свое время почти не был освещен в партийной прессе как потому, что оно происходило в глуши, в Гомеле, вдали от центра, так и потому, что развернувшиеся после него события своею значительностью очень скоро отвлекли внимание партии. К тому же, поскольку совещание являлось попыткою разрешить партийные вопросы, минуя официальные партийные инстанции, естественно, что не было никаких оснований его популяризировать.

В моем распоряжении в настоящее время имеется лишь резолюция гомельского совещания «О задачах партии» и конспект доклада, с которым я выступал на совещании. Я постарался также, насколько возможно, восстановить в

своей памяти отдельные моменты, прибегнуть для этого к помощи некоторых участников совещания, ныне находящихся в Харькове. Как всегда в этих случаях, воспоминания товарищей резко расходятся между собой и с тем, что я сам помню о событиях. Таким образом мой очерк может являться только сводкою моих воспоминаний, прокорректированных мною по данным других товарищей лишь постольку, поскольку с их поправками я согласен.

Крайне желательно, чтобы и другие участники гомельского совещания сами выступили в печати или же чтобы кто-нибудь из наших историков взял на себя труд собрать материалы и свести их воедино и критически восстановить действительную картину этого событий.

* * *

2 октября 1919 года в Чернигове правительство УССР во главе с тов. Раковским, который являлся председателем Совета Обороны Республики, об'явило себя распущенным, и все руководящие товарищи, находившиеся к этому моменту в Чернигове — Раковский, Петровский, Ворошилов, Бубнов, Богуславский, Иоффе и Дробнис — выехали в Москву в распоряжение ЦК РКП.

Поскольку еще раньше Совету Обороны были переданы все права ВУЦИК'а и СНК'а, этот акт был равносилен полному упразднению Всеукраинской Советской власти. Одновременно с этим постановлением ЦК РКП был распущен и ЦК КП(б)У, а вместо него создано «Зафронтовое Бюро» в составе С. Кассиора, Фарбмана (Рафаила) и Дробниса с местопребыванием в Москве (позже в Серпухове[1]). Таким образом вся верхушка украинской партии и правительства не только официально устранилась от власти, но и фактически лишена была возможности работать на Украине (а Украина, УССР еще существовала в границах нескольких уездов Волынской губ. Радомысльского уезда и части Киевского уезда Киевщины и Городнянского, Новгород-Северского, Королсвецкого, Глуховского, Сосницкого и Черниговского уездов Черниговщины) — фактически, потому что, за немногими исключениями, ЦК РКП немедленно распределил украинских работников по губерниям РСФСР или по центральным учреждениям в Москве: глава правительства УССР Раковский был назначен начальником ПУР'а, Г. И. Петровский намечался на пост председателя Московского Губисполкома, секретарь ВУЦИК'а Богуславский — секретарем ПУР'а, а целый ряд цекистов — по Губисполкомам РСФСР.

В Москве только короткое время после этого еще существовала комиссия по ликвидации украинских совстских учреждений, в которой работал Богуславский, но функций правительственной власти для Украины она не имела.

К моменту получения в Чернигове директивной телеграммы ЦК РКП. о роспуске я приехал в Чернигов из Новгород-Северска, где исполнял обязанности председателя Районного Комитета Обороны. Меня поразило безнадежное, ликвидаторское настроение, господствовавшее среди членов правительства и ЦК. Оно об'яснялось, очевидно, тяжестью проведенной на Украине работы, которая протекала в огне повсеместных кулацких восстаний, под гнетом непрестанно

[1]) Первое время Зафронтбюро находилось в Брянске. — Прим. Ред.

в течение целого лета развивавшегося наступления белых и неуспеха внутренней политики (в вопросах продовольственном, земельном и национальном) и внешней военной, где боролись две тенденции: наступление на запад на соединение с Венгрией и на юго-восток для уничтожения контр-революции на Дону и полного освобождения Донбасса. Военное поражение, обнаружившееся наше бессилие против наступающей контр-революции, поддержанной кулаками, как бы завершало эти неуспехи, подтверждало правоту тех, кто критиковал нашу политику.

А эта критика, как известно, к концу лета приобретала все более и более острый характер. Я говорю, конечно, не о критике представителей классов, партий и групп боровшихся с советской властью, а о критике внутрипартийной или со стороны групп и партий, стоявших на позициях советской власти и коммунизма. В основных чертах определилось две линии: сторонники самостоятельности Укр. Советской республики с собственным правительством, полноправно вступающим в сношения с правительством РСФСР и других советских республик (Латвия, Эстония, Литва, Белоруссия, Венгрия), и собственной КП(б)У, самостоятельно разрешающей все вопросы внутренней и внешней политики Украины, а с другой стороны — те, кто стоял за максимальное подчинение Украины правительству РСФСР и за то, чтобы КП(б)У являлась только областною организациею РКП. Среди вторых немало было и таких, которые вообще считали, что «украинские губернии» могут быть непосредственно подчинены московскому центру. В партийных низах и среди партийного середняка такое грубое деление являлось характерным. Что касается партийной массы РКП вне Украины, то там вплоть до руководящих верхов наблюдалось полное отсутствие представления об Украине, об особых условиях развития украинской революции, о том, коротко говоря, что Украина — это особая страна, а не «юг России», не «Малороссия».

При таком положении работа партийного и правительственного центров являлась чрезвычайно трудной.

В противоположность партийной периферии, руководящие товарищи (правда, за довольно еще значительными исключениями), в общем и целом подходили уже к правильному пониманию партийного и государственного строительства Украины, уже тогда наметили в основном путь, идя по которому партия пришла к нашему теперешнему разрешению национального вопроса на Украине и вообще в Союзе ССР. Они понимали, что нельзя проводить едино-неделимовскую политику, что Украинская Советская республика, оставаясь в теснейшей связи с Россией, должна существовать как особая государственная единица, соответствующая особым, специфическим потребностям страны; что украинская партия, будучи на началах демократического централизма об'единена в одну коммунистическую организацию с партиями других союзных республик, должна иметь возможность под руководством своего ЦК вести самостоятельную работу в пределах Украины применительно к ее особенностям, что правильная национальная политика требует исключительного внимания к вопросам украинской культуры и должна всемерно способствовать ее возрождению.

Но в проведении этой политики они на каждом шагу встречали сопротивление изнутри. «Русотяпская», в те времена весьма и весьма значительная

часть партии, срывала их работу, не будучи способною проводить их директивы, портила отношение с местным населением, особенно крестьянским, не признавала авторитета украинского центра, органически не понимая и не желая понимать его директив, тяготела к «настоящему», «всероссийскому». С другой стороны, российские руководящие органы часто недостаточно считались с украинским центром, давали ему распоряжения, основанные на недостаточном знакомстве с местными условиями, и присылали людей, для работы на Украине не подходящих. Что касается украинских «местных» элементов в партии, то они являлись более молодыми, менее опытными, реакция против «русотяпства» толкала их в оппозицию к партийно-руководящей группе, отпор которой русотяпству казался им недостаточно последовательным и энергичным. Быстрое полевение политических группировок чисто украинского происхождения (из УСР и УСД), приближение их к коммунистическим позициям приводили ко взаимному тяготению между ними и местными, украинскими работниками в КП(б)У. А так как партия и ее центральное руководство не могли не бороться с этими группировками, поскольку те еще не разделяли платформу нашей партии, существовали организационно самостоятельно и вступали с нами в конфликты, то борьба эта рикошетом отражалась и на отношении к украинцам членам партии, ибо русотяпам борьба с боротьбистами или укапистами давала повод нападать на все украинское, в частности, и на партийцев-украинцев.

В конечном счете руководящие верхи оказались в значительной степени оторванными от партийной массы, не имели в ней достаточной базы для опоры.

Все эти разногласия и неувязка не могли даже организационно выявиться, ибо за весь период времени между занятием Харькова январе 1919 г. и оставлением Киева (30 августе 1919 г.) не состоялось ни одного совещания или конференции, если не считать узкого пленума ЦК, происходившего в начале августа в Киеве, т.-е. за месяц перед его падением [1]).

Но встречаясь с сотнями украинских партийных работников в период отступления, я постоянно сталкивался с такими двумя основными типами понимания происходящих событий: «украинцы», «местные» жестоко критиковали правительство и ЦК за «пренебрежение интересами Украины», за «русотяпство», «антиукраинцы» ... также жестоко поносили нас и наше правительство за «самостийничество», за неспособность отразить Деникина, за то, что мы «допустили наступление на Москву».

Я говорил, что меня поразило пассивное отношение товарищей из правительства и ЦК к их «упразднению». В те времена, когда я целиком придерживался взглядов «федералистов», одним из пунктов платформы которых было разделение украинских работников на «местных» и «пришлых», эта пассивность мне казалась лишним доказательством несвязанности с Украиной, безразличием к ее судьбе.

В противоположность всем остальным товарищам, только Д. З. Мануильский резко отрицательно относился к этому акту: в Москву он не поехал, оставшись

[1]) Т. Лапчинский, очевидно, забыл о III е'езде КП(б)У, который состоялся в марте 1919 г. в Харькове. — Прим. Ред.

работать в районе 12-й армии в качестве опродкома. В журнале «Коммунист», издававшемся в Чернигове, он выступал с язвительной критикой нашей политики на Украине. В одной из статей он говорил, например: «каждую весну мы снаряжаем очередную труппу на Украину, которая, погастролировав там, к осени возвращается назад в Москву»; в том же номере он иронически отзывается об украинцах, которых мы включаем в наши правительственные комбинации, сравнивая их с «нотаблями», которых колониальные власти обычно привлекают из знатных туземцев к участию в местном управлении и которые в нем играют чисто декоративную роль.

Из других центрального значения работников оставались тогда в пределах Украины Затонский в Новозыбкове в качестве члена Реввоенсовета 12 армии и Коцюбинский в самом Чернигове в качестве председателя Губкома Обороны.

В Москве, куда я приехал, получив из Чернигова отпуск в виду своего болезненного состояния, находилось очень большое количество как ответственных, так и рядовых украинских работников. Настроение их было чрезвычайно подавленное, ибо Москва и московские партийные круги встретили их весьма неприветливо; общее мнение там было таково, что, благодаря нашим ошибкам, нашему неумению, дело революции на Украине было проиграно, мы не смогли отразить врага, вследствие чего самый центр революции, Москва, оказался поставленным под удар добровольческой армии.

Разделение между украинцами, считавшими себя органически с Украиной связанными, и теми, кто смотрел на свою работу там, как на временную, случайную, еще углубилось. Первые все свои планы и перспективы строили на возвращении на Украину, как только это окажется технически возможным, как только начнется обратное наступление Красной армии (а мы твердо верили, что это скоро случится), поэтому они всячески уклонялись от принятия на себя такой работы, которая могла бы их привязать к России, могла бы помешать им при первой возможности вернуться на Украину; они старались или с армиями связаться, или вообще пробраться в места, близкие к фронту; они болели душою за развал учреждений, причиненный эвакуацией, за погибшее имущество, потерянные материалы и архивы и прилагали все усилия к тому, чтобы советскую организацию как можно легче можно было бы восстановить на Украине, как только вновь явится возможность ее строительства.

Самороспуск правительства и ЦК, уход ответственнейших товарищей с украинской работы до крайности возмущал эту коммунистическую эмигрантскую колонию в Москве.

Одновременно среди наиболее вдумчивых и способных к теоретической проработке политических вопросов, естественно, происходил усиленный обмен мнений и изучение опыта нашей политической работы за предыдущий период, исследование причин нашего поражения, искание ошибок, приведших к краху.

Среди других окончательно оформилось и то течение, которое вошло в историю партии под кличкой «группы федералистов».

Как известно, еще летом 1919 г. в Киеве группа товарищей во главе с Петром Слиньком и Павлом Поповым, расходясь с политикой официально

руководивших партией товарищей, имела ряд частных совещаний, на которых разрабатывала свои взгляды на украинскую политику РКП, подвергала ее критике и склонялась к платформе, которую в общих чертах можно формулировать, как признание необходимости вполне самостоятельного украинского советского правительства, обладающего всею полнотою власти, не исключая областей военной и хозяйственной, столь же самостоятельного и не зависимого от РКП партийного центра и решительной ориентации в политике и в подборе руководящего партийного аппарата на «внутренние силы страны».

С такими настроениями Слинько остался на Украине для подпольной работы; он полагал, что в процессе внутренней борьбы против деникинщины в стране проснутся новые местные силы, которые, сбросив реакционную власть, закрепят строительство коммунистической партии и советской власти в своих руках и тем дадут этому строительству направление, отличное от прежнего, более соответствующее характеру украинской действительности.

Я также еще летом солидаризовался с этою группою и, приехав в Москву, опять связался с нею в лице товарищей Попова и Ландера, которые там уже находились. Мы провели целый ряд собраний украинцев-партийцев, результатом которых, между прочим, явилась докладная записка Центральному Комитету РКП, поданная от имени украинской секции при Московском Комитете РКП и составленая П. И. Поповым[1]).

В этой записке были сформулированы основные положения критики официального курса КПУ, а также положительной программы федералистов. В заключительной части авторы записки об'являли, что большая часть украинских коммунистов, находящихся в Москве, не считает возможным работать по директивам Орг. Бюро ЦК КПУ; что «по вполне точным данным»... «такое же настроение наблюдается и в Киеве, и в Полтаве, и в других городах Украины; они требовали, чтоб ЦК РКП внес полную ясность во все вопросы украинской политики, неотложно необходимую «в виду неизбежности скоро нового под'ема революции на Украине».

Противная сторона, подвергавшиеся таким нападкам недавние руководители украинской политики, никакого ответа на эту критику не давали: они, казалось, совершенно стушевались, были заняты практической работой в неукраинских организациях и учреждениях и после роспуска ничем формально и фактически об'единены между собою не были. Зафронтбюро занималось исключительно техникой посылки на подпольную работу, авторитетного политического центра ни в коем случае собою не представляя. ЦК РКП, как известно, высказался значительно позже, к моменту всероссийской партконференции 2—5 декабря.

Тут интересно напомнить, что резолюция конференции по украинскому вопросу, являвшаяся огромным шагом вперед к выпрямлению партийной линии

---

[1]) Эту докладную записку некоторые товарищи, приехав из Москвы в Житомир, отпечатали там и выпустили отдельною брошюркою под названием «Наша сучасна політика». При этом они снабдили ее предисловием за подписью «Організаційне Бюро групи федералістів, членів КП(б)У». В действительности никакого Организационного Бюро не существовало, равно как и оформленной группы и самого названия «федералистов». Только после этого нас стали называть «федералистами», и в конце концов и мы сами для краткости приняли это название. — Л.

на Украине, была внесена и защищалась делегатом Владимирской организации, тов. Яковлевым (Эпштейном), который уже более года не работал на Украине, в то время как все без исключения украинские товарищи, только что недавно являвшиеся членами правительства и ЦК, наотрез отказались выступить с докладом и предложениями. Я привожу эту справку, как иллюстрацию того разброда, который господствовал среди руководящих украинских товарищей [1]).

Таким образом в октябре месяце никакого ответа на мучившие нас вопросы, никакого выхода для создавшегося в партии положения мы не находили. В то же время мы помнили, что еще три губернии УССР частично свободны от власти белых, что вот-вот неминуемо произойдет перелом в военных действиях и территория Советской Украины снова начнет расширяться. До нас доходили известия о широкой повстанческой работе в тылу, за фронтом. Мы рвались поближе к фронту, чтобы немедленно начать работу на освобождаемых территориях.

Еще в Москве среди федералистов и примыкающих к ним товарищей возникла мысль о необходимости по инициативе местных украинских работников предпринять шаги к восстановлению КП(б)У, поскольку ЦК снял с себя обязанность по руководству партией. Наиболее решительно настроенные предполагали, что это строительство придется повести с самого начала созданием «из здоровых элементов КП(б)У», боротьбистов и укапистов новой партии — «Украинской коммунистической партии (большевиков)» — с непременным сохранением в ней руководства за старым большевистским ядром, но без организационной преемственности с КП(б)У.

Приехав на Волынь, я убедился, что сознанием необходимости предпринять хоть какие-нибудь шаги для того, чтобы вывести партию из создавшегося после роспуска ЦК положения, проникнуты все местные работники. В Житомире в то время находился тов. Мануильский в качестве местного «опродкомгуба»; вместе с ним работал тов. П. К. Солодуб, который недавно перед этим вступил в нашу партию. Председателем Ревкома, вернее, Губернского Комитета Обороны, был М. П. Васильев, секретарем Губпаркома — тов. Борисов (Коган), которого я знал еще с I с'езда (краевого) с.-д. (большевиков) Украины в декабре 1917 года. Там же находился Галревком — товарищи Порайко и Михайлик, а Женя Михайлова была уполномоченной по работе за фронтом. По чекистской линии работали товарищи Я. Лифшиц и Балицкий.

Я подробно ознакомил их с положением в Москве и настроениями находившихся там украинских работников. Товарищи, со своей стороны, поделились

---

[1]) Тут тов. Лапчинскому снова изменила память. Известно, что резолюция Всероссийской конференции по украинскому вопросу явилась лишь подтверждением резолюции, принятой раньше ЦК РКП. Последняя же, по категорическому заявлению тов. Раковского на IV Всеукраинской Партконференции, была выработана ЦК РКП совместно с ЦК КП(б)У и по настоянию ЦК КП(б)У внесена на Всероссийскую конференцию. Неверно также то, что тов. Лапчинский говорит о пассивности украинских работников на самой конференции. В прениях по докладу тов. Ленина (по украинскому вопросу) выступали, согласно воспоминаниям тов. Затонского, и Раковский, и Затонский и Мануильский. Внесение резолюции было поручено Яковлеву самими же украинскими работниками.

Проверить эти факты по документальным данным невозможно, так как протоколы декабрьской Всероссийской конференции 1919 г. не сохранились. — Прим. ред.

со мною сведениями о состоянии дел в свободной от белых части УССР, а отчасти и в зафронтовых районах, прилегающих к Волыни. Уничтожение центров — партийного и правительственного, отсутствие определенной политической линии и руководства все это привело к полному разброду. Черниговцы во главе с Ю. М. Коцюбинским разрешили вопрос очень просто: они об'явили Черниговщину присоединенною к РСФСР — по крайней мере, они на другой же день после роспуска украинских центров стали сноситься непосредственно с ЦК РКП, на что получили благословение тов. Стасовой, тогдашнего секретаря ЦК, а по советской линии руководились законами и распоряжениями правительства РСФСР. Даже вывески и учреждения были соответственным образом перелицованы [1]). Казалось, что по мере продвижения красных войск вглубь страны такое положение может механически распространяться и на другие части Украинской республики, тем более, что армия и военные власти находились целиком в подчинении РСФСР. Совершенно иначе однако обстояло дело на Волыни и в небольшой части Киевщины, свободной от деникинцев — там среди руководящих товарищей господствовало убеждение в необходимости до конца сохранить идею украинской советской власти, в необходимости не только держаться в этом направлении прежней партийной линии, но и решительно выправить ее в сторону более совершенного приспособления к специфически украинским условиям работы. Меня поразила глубина, так сказать, «украинского советского патриотизма» среди волынцев особенно еще и потому, что большинство их (Васильев, Борисов и др.) не являлись украинцами в том смысле, что не говорили по украински, а, в частности, Васильев не так даже давно начал работать на Украине, будучи коренным великороссом по происхождению и по партийной своей дореволюционной работе, т.-е. принадлежал к той же разновидности украинских работников, что и я. К осторожному и вдумчивому подходу в вопросах украинской политики волынцев принуждала необходимость считаться с сильными политическими противниками в лице боротьбистов, которые на Волыни вообще были достаточно влиятельны, а в описываемый момент в самом Житомире располагали крупными партийными работниками, ибо там находилась значительная часть их цекистов, в частности, товарищи Полоз, Шумский, Яковлев и др. Незадолго перед моим приездом атаман Волох в УНР-овской армии поднял восстание под советскими лозунгами и его части перешли на нашу сторону и находились под руководством боротьбистов. Боротьбистские военные организаторы, товарищи Савицкий и Голый, также в районе Житомира, успешно создавали революционные отряды, как части будущей украинской Красной армии.

Затем около того же времени через Житомир проехали и по дороге вели переговоры с местными властями Ю. Мазуренко и М. Ткаченко, бежавшие из Каменец-Подольска и направлявшиеся в Москву для переговоров о легализации

[1]) По раз'яснению тов. Ю. Коцюбинского никакого об'явления о присоединении Черниговщины к РСФСР, никакой перелицовки вывесок госучреждений не было. Но по линии партийной, действительно, установилась тесная связь с ЦК РКП. Произошло это в процессе частых обращений в ЦК РКП из-за конфликтов между Черниговским Губкомом и Реввоенсоветом 12 армии, который был подчинен общероссийскому командованию. — Прим. Ред.

УКП и ее участии в советском строительстве. Все это создавало благоприятную атмосферу для углубленной проработки вопросов нашей украинской политики и для более реального подхода к их разрешению.

В средине ноября состоялся расширенный пленум Губкома, на котором по докладу об общепартийном положении было постановлено от имени Волынского Губкома в кратчайший срок созвать совещание представителей всех организаций КП(б)У, действующих на свободной от белых территории, для обсуждения создавшегося в партии положения и принятия мер к его исправлению.

Губком избрал комиссию по созыву совещания в составе: Борисова (секретарь Губкома), Лапчинского, Мануильского, Ж. Михайловой (Зафронтбюро) и Порайка (Галревком). Состав являлся достаточно авторитетным, включая в себе представителей трех парторганизаций и двух партработников всеукраинского масштаба. Комиссия избрала местом совещания Гомель, как пункт, хотя и не находящийся в пределах УССР, но наиболее удобный в смысле связи со свободными территориями республики; время совещания было приурочено так, чтобы делегаты с совещания могли непосредственно поехать на Всероссийскую конференцию РКП, назначенную на 1 декабря в Москве. Точной даты, на которое созывалось совещание, установить не могу; равным образом не имею и точного текста извещения, которое было разослано приглашаемым организациям. Я помню только, что оно было довольно коротким, в нем в нескольких словах упоминалось о создавшемся внутрипартийном положении и о необходимости его обсудить сообща. Извещение было подписано именами всех членов комиссии. Телеграфное приглашение было послано также в Москву Орг. Бюро ЦК КП(б)У и персонально некоторым членам ЦК — кажется, товарищам Скрыпнику и Затонскому.

Совещание открылось в Гомеле в помещении местного отделения «Росты» в последних числах ноября. Насколько удалось мне установить по воспоминаниям, в нем принимали участие: Борисов, Мусульбас, Латонин (Волынь), Коцюбинский и Одинцов (от Черниговщины), два товарища — фамилии их не установлены от 44-й дивизии, стоявшей на Ирпени под Киевом (богунцы и таращанцы), Порайко и Михайлик (Галревком), Женя Михайлова (Волынское Зафронтбюро), Кассиор и Затонский (ЦК КП(б)У), Мануильский, Солодуб и Лапчинский (персонально). Мне кажется, что был еще кто-то от уездов Черниговщины, но Ю. М. Коцюбинский утверждает, что нет, так как им были приняты меры, чтобы отклонить уезды Черниговщины от участия в совещании[1]).

С самого начала Коцюбинский и Одинцов заявили, что они присутствуют лишь с информационной целью, так как считают недопустимым созыв совещания без разрешения ЦК. Тов. Затонский и Кассиор прибыли, как оказалось, по телеграмме, посланной Рафаилом из Москвы и предлагавшей им немедленно распустить совещание, как незаконное. Однако они не только не сделали этого, но фактически приняли участие в работах совещания.

---

[1]) Согласно справке т. Коцюбинского, приглашения на совещание были получены Городнянским, Сосницким и Новгородсеверским укомами. Черниговский Губком приглашения не получил. По указанию Губкома укомы отказались послать делегатов, и от Черниговщины были лишь Коцюбинский и Одинцов и только с информационной целью. — Прим. Ред.

Тов. Затонский в частной беседе прямо заявил мне и другим товарищам, что он считает требование ЦК неосновательным и не собирается его исполнять. Кассиор, правда, сначала сообщил собранию телеграмму ЦК, но, когда ему было дано об'яснение, что совещание имеет получастный характер в том смысле, что никакого официального оформления связи между организациями, приглашенными на совещание, не предполагается, он более не настаивал на исполнении требования ЦК и остался «с информационною целью».

Как потом выяснилось, телеграмма ЦК была вызвана преувеличенными слухами о том, что инициаторы совещания предполагают создать постоянный орган для руководства работою на свободной территории Украины в виду того, что «ЦК ничего не делает».

Председателем совещания был избран тов. Мануильский, секретарем — тов. Солодуб.

По просьбе собравшихся Кассиор сделал краткое сообщение о работе Орг. Бюро, в котором старался оправдать членов ЦК КПУ от обвинения в самороспуске, ссылаясь на необходимость подчиниться директиве ЦК РКП. В качестве докладчиков выступали тов. Мануильский «о задачах партии» и я «о советском строительстве».

По второму вопросу среди участников совещания, насколько я помню, разногласий особенных не было: все считали необходимым существование суверенной украинской советской республики, равноправной с остальными советскими республиками, связанной с ними союзною связью для осуществления общих задач обороны и хозяйственного строительства; всем было очевидно, что правительственный центр должен быть немедленно восстановлен, тем или другим образом создан. У меня, по крайней мере, а также и у других участников, которых я опрашивал, не сохранилось в памяти, чтобы по моему докладу была сильная дискуссия. Только черниговцы, разумеется, и по этому вопросу уклонились от участия в работе. Выводы мною были формулированы в следующих кратких тезисах:

1. Украина на протяжении всей своей территории должна являться суверенною советской социалистической республикой, управляемою исключительно своею советскою властью, высшим органом которой является Всеукраинский С'езд Советов.

2. Об'единение Украины с другими социалистическими республиками *независимо от того, образованы ли они или будут образованы на территории быв*ш. *Российской Империи или вне этой территории*, может иметь место только на истинно-федеративных началах, а именно так, чтобы общие для всех федерированных государств органы управления состояли из представителей всех членов федерации и чтобы в пределах Украины такие органы действовали через посредство местных — украинских — органов советской власти.

3. В частности, при об'единении некоторых отраслей управления и хозяйства Украины с Россией и другими советскими республиками общие федеральные органы, ведающие этими отраслями, ни в коем случае не должны совпадать с соответственными административными органами собственно Великороссии.

Гораздо труднее было придти к соглашению по вопросу о ближайших задачах, стоящих перед партией, и о партийном строительстве. Если у всех инициаторов было твердое убеждение в необходимости «существования» КП(б)У, как отдельной коммунистической организации для Украины, и в необходимости авторитетного партийного центра, то с этим не могли не согласиться и представители ЦК. Но они не могли не возражать против поддерживаемого нами предложения, чтобы в случае, если ЦК (т.-е. «Орг. Бюро») не созовет в определенный срок партийной конференции, мы созываем ее сами, для чего на самом совещании должно быть избрано специальное «бюро» [1]). Наконец, большинство товарищей втом числе и тов. Мануильский не могли принять моей «федералистской» трактовки о необходимости замены КП(б)У. Украинскою Коммунистическою партией (большевиков), независимой от РКП и непосредственно подчиненной только Коминтерну. Эти выводы я формулировал в тезисах, которые огласил во время дебатов по докладу Мануильского (см. прил. II).

Резолюция, принятая совещанием, не только не включала в себя защищавшихся мною положений о «самостоятельной секции Коминтерна», но и прямо отвергала взгляд об об'единении с боротьбистами и даже о блоке с ними, «пока они не отказались от лозунга отдельной украинской Красной армии», и предостерегала против опасности «воинских частей м е с т н о г о происхождения». Наконец, совещание отказалось от того, чтобы взять на себя инициативу созыва партконференции, хотя и постановило добиваться этого созыва в месячный срок.

С моей тогдашней точки зрения единственным положительным результатом совещания являлось признание, что одною из главных причин наших ошибок и неуспехов было отсутствие действительного («не фиктивного») правительственного центра и недостаточная самостоятельность, авторитетность центра партийного.

Совещание продолжалось два дня и по окончании его большинство участников выехало в Москву на Всероссийскую конференцию и на С'езд советов. К моменту нашего от'езда пришло известие, что в Москве образовался Всеукраинский Революционный Комитет в составе трех большевиков, одного боротьбиста и одного борьбиста. Таким образом безвластие на Советской Украине кончилось. УССР имела уже свое революционное правительство, а фактически и свой партийный центр, поскольку фракция в Ревкоме в составе Петровского, Мануильского и Затонского являлась достаточно авторитетною. А участники гомельского совещания получили уверенность, что все намеченное этим совещанием теперь найдет свое осуществление, поскольку руководство украинской политикой оказалось переданным в руки именно тех товарищей, которых само совещание избрало для проведения в жизнь его постановлений и которые своим участием в работах совещания и согласием на свое избрание приняли на себя определенные политические обязательства.

---

[1]) Вопрос о «бюро» был предметом резкой дискуссии на совещании. По воспоминаниям т. Коцюбинского, совещание чуть было не выбрало этого бюро, задачей которого фактически было заменить ЦККП(б)У. Но после решительного выступления Сп. Косиора против этой затеи и когда выяснилось, что кроме волынцев никто в бюро не хочет входить, вопрос был вторично поставлен на обсуждение и тогда уже провален — вместо бюро решили избрать комиссию без «особых полномочий». — Прим. Ред.

Резолюция ЦК РКП, утвержденная Всероссийскою конференциею, политические выступления Всеукрревкома, приказ тов. Троцкого по войскам, оперирующим на Украине — все это знаменовало значительное изменение в политике партии на Украине в сторону реального учета особенностей, в которых пролетарской революции пришлось пробивать себе дорогу в нашей стране.

Но несомненно, что гомельское совещание явилось первой ласточкой, предвещавшей наступление этих перемен.

Приложение I

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. МАНУИЛЬСКОГО, ПРИНЯТАЯ НА ГОМЕЛЬСКОМ СОВЕЩАНИИ

Заслушав доклад о задачах партии на Украине, совещание настаивает на необходимости воссоздания действительно советского правительства Украины, организации украинского ЦИК и Совета Народных Комиссаров. Первейшей задачей украинского правительства является осуществление полного военного и экономического об'единения Советской Украины с Советской Россией. Наряду с этим Совещание считает необходимым существование КПУ и предлагает ЦК КПУ созвать в ближайшее время Украинскую партийную конференцию для выработки политической линии в деле строительства советской власти на Украине.

Что касается политического блока с другими коммунистическими партиями, в частности, с боротьбистами, то до отказа последних от лозунга отдельной украинской армии никаких соглашений с ними быть не может.

По отношению к партизанскому движению совещание рекомендует возможно большую осторожность и считает возможным продвижение на юг и организацию советской власти на Украине лишь при наличии регулярных дисциплинированных воинских частей (не местного происхождения).

По вопросу о данном совещании, также о созыве общепартийной Украинской конференции — избрать комиссию в составе трех членов, которой поручается довести до сведения ЦК КПУ и ЦК РКП постановления совещания и добиваться созыва в месячный срок Всеукраинской партийной конференции.

В комиссию избраны товарищи Мануильский, Затонский и Лапчинский.

Приложение II

КОНТРПРЕДЛОЖЕНИЯ ФЕДЕРАЛИСТОВ ПО ДОКЛАДУ МАНУИЛЬСКОГО

ТЕЗИСЫ ЛАПЧИНСКОГО О ПАРТИЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Чтобы об'единить рабочих и крестьян всей Украины для борьбы за коммунистическую революцию, чтобы силами пролетариата и бедного крестьянства успешно проводить коммунистическую диктатуру, необходимо, чтобы все коммунистические силы на Украине об'единились в одну партию — Украинскую коммунистическую партию большевиков.

1. Партия эта должна быть вполне самостоятельной секцией интернационала т.-е. должна иметь возможность на основании общих принципов коммунистической программы и в согласии с остальными секциями интернационала проводить коммунистическую работу в пределах всей Украины как Наднепрянской так и Заднестрянской; высшим органом ее является общепартийный с'езд; она распоряжается всеми партийными работниками, находящимися в пределах Украины.

2. УКП(б) об'единяет всех коммунистов, работающих на Украине, независимо от национальности; но она должна помнить, что 90% населения украинской национальности, что все крестьянство страны в этом отношении однородно и что действительное просвещение и поднятие культурного уровня масс и вовлечение их в активное строительство коммунистического общества мыслимо лишь путем восстановления прав народного языка и дальнейшего расширения его значения, поднятием интереса к судьбам своей страны, ознакомлением их с ее историей культуры, изучением природных ее богатств и возможности их развития; поэтому члены партии должны решительно порвать с унаследованным от времен царизма презрением ко всему местному, национальному, со взглядом на Украину не как на самостоятельную страну, населенную одним из значительнейших по своей численности европейским народом, а как на придаток к России, колонией которой она все время, действительно, являлась. Только при таком отношении члены правительственной партии, партии пролетариата, выражающего в данный момент интересы всего населения в целом, могут исполнить свой долг перед народными массами.

3. УКП(б) должно об'единить все партии, работающие на Украине и разделяющие принципы коммунистического интернационала. Но ядром этой партии не может стать никакая группа, кроме большевиков, ибо они являются наиболее выдержанными, наиболее решительными и наиболее теоретическими последователями, представителями коммунизма. Только большевиков долгое время знал пролетариат и крестьянство Украины, как борцов за мир, землю и свободу, как представителей власти советов. Украинская коммунистическая партия должна сохранить название «большевики».

4. Для разрешения всех неотложных вопросов партийной жизни необходимо, чтобы ЦК созвал широкую партийную конференцию в самый кратчайший срок, к участию в которой, кроме делегатов партийных организаций, должны быть привлечены ответственные работники в возможно большем числе, а в первую очередь члены фракции ЦИК'а, комиссии 50-ти, члены фракции Наркоматов, Губисполкомов и члены Губпаркомов. Для содействия в этом Центральному Комитету совещание избирает комиссию, которой поручается собственными мерами созвать конференцию в том случае, если ЦК не в состоянии будет это сделать.

К ВОСПОМИНАНИЯМ О ГОМЕЛЬСКОМ СОВЕЩАНИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция считает необходимым оговорить моменты в статье т. Лапчинского, в которых дано весьма суб'ективное освещение внутрипартийных разногласий описываемого периода.

1. Говоря о самороспуске «упразднении» Украинского Советского Правительстваи ЦК КП(б)У, т. Лапчинский сильно сгущает краски. Хотя этот роспуск несомненно, был политической ошибкой, нужно, оценивая его, учесть те специфические условия, в которые Украина была поставлена деникинской оккупацией. Центр тяжести всей борьбы за соввласть на Украине был перенесен в плоскость чисто военную. И повстанческая, и партийная работа на Украине являлись лишь подсобными в выполнении основной боевой задачи, разрешить которую могла только регулярная Красная армия, действующая под единым руководством и командованием. Поэтому уход многих членов Украинского ЦК и Правительства в армию, так же, как и мобилизация на фронт 70% всех членов КП(б)У были неизбежны.

Военное положение Украины об'ясняет тот индиферентизм по отношению к вопросу о сохранении во время оккупации украинского советского и партийного центров, который, по словам Лапчинского, проявляли многие руководящие работники и который вызвал в нем такое возмущение. Индиферентизм в этом вопросе вовсе не доказывал равнодушия товарищей, ушедших в общую военную работу, к судьбам Украины. Как только успешное наступление Красной Армии дало возможность приступить к восстановлению соввласти на украинской территории, сейчас же были восстановлены и украинские советские и партийные центры. И те товарищи, которым Лапчинский бросает упрек в безразличном отношении к Украине, первыми вернулись на украинскую работу.

2. Из воспоминаний т. Лапчинского получается впечатление о полном расколе внутри КП(б)У по национальному вопросу. С одной стороны — «пришлые», «русотяпы», стремящиеся к ликвидации украинской государственности и КП(б)У, как партии, с другой — местные, тяготеющие к украинским небольшевистским группировкам. И, наконец, руководящие товарищи которые по оценке Лапчинского подходили уже «в общем и целом» правильно к вопросам партийного и государственного строительства Украины, но, не решаясь опереться на коренных местных работников, оказывались «в значительной степени оторванными от партийной массы, не имели в ней достаточной базы». Эта картина неверна. Хотя в 1919 г. и даже позже большинство партии, а вместе с ним и руководящий центр еще не стояли на должной высоте в понимании национальных отношений, но основное ядро партии уже шло к этому пониманию путем жертв и поражений, жестоко расплачиваясь за свои ошибки часто жизнью на бандитском, продовольственном и военном фронтах. И тут между центром и основной массой партии не было разрыва. «Русотяпов» в истинном смысле этого слова, т.-е. таких членов партии, которые не задумывались над больными вопросами украинской революции, действовали без оглядки, по шаблону, рассматривая Украину, лишь как временный этап на своем пути, не так много было в рядах КПУ, чтобы об этом «направлении» говорить, как о решающем в украинской политике. Что же касается второго крыла партии «украинских советских патриотов», как их называет Лапчинский, то оно также не играло той роли, какую ему Лапчинский приписывает. Идеологи этого течения — федералисты — представляли численно очень слабую группу и сфера их влияния была весьма ограничена.

Федералисты питались ошибками руководящего ядра партии, на справедливой критике этих ошибок строили свою временную популярность. Положительная же часть их программы, ничем по существу не отличавшаяся от программы боротьбистов и укапистов, не только была отвергнута партией, но даже не ставилась ею всерьез на обсуждение. И это вполне понятно. Федералисты хотели привести КП(б)У к укапизму, а партия предпочла лучшие революционные элементы украинских группировок влить в свои ряды, большевизировать их вместо того, чтобы раствориться вновой «Украинской Коммунистической Партии» которую так безуспешно пытались воздвигнуть федералисты.

3. Тов. Лапчинский нигде в своей статье не дает критической оценки взглядов федералистов, хотя высказывает достаточную строгость в критике господствующего направления КП(б)У. А без такой оценки политическое значение гомельского совещания остается неясным. Нигде в статье отчетливо не сказано, что на гомельском совещании федералисты потерпели жестокое поражение. Между тем это следует считать важнейшим уроком гомельского совещания. Созванное по инициативе федералистов, весьма узкое по составу (фактически участие с решающими голосами принимали только волынцы да представители Галревкома, так как представители ЦККП(б)У Черниговщины и дивизии в голосованиях не участвовали), оно тем не менее отвергло предложения федералистов по всем вопросам. Резолюция, принятая совещанием, намечает «как первейшую задачу украинского правительства осуществление полного военного и экономического объединения Совукраины с Совроссией». В программе же федералистов важнейшим пунктом стояло требование полной военной и экономической самостоятельности. Резолюция далее категорически возражает против блока с боротьбистами до отказа их от лозунга отдельной украинской армии. А федералисты считали необходимым не только блок, но и полное слияние с боротьбистами. Наконец, резолюция констатирует невозможность восстановления соввласти на Украине без содействия регулярных, дисциплинированных воинских частей неместного происхождения. А федералисты ориентировались исключительно на внутренние силы украинской революции, переоценивая значение повстанчества и относясь с недоверием к Красной Армии неукраинского состава (в этом отношении весьма характерно замечание т. Лапчинского об опасениях, которые у него и его единомышленников вызывало продвижение Красной Армии вглубь Украины — не произойдет ли в результате его «механически» присоединение украинских губерний в РСФСР — см. стр. 43).

То же по вопросам партийного строительства. Линия, формулированная т. Лапчинским в опубликованных выше тезисах, была полностью отвергнута совещанием.

Неудивительно, что т. Лапчинский с его «тогдашней точки зрения» не видел больших положительных результатов от гомельского совещания.

Мы же, с нашей нынешней точки зрения, можем отметить, что гомельское совещание, хотя и не дало практических результатов, должно занять свое место в политической истории КП(б)У, главным образом потому, что на нем укапистским настроениям в рядах нашей партии был нанесен решительный удар.

ВЫСТРУКОВ

Годы гражданской войны на Черниговщине

(1919 — 1920 г.г.)

I

Еще с июня месяца, когда в Городне получились сведения о занятии Деникиным Харькова, местный партийный комитет предпринял целую кампанию по усилению коммунистического влияния в деревне и для раз'яснения селянам смысла и последствий деникинской авантюры. В ответ на истязания, чинимые белыми над коммунистами, рабочими и крестьянами, был об'явлен по Украине «красный террор». Тогда и в Городне расстреляли целый ряд представителей местной буржуазии, дворянства и контр-революционного элемента.

Между тем события разворачивались все быстрее и быстрее. Советская республика была об'явлена в опасности. В прифронтовой полосе вместо исполкомов организовались Ревкомы. Такой Ревком был организован и в Городне. Председателем его был назначен тов. Черноус.

Наступил август месяц. На Киев со всех сторон напирали разные контр-революционные банды. Красные войска после боев сдали Киев и отступили на Бахмач и по шоссе на Козелец и Чернигов. В отступающих частях наблюдалась паника. Натиск противника был очень силен, а силы неравны. Деникинцы быстро продвинулись по шоссе, заняли Чернигов, где уже спешно производилась эвакуация. Губком обороны издал за подписью Батюка-Урусова приказ о расстреле всех, кто будет распространять ложные слухи и сеять панику.

Наступление деникинцев было задержано красными частями в 20 верстах от Чернигова, где образовался фронт. С нашей стороны фронт держали червонные казаки. В это время Мамонтов продвигался в направлении Курска и туда предполагалось перебросить «червонцев». Рассчитывать на то, что Чернигов продержится долго, было трудно, так как красные за исключением, пожалуй, только кавалерийских частей были окончательно дезорганизованы. Пехота отступала беспорядочно, группами или поодиночке. Разные примазавшиеся к Красной армии молодцы по пути производили самочинные реквизиции, дискредитируя советскую власть. Местная власть повела с этим энергичную борьбу, передавая виновных военным трибуналам, которые приговаривали их к расстрелу. Припоминаю один из таких процессов, когда мне пришлось обвинять комиссара вторых киевских командных курсов Чужакова-Гартензона и двух красноармейцев — Светайлова

и Фастовского, которые занимались незаконной реквизицией лошадей и вымогательством. Они были пойманы на месте преступления местным Советом и ячейкой. Дело было назначено трибуналом к слушанию при открытых дверях в театре и об этом были оповещены селяне, которые с'ехались на суд и расположились с подводами у театра. Дело это вызвало большой интерес и среди красноармейских масс. Суд длился недолго. Трибунал в составе А. Кулеша, И. Ворлыга и Н. Короткого постановил Чужакова расстрелять, Фастовского подвергнуть пятилетнему, а Светайлова двухлетнему заключению. Характерно отметить, что ни один из выступавших на суде красноармейцев не просил снисхождения для обвиняемых, а, наоборот, все требовали высшей меры наказания. Крестьяне же, с которыми мне потом приходилось говорить, высказывались за более мягкий приговор. Приговор суда был размножен и разослан по всем волостям. Престиж советской власти стал тверже, и злоупотребления, насколько помню, уменьшились...

К началу сентября в Городне сосредоточились крупные воинские силы, состоящие из отступающих частей, и отсюда началась отправка их в разных направлениях для формирования. Насколько мне помнится, в Городне стояли следующие части: кавалерия, интернацион. бригады, киевские курсы красных командиров, тяжелый артиллерийский дивизион, 25 ж.-д. бригада и до 4000 червонного казачества, снятого с черниговского фронта и переброшенного на более угрожающий фронт. Кроме того, здесь находилась 60 дивизия со штабом. Начдивом, помню, был Н. Крапивянский. Дивизия его позже отбивала у белых Чернигов. В общем, Городня превратилась в военный лагерь. На территории ее работало одно время четыре опродкомдива: 60-й, 47-й, 44-й и 58-й.

Работа всех снабженческих частей армии была строго увязана с Опродкомом. Характерно отметить, что местным населением была проявлена такая сознательность, что заготовки велись почти без всяких эксцессов. Я помню неоднократно случаи, когда села, не ожидая окончательной разверстки, привозили по своей инициативе продукты для армии в счет будущих разверсток. Случалось также, что села привозили хлеб, добровольно собранный сверх разверстки. Весь уезд жил одним желанием — избавиться во что бы то ни стало от деникинских банд.

По мере продвижения Деникина губернские учреждения эвакуировались на север. Эвакуация производилась через Городню.

Нажим Деникина все усиливался. После переброски на курский фронт червонных казаков стало ясно, что Чернигову не устоять.

На Городнянщине также началась эвакуация. Самым ценным в уезде были совхозы — и они эвакуировались в первую очередь. Эвакуация прошла образцово. Ею руководил заведующий земотделом Д. Щуковский, крестьянин Городнянского уезда, чрезвычайно способный и хозяйственный работник. Пострадал лишь один совхоз Пересаж, куда заскочил наш кавалерийский отряд во главе с Галакой (впоследствии стал бандитом, терроризовавшим весь уезд), который произвел реквизицию племенного скота, надебоширил и скрылся.

По распоряжению Губревкома о свертывании советского аппарата уезда и организации Уревкома был организован Ревком, в состав которого вошли: Чер-

ноус (председатель), Лось, Кулеш и др. Советские служащие были мобилизованы и влиты в продполк. Был издан приказ о зачислении буржуазии и нетрудового элемента в рабочий батальон.

Опродкому предстояла большая работа — он должен был обслужить большое количество едоков. Работа по выкачке продовольствия, как уже упоминалось выше, шла совершенно безболезненно. Крестьянство хорошо еще помнило гетмана и стремилось поддержать Красную армию, которая терпела всякие лишения.

В октябре был сдан Чернигов. Все из губернии эвакуировалось на север через Городню. Губком обороны (предс. который был в то время Ю. Коцюбинский) и ГЧК (председателем которой был А. Одинцов) перекочевали на Городнянщину. Часть коммунистов в момент налета деникинских банд на Чернигов была захвачена ими и замучена. Вместе с другими был захвачен предревкома, тов. Хавский, но ему удалось спастись. От руки бандитов погиб тов. Удовенко.

Через два дня после занятия Чернигова деникинские банды были уже в м. Седневе, на границе Городнянского уезда.

Падение Чернигова произвело на население уезда ошеломляющее впечатление. Опасность с каждым днем приближалась... После занятия Бахмача деникинцы неоднократно пытались сделать налет на ст. Сновск и несколько раз показывались на ст. Дача. Особенно тревожила возможность наступления деникинцев со стороны Бахмача, так как в этом случае уезд оказался бы отрезанным от севера и единственный путь к отступлению был бы закрыт. Надеяться на те силы, которые остались к этому моменту в Городне, особенно не приходилось, так как они не были еще приведены в боевой порядок. Значительная же часть войск ушла на формирование в Россию. Уже позднее Крапивянскому удалось сколотить довольно сильную 60 дивизию, которая дала Деникину сильный отпор на этом фронте и заставила его отступить...

Я помню один чрезвычайно серьезный момент, когда противник стал себя проявлять с южной стороны уезда, где наши силы были значительно слабее и часть фронта была совершенно оголена. В этот опасный момент местный Революционный Комитет и Партком обратились с призывом к партийцам, к бедноте и всем повстанцам времен гетманщины встать на защиту республики.

Клич быстро разнесся по всему уезду, где в этот момент замечался сильный революционный под'ем. Через несколько дней двор Ревкома был заполнен добровольцами. Вся наша активка собралась побеседовать с прибывшими. У всех было одно настроение — бить врага, не сдавать советской власти и погибнуть, если придется, но с винтовкой в руках, а не в петле палачей. Агитации никакой не требовалось. Все для всех было ясно. Каждый из партизан отлично отдавал себе отчет в происходившем. Уходя из дому, партизаны завещали семье на случай прихода врага скрываться в лесах и болотах и ждать их скорого возвращения. Все жили верой в то, что враг будет отбит.

В течение двух недель Ревкому удалось сформировать три отдельных батальона особого назначения, которые прекрасно вооружились, были снабжены пулеметами и обмундированием. При первом батальоне имелся уже кавалерийский

отряд, состоящий из бывалых ребят. Комсостав был выборный и состоял из коммунистов и б. партизан. С этими батальонами уехали ответственные работники Слуцкий, Аронов, Д. Петровский и другие. Некоторые из них, как и многие из партизан, никогда уже больше не возвращались, положив свою жизнь на фронте, другие же, как тов. Слуцкий, только через несколько лет вернулись из польского плена.

Батальоны постепенно отправлялись на фронт на Макошино и Бахмач, получая соответствующие задания от военного командования.

II

Как было уже сказано выше, в Городню эвакуировался Губком Обороны. Члены его, покойная Е. Бош и Ю. Коцюбинский, все время находились в Городне или на фронте и вели неустанную работу по организации обороны уезда.

Я помню частые поездки Е. Бош на фронт. Как только наступало утро, машина Е. Б. уже мчалась туда, где красноармейцы держали фронт и где она всегда была желанным гостем. Красноармейцы засыпали ее сотнями вопросов. Она всякому подробно отвечала, поддерживала бодрость в красноармейских рядах.

Я хочу несколько остановиться на той колоссальной энергии, которая была проявлена Евгенией Богдановной в эти чрезвычайно опасные минуты. Квартира ее была шагах в двадцати от Ревкома и соединялась с ним калиткой через сад. Проходя мимо окон домика, где она жила, можно было всегда видеть свет до двух часов ночи, а то и позже. В этом маленьком доме непрерывно шли всякие совещания. Там бывали все: и военные и гражданские власти, и партийные и беспартийные, и крестьяне — все, кто принимал то или иное участие в защите фронта. Всем она умела дать совет, не боялась взять на себя в самую трудную минуту ответственность...

Проводя эвакуацию имущества Упродкома и еще кое-каких учреждений, я неоднократно советовался с Евгенией Богдановной по своим вопросам и всегда чувствовал глубокую уверенность в правильности ее указаний. Я помню, был один момент, когда нужно было, согласно распоряжения Губэвака, все имущество и продукты обязательно погрузить на станции и отправить на Новозыбков. Имущество только одного Упродкома было громадно — свыше 10 тысяч пудов продовольствия и масса скота... В случае необходимости отпора противнику уезд уже ничего не мог взять с села, так как все, что можно было отдать, было уже отдано крестьянами. По этому поводу я обратился к Евгении Богдановне. Быстро согласовав вопрос, она дала разрешение эвакуировать продукты в тыл за 30 верст от Городни. Такое распоряжение было чрезвычайно целесообразным, так как продовольствие скоро потребовалось...

Или еще один момент. Как-то в Городню пришла целая группа партизан и стала настойчиво требовать от своих бывших вожаков А. Кулеша, П. Петровского и др. организовать партизанские отряды и занять открытый участок фронта. Настроение крестьян «не пускати ворога до своеї хати» было общим. На доводы, что сейчас, когда существует Красная армия, нельзя организовывать

партизанских отрядов без согласования с командованием регулярных частей, они прямо в глаза смеялись, называя нас, мягко выражаясь, нерешительными. Им трудно было возражать, так как со стороны Чернигова мы действительно были чрезвычайно мало защищены и стоявшие у Седнева части были в постоянной опасности, так как каждую ночь их можно было обойти с фланга, что впоследствии деникинцы и пытались сделать.

Однажды, идя в Ревком, я встретил П. Петровского. Обменявшись впечатлениями, мы заговорили о настроениях партизан и возможности их использования на одном из открытых участков фронта по линии Городня - Типичев - Репки хотя бы временно, пока в Городню прибудут воинские подкрепления. Мы полагали, что формальное отношение к делу перед лицом непосредственной опасности неуместно. Мы пошли к Евгении Богдановне и поделились с нею своими соображениями. Она сперва и слышать не хотела об этом, ссылаясь на целый ряд приказов Реввоенсовета и т. п., но, когда мы подробно нарисовали картину состояния фронта и доказали возможность обхода наших частей с неприкрытого участка, она согласилась на временную организацию партизан и тут же назначила политкомом П. Жебровского и дала целый ряд указаний относительно взаимоотношений с воинскими частями.

10 октября состоялось совещание политработников уезда под руководством уездного партийного комитета и при участии членов Губкома Обороны. Доклады с мест дали полную картину положения на периферии...

Через две недели состоялось второе совещание.

В результате работы этих совещаний было установлено, что коммунистическое влияние на селе достаточное, что симпатии крестьян к советской власти и революционный под'ем растут, что крестьяне стремятся поддержать Красную армию, взявшись за оружие, что наблюдается массовый уход в армию и активная борьба населения с дезертирством и с появившимся бандитизмом, что беднота об'единяется вокруг комбедов.

На втором совещании ответственными политработниками мест была сделана также информация о том, что проходящие части пользуются авторитетом в крестьянских массах, особенно Пластунская бригада, не позволявшая, по выражению крестьян, обижать их. И действительно нужно сказать, что комсостав следил, чтобы ни один красноармеец не позволял себе никаких вольностей.

На совещании голоса работников мест звучали так бодро и уверенно, что невозможно было допустить мысль, что скоро везде будут свирепствовать деникинские банды...

Наши воинские части окрепли. Паника постепенно улеглась. Дисциплина восстановилась. Особый отдел и Ревтрибунал были постоянно на-чеку. Крапивянский, начальник 60 дивизии, стоящей в Городне, приступил к организации знаменитого на Черниговщине августовского восстания, начал подбирать боевых ребят и постепенно разворачивать работу. Фронт значительно укрепился под руководством вполне авторитетного комсостава. В частях стала расти твердая уверенность в близкой победе над врагом. В соседнем Сосницком уезде стояла также крепкая дивизия. Несколько попыток деникинцев пробиться со стороны

Бахмача кончилось полной неудачей и потерей ими двух громадных бронепоездов — «Потемкин» и «Орел», взятых нашими частями в плен и доставленных в Сновск, что имело, конечно, большое влияние на поднятие на этом участке боевого духа красноармейцев.

В это же время в Тупичевской волости шла срочная организация партизан. По распоряжению т. Е. Бош, 180 винтовок с патронами из Продкома и часть винтовок из ЧК были переданы партизанскому штабу.

В штабе спешно производилась запись в отряд и его формирование. Для кавалерийской разведки Опродкомом были даны лошади, винтовки, патроны, походная кухня и снабжение. Целый ряд ответственных работников переехал со штабом в Тупичев, где нашего приезда уже ожидали сотни партизан. В течение трех-четырех дней собралось таким образом до 500 человек отборных боевиков. Настроение было приподнятое, боевое. Все кипели желанием скорее сразиться с деникинцами. На угрожающей линии фронта были выставлены заставы. День и ночь заставы эти зорко следили за всеми дорогами, откуда могли появиться деникинские банды, о зверствах которых из Чернигова и сел, где они побывали, шли самые ужасные слухи. Слухи эти подтверждались нашими разведчицами-крестьянками, которые под видом обмена хлеба на соль ходили на территорию, занятую деникинцами, и приносили оттуда все новости и сведения о расположении воинских частей, вооружении и т. п.

Вывод партизанских частей на опасный участок оказался вполне своевременным, так как именно в этот момент деникинцы сделали ряд попыток занять территорию уезда со стороны Чернигова, из м. Седнева, стоящего на границе между Черниговским и Городнянским уездами. Во время одной из таких попыток деникинцы наскочили на отряд тов. Казачка и партизанские заставы. Со всею ненавистью отряд тов. Казачка бросился на деникинцев. Это было неожиданностью для белых, которые считали, что участок почти не защищен. В других местах деникинцы также наткнулись на заставы партизан и быстро ретировались... Весть о появлении на фронте партизан испортила настроение деникинцев, тем более, что к этому моменту Красная армия стала брать в свои руки инициативу и выбивать противника из его позиций.

Мне пришлось после таких неудач со стороны деникинцев быть с партизанским кавотрядом в разведке и наблюдать наступление озлобленного офицерства и чеченцев. Дело было так. Однажды мы вчетвером (Г. Дорофеев, Филон, Бублен и я) выехали из Тупичева в разведку на седневский фронт. По имеющимся у нас сведениям, местечко Седнев было уже у наших руках. Этому можно было вполне поверить, так как у самого Седнева с северной его стороны (это нам было уже достоверно известно) залегли, окопавшись, красные части. Нам нужно было связаться с этими частями и с их согласия взять определенный участок для операций, чтобы неуместным выступлением не помешать оперативному плану единого командования.

Мы выехали из Тупичева на восходе солнца. Было морозно и земля после дождей покрылась твердыми кочками, не позволявшими идти рысью. Выехав в поле, отделявшее село Куликовку от Седнева, мы стали осторожно продвигаться

вперед. Так проехали мы часа полтора... Нигде никого не было видно. Стали под'езжать к самому Седневу. Под'ехали приблизительно на полверсты к седневским огородам. Все вокруг, казалось, было спокойно... Но, когда мы свернули на дорогу, я справа за бугром со стороны Черныша, где было расположение деникинцев, увидел дозор. Не успел я сказать об этом товарищам, как они уже, тоже заметив дозор, остановились, как вкопанные. В 300—400 шагах перед нами вдруг появилось из канавы не меньше 200 винтовок и выглянули головы каких-то солдат. Кто они — свои или нет? Мороз прошел по коже... Удирать назад было поздно, так как все равно, кто бы ни был в канаве, свои или чужие — будут стрелять. Часть из них по виду была похожа на чеченцев — в папахах, черных шинелях и т. д. Мы стояли неподвижно. Впереди цепь, а вправо дозор... Ни вперед, ни назад... Потом под прицелом цепи мы медленно двинулись параллельно цепи налево, посматривая направо. Это была немая минута, минута между жизнью и смертью. Мы всматривались в цепь, пытаясь разгадать, кто там. Но вот отделилась фигура флангового солдата и — мы увидели звездочку... Круто повернув лошадей, мы под'ехали к самой цепи под наведенными на нас винтовками. Мы пред'явили документы и узнали, что недавно деникинцами снова был захвачен Седнев, но что их выбили.

Красноармейцы очень заинтересовались нами и все расспрашивали, как и что, откуда мы, много ли партизан и т. д. Они нам рассказали, что приняли нас за деникинцев и приготовились стрелять, и если бы мы в эту минуту не повернули и не поехали прямо на цепь, то нас расстреляли бы. Красноармейцы смеялись, называя нас счастливцами. Удовлетворив их любопытство, мы проехали в местечко, где узнали все подробности деникинского пребывания...

Население местечка было настроено панически. Чеченцы изрубили нескольких красноармейцев, не успевших во-время уйти из местечка, и трех прохожих, ничего общего не имевших с советской властью. Мы остановились в северной части местечка покормить лошадей и немного передохнуть. Не прошло и десяти минут, как с южной стороны местечка, со стороны базара, послышалась перестрелка. Было ясно, что начинался бой... Вскочив на лошадей, мы помчались в ту сторону, где, по нашему расчету, должны были стоять наши. Выехав на гору, мы возле исполкома встретили штаб. Помню, там был и тов. А. Одинцов, кажется, как начальник боевого участка. Бой только что начался. Со стороны с. Черныша наступали деникинцы... Наша пехота встретила их огнем. Наша разведка была послана штабом в предместье местечка «Млины», так как белые с этой стороны могли между горами легко обойти нас с левого фланга. Нам предстояло проехать версты полторы... Пришпорив лошадей, мы помчались, пугая по дороге наши дозоры, один из которых нас чуть не обстрелял. Прибыв в «Млины», мы от населения узнали, что недавно из-за горы, действительно, показалась деникинская кавалерия. Установив близость противника, мы вернулись обратно на базар. Там, где раньше был штаб, уже никого не оказалось. На вышке колодца сидел сотрудник ЧК т. Пуляка и наблюдал за противником. Не успели мы под'ехать, как он с криком: «спасайтесь — черкесы» кубарем скатился с вышки и бросился в первый попавшийся двор.

По дороге, со стороны Черныша, неслись чеченцы... Моментально сориентировавшись, мы пустились в сторону наших частей по направлению к Городне... У кладбища, где находились наши, слышалась сильная пулеметная стрельба. Промчавшись с четверть версты, мы почти у самого рва, отделявшего нас от наших частей, наткнулись на противника, перерезавшего нам дорогу. Деникинцы забрались в усадьбы и оттуда держали дорогу под обстрелом. Казалось, что стреляют из сотни пулеметов, а на самом деле, как потом рассказывали владельцы усадеб, черкесы по большей части стреляли из трещоток. Однако тогда положение наше было весьма скверное: сзади гонят, впереди перерезана дорога... Мы бросились направо, в узкий переулок, которым можно было с трудом спуститься в местечко, где не было еще деникинцев, рассчитывая оттуда попасть в тыл нашим частям со стороны Городни.

Спустившись быстро вниз, мы во-время увернулись от чеченцев, мчавшихся вслед за нами, но не решившихся свернуть далеко в сторону от широкой дороги.

Вскоре мы были среди своих. Бой развернулся главным образом у кладбища, со стороны хутора Глебовки. Первая цепь была далеко впереди нас, вторая — позади. На ровном поле видно было, как перебегал противник, и виднелись силуэты лошадей. Наша артиллерия «покашливала», ободряя пехоту... Одинцов и целый ряд других товарищей из комсостава руководили боем, держа тесную связь с первой цепью, принявшей на себя весь нажим деникинцев. Далеко, верст за пять, на поле виднелись наши стрелки... Заинтересовавшись тактикой деникинцев, которые бешено нападали, я взобрался было на бугор, но мигом ретировался, так как огонь был чрезвычайно сильный.

Бой длился несколько часов... Первая цепь уже изнемогла... Наша артиллерия, в виду отсутствия снарядов, перестала отзываться. А силы противника росли... В самый опасный момент боя в нашей второй цепи произошло замешательство, часть пехоты из цепи обратилась было в бегство. Но порядок был быстро восстановлен комсоставом. Молчание артиллерии сильно влияло на психику пехоты. А вторая наша батарея была верст за восемь. Так как у нас были самые лучшие лошади, то мы мигом бросились на вторую батарею и доставили снаряды... В этот день от Седнева нам пришлось все-таки временно отступить, но через несколько часов он снова был в наших руках. Удар красных частей на этом фронте был так силен, что противник был отброшен далеко за Седнев.

Я помню, была холодная ночь. Красноармейцы, почти голые, ютились за огородами. Огня разводить нельзя было и все к рассвету страшно промерзли. «Нагрелись» только утром...

Заняв местечко, мы в нем плотно засели и верстах в трех впереди него окопались, угрожая противнику дальнейшим наступлением...

Из-за того, что Седнев на несколько часов был сдан белым, Городнянская организация понесла большую и незаменимую утрату...

Как раз в это время проводилась кампания помощи фронту. Председатель Ревкома, тов. Черноус, принимал в проведении ее самое активное участие,

вплоть до личного сбора пожертвований для армии. Неоднократно он приходил ко мне в Опродком (я тогда был продкомиссаром), чтобы узнать не завалялись ли где-либо на складах табак или мыло... Желая лично проверить, как проходит кампания, он решил выехать в волости. В это время чувствовалась весьма острая нужда в одежде для красноармейцев. Захватив кое-какие подарки для фронта, он поехал в села Ивашковку и Куликовку собирать кожухи... Это было как раз в момент вышеописанного боя. Имея ту же информацию что и мы, когда высезжали в разведку, тов. Черноус вместе с секретарем Ивашковского Ревкома, тов. Вемгорским, и подводами с собранными кожухами направились на седневский фронт для раздачи подарков красноармейцам. Не подозревая, что наши части под натиском деникинцев отступили влево за местечко, тов. Черноус спокойно под'ехал к Седневу со стороны хутора «Качели». На хуторе была деникинская разведка, которая издали завидев в бинокль приближение подводы, спряталась и дала под'ехать обозу. Когда подводы приблизились, они были моментально оцеплены со всех сторон... На поле, недалеко от дороги, началась расправа обозленных бандитов над красными пленниками. Пытки, по рассказам свидетелей-крестьян, были ужасны... В течение двух часов дворянские сынки-офицеры вместе с чеченцами упивались человеческими мучениями. Медленно люди-звери резали по частям человеческое тело... Издевались и мучали не только ответственных работников-коммунистов, но и беспартийных крестьян и попавшихся двух служащих госконтроля. Проклятые палачи медленно вырезывали своим жертвам половые органы, уши, высверливали у связанных по рукам и ногам кинжалами глаза, вырезывали языки, перебивали на руках кости и потом выдергивали их сквозь рваную кожу. «Культурные» офицеры наслаждались... Жертвы от ужасных мучений ревели, как животные... Изуродовали и искалечили не только тех, кто стоял по ту сторону фронта, но и совершенно непричастных к большевизму людей. По рассказам селян, «один из пленных в шляпе» (тов. Черноус) долго отбивался, отстреливаясь из револьвера (у него был браунинг), пока его не ранили, после чего он, уже лежа, продолжал страшно ругать деникинцев. Он исчерпал все средства защиты и умер от ран, нанесенных в грудь и висок.

Трупы замученных деникинцами на следующий день, т.-е. 15 октября, были подобраны нашей цепью, наступавшей на Седнев. Их издали приняли за шпионов и обстреляли и, только приблизившись, увидели ужасное зрелище...

Весть о страшной расправе быстро разнеслась по уезду, и 15 октября к вечеру, когда ожидался привоз замученных, Городня была битком набита населением ближайших сел. Встречать тела вышел весь город. Впереди несли знамена... Уже начинало вечереть, когда издали показалась многолюдная процессия... На двух больших гарбах на соломе кровавой, запекшейся массой лежали окостенелые трупы замученных. Кошмарное зрелище потрясло всех. Женщины рыдали, теряли сознание...

На первой гарбе лежал труп тов. Черноуса, который всю свою жизнь отдал революции. Выходец из бедняцкой крестьянской семьи, рабочий, старый член партии, прошедший тюрьмы, преследования охранки и дождавшийся наконец

освобождения рабочих и крестьян, он пал в борьбе от рук палачей... Со стиснутыми зубами, с болью стояли мы у трупа того, кто еще вчера был полон сил и веры в победу рабочего класса, кто беззаветно служил революции, кто собственными руками хотел согреть озябшего на фронте красного бойца...

Подводы постояли две-три минуты, показавшиеся целой вечностью. «Это общая участь»— думалось многим. Душила боль и злоба... В груди клокотала непреодолимая жажда мести, немедленно, сейчас же... Чувство печали уступало место сознанию, что нужно утроить, удесятерить силы для борьбы с врагом. С такими думами, с таким настроением мы приближались к красноармейскому клубу, где должны были оставить на ночь трупы. Они были положены на ряд столов, покрытых красным сукном, и возле них был поставлен почетный караул.

Ночь прошла в приготовлениях к похоронам (всех убитых должны были хоронить в Городне, только труп Вемгорского был похоронен в Ивашковке).

С самого утра город стал наполняться десятками тысяч крестьян из соседних сел. Приехали представители от рабочих поселков. К этому времени в городе скопилось достаточное количество воинских сил, в числе которых был и тяжелый дивизион. Предполагалось серьезное выступление на нескольких фронтах сразу.

С раннего утра к трупам замученных потянулись все, кто воочию хотел убедиться в зверствах деникинцев и отдать последний долг жертвам революционного долга. Даже у тех, кто редко в жизни плакал, были на глазах слезы.

В 4 часа дня 16 октября состоялись похороны. Катафалк, убранный массой зелени и цветов, провожали парторганизация, профсоюзы, воинские части и несколько тысяч горожан и крестьян. Тов. Одинцов от имени Губкома произнес надгробную речь, в которой призывал к революционной бодрости и мести.

Толпа стояла молча... Казалось, во всех грудях билось одно сердце, билось желанием победы над врагом. Раздался траурный марш... Шествие тронулось от клуба через центральную часть города к братской могиле у Народного дома. Впереди несли венки... Оркестр сменялся народным хором, к которому присоединились тысячи рабоче-крестьянских голосов. В соответствующем порядке шли организации и войска. Море человеческих голов... Перед Ревкомом остановились... По пути было произнесено еще несколько речей...

Когда шествие приблизилось к братской могиле, с фронта слышались раскаты орудийной стрельбы, напоминая об угрожающей опасности. Прозвучали прощальные речи... Представитель тяжелого дивизиона поклялся от имени дивизиона отомстить за кровь мучеников... Склонили боевые знамена, раздался салют — и трупы опустили в братскую могилу.

С фронта доносилась канонада... Приближались дни, в которые должен был быть решен вопрос — кто кого.

III

Проведенная в этот период неделя набора в партию прошла с колоссальным под'емом. Местная организация пополнилась 150 членами. Революционный под'ем в массах все возростал. Число партизан с каждым днем увеличивалось. Часть рвалась забраться в тыл противника, другие вливались в Красную армию.

На Городнянщине появились нежинские партизаны, которые вынуждены были отступить под напором деникинцев. Они влились в Красную армию.

Нужно сказать, что нежинские и городнянские партизаны были уже связаны друг с другом прошлой партизанской борьбой с гетманщиной. Тогда на Нежинщине был центр повстанческого движения против немецко-гайдамацкой диктатуры и там орудовал с партизами Микола Крапивянский, за голову которого немцы предлагали большие деньги, но которого им никак не удавалось поймать. Теперь он был начальником 60 дивизии, штаб которой стоял в Городне.

По прибытии нежинских партизан в Городню произошел следующий эпизод. Несколько нежинских партизан ослушалось распоряжения коменданта, и он хотел их арестовать. Но ребята вломились в амбицию и взялись за маузеры... Чтобы арестовать их, пришлось привести чуть ли не полроты красноармейцев. Весть об аресте нежинцев быстро распространилась среди городнянских партизан. Пошли разговоры, что нежинцам угрожает расстрел. Городнянцы взволновались и стали поговаривать об освобождении нежинцев. Появилась угроза столкновения с дивизией... Как только весть об этом дошла до Тупичева, я по поручению некоторых партийцев, находившихся в повстанческом штабе (П. Петровского и др.), экстренно выехал в Городню разузнать, в чем дело. Будучи в то же время и зав. Юридотделом, я имел возможность побывать в допре и повидаться с бунтарями, которые оказались людьми с большим революционным стажем, но чрезвычайно горячими. По существу дело их было пустяковое, но близость фронта и дисциплина регулярной армии осложняли вопрос и усугубляли последствия. Ознакомившись путем беседы с обвиняемыми и деталями дела, я решил зайти в Особый отдел к тов. Азарову, но, выйдя на крыльцо допра, увидел человек 500 вооруженных, собравшихся толпой недалеко от допра. Через минуту я узнал от П. Петровского, который направлялся в допр, что в Тупичев поступило распоряжение Реввоенсовета направить все партизанские отряды в Калугу для формирования и влития их в Красную армию, в случае же отказа — распустить отряды. Такое распоряжение пришлось не по духу партизанам, и они, «снявшись с якора», направились почти всей массой (оставив только караулы) в Городню постоять за себя перед Губкомом обороны, давшим санкцию на формирование, а также вступиться за нежинцев. Прежде всего они направились к допру... Я наскоро дал им информацию о судьбе нежинцев и старался успокоить толпу. Раздались выкрики: «не допустим». Но выступил тов. П. Петровский, которому удалось уговорить их. Через минуту от волнения не осталось и следа. Мы об'явили, что идем в Особый отдел и к Крапивянскому для переговоров. Ребята успокоились, а мы (П. Петровский, его брат Дмитрий и я) пошли к Крапивянскому. Он принял нас чрезвычайно любезно, внимательно выслушал и, найдя, что из мухи не стоит делать слона и вносить недовольство в партизанские отряды, пообещал поговорить с Особым отделом. Через несколько часов, к общему удовольствию, арестованные были выпущены и пришли в гости к нам в Упродком, где был штаб. Здесь налету состоялась «рада», как быть дальше городнянцам — ехать или не ехать

в Калугу? Под влиянием бывших в отрядах коммунаров было решено распоряжению центра подчиниться, но с условием не ехать в Калугу, а влиться в Богунский полк, стоявший в 40 верстах от Чернигова, и идти с ним в наступление. Калуга пугала партизан: она представлялась им каким-то котлом, в котором начнут вываривать партизанский дух, а пока выварят—так или бои пройдут, или придут деникинцы. Все партизаны были глубоко убеждены, что принесут в ближайших боях больше пользы, а, кроме того, Богунский полк манил к себе тем, что в нем было много городнянских ребят.

Так и сделали. В одно утро партизаны вместе с Петром (так звали Н. Петровского) отчалили из Городни. А через несколько дней 9 рота Богунского полка, целиком укомплектованная партизанами, участвовала вместе с полком в наступлении на Чернигов.

В первых числах декабря я уже встретился с некоторыми из них в с. Мостуще Козлецкого уезда, далеко за Черниговом, когда мы напоролись на скрывавшихся в селе деникинцев и когда я ощупью через деникинский тыл пробирался с сотней ребят и Райпродкомом на Козелец, который в тот же день должен был быть взят пластунцами. Но это между прочим.

Дальнейшие события разворачивались таким порядком. Красная армия стала подтягивать значительные силы. Деникинцы со своей стороны также укрепились. Расправившись с большевиками и сочувствующими, они принялись за организацию власти в Чернигове. Был назначен полициймейстер, б. исправник Городнянщины Кононович, и вообще целая свора разной полицейской сволочи. Советские деньги были аннулированы, вместо них выпущены ростовские и «друглавый орел» [1]).

Чернигов кишмя кишел местной контр-революцией, вернувшейся с деникинцами. Городнянские гайдамаки, успевшие в 1918 г. скрыться от ЧК, пользуясь разными оказиями, через крестьян передавали нам в Городню свой «привет» и обещали с нами расправиться. Местная контр-революция выдавала деникинцам всех, кого она считала так или иначе причастными к большевизму. Мне припоминается один небольшой эпизод. После занятия Чернигова разнесся слух о поимке Коржикова (б. предревкома). На сборную площадь высыпала масса буржуазии и контр-революционеров. Штаб деникинцев помещался на этой площади в бывшем здании Губпродкома, с балкона которого деникинцы обыкновенно держали речи. Толпа ждала появления на балконе деникинцев и расправы с Коржиковым. Расфуфыренные барыньки, одержимые садистским зудом, потрясая в воздухе шляпными булавками, кричали: «Подать нам Коржикова—мы его будем колоть булавками»... Таково было настроение буржуазии по отношению к советской власти, уничтожившей основы «священной собственности».

Как я уже сказал, советские части стали подтягивать значительные силы к Чернигову. И вот в первых числах ноября вера черниговских обывателей

[1]) Между прочим, перед самым своим уходом деникинцы об'явили населению, что будут обменивать свои деньги на советские с целью помочь населению. Все «верующие» понесли совзнаки в казначейство, где эти деньги приняли, а свои обещали дать через несколько дней. Но... через несколько дней деникинцев и след простыл. Долго после этого «верующие» простаки были притчей во языцех. — Б.

в то, что деникинцев невозможно выгнать из Чернигова, была внезапно поколеблена — красные части ворвались в Чернигов со стороны Репок, дошли до базара и, захватив обоз, отступили... Поднялась страшная паника как в деникинских частях, так и среди обывателей. Все ненавидящее советскую власть стадом ринулось за город, на другой берег Десны...

В этот день мы с Петровским в Тупичеве встретили Ю. Коцюбинского, который ехал в Городню с фронта. Он с воодушевлением рассказывал нам детали этого налета и сообщил, что теперь красноармейцы ждут генерального сражения.

Долго ждать этого генерального сражения не пришлось. По выработанному командованием плану 9 ноября наши части повели наступление на Чернигов.

До этого деникинцы были отогнаны к Чернигову со стороны Седнева и остановились в 12 верстах от него.

Дружным натиском Красная армия стала теснить противника, который уже чувствовал, что ему не выдержать. Общая паника, начавшаяся еще перед отступлением, усугубляла дезорганизацию деникинской армии. Наконец, деникинцы сорвались с фронта и оставили Чернигов. За ними повалила вся городнянская контр-революция с попами включительно, встречавшими деникинцев колокольным звоном.

IV

Наши заняли Чернигов. На следующий день уже был организован Губревком. В Чернигов из Городни выехали М. Бош (дочь Е. Б.), Коцюбинский и другие ответственные работники, находившиеся в Городне после эвакуации Чернигова. Вскоре приехал назначенный председателем Ревкома т. Глебов-Авилов.

После занятия Чернигова советской власти пришлось столкнуться с большими трудностями. Первой из них было почти полное отсутствие продовольствия. Дороговизна была ужасная. Во время пребывания деникинцев от города были отрезаны самые богатые районы, и они добывали хлеб лишь путем обмена на соль, привлекая множество охотников поспекулировать, которые пробирались всякими путями через фронт.

На другой день по взятии Чернигова из Городни были направлены в Чернигов для организации питательных пунктов зернохлеб, сахар, соль и другие продукты. Были организованы столовки, где можно было получить дешевую пищу. В эти столовки повалил почти весь город. Стояли длинные очереди.

Деникинцы, выбитые из города, четыре дня держали в своих руках мост, проходящий через реку Десну и находящийся в четырех верстах за городом. Они засели там с пулеметами, и все попытки овладеть мостом были напрасны, так как наступавших красноармейцев буквально косили пулеметным огнем. Тогда наши части обошли белых с фланга в тыл. Я вспоминаю эту ночь с 11 на 12 ноября, когда наши части в страшную мятель, слепившую глаза так, что в пяти шагах ничего не было видно, переправлялись через бушующую Десну. Я как раз ехал тогда из Чернигова и ночевал в селе, из которого производилась переправа. На следующий день деникинцы были выбиты — и мост перешел в наши руки.

Красные части стали продвигаться дальше на Козелец, который был взят 1-го или 2-го декабря, насколько мне помнится, пластунцами и козелецкими партизанами, налетевшими с фланга на деникинцев, у которых были взяты два броневика — «Гайдамака» и «Сатана». Я помню, у пластунцев тогда были командиром тов. Бартновский, а политкомом тов. Мира[1]).

До этого нашими частями был взят Бахмач, после чего деникинцы, потеряв всякое «равновесие», откатились по направлению к Киеву до ст. Бровары, оставив под натиском наших частей также и Южин.

После изгнания деникинцев городнянским Уревкомом и партийным комитетом была проведена кампания по укреплению советской власти и советского строительства. Вслед за деникинцами стали уже появляться банды...

21 ноября состоялась уездная партконференция, на которой основным был вопрос о текущем моменте. После доклада и прений, в которых отмечались наши ошибки, была вынесена следующая резолюция: «Четвертая уездная конференция находит, что наступивший перелом и все усиливающиеся победы красных войск, которые выдвигают задачей момента создание мощной дисциплинированной организации, сумеет предотвратить повторение прошлого на Украине путем железной дисциплины диктатуры пролетариата. Мы должны в корне пресечь все усиливающийся бандитизм и партизанский дух, имеющийся в нашей армии, подавляя его самыми беспощадными мерами во имя революции. Долой расхлябанность и разгильдяйство из рядов нашей партии! Да здравствует мощная и сильная своей дисциплиной коммунистическая партия Красной Украины».

Этот документ характеризует, чем жила в тот момент местная организация и с какими ненормальностями приходилось ей сталкиваться на территории военной зоны. Состоя в большинстве из б. партизан, городнянская коммунистическая организация зорко следила за своими членами и революционными массами, прививая им начало организованности, революционного порядка и дисциплины. В это время, когда враг стоял на границе, городнянская организация и органы защиты революции не щадили даже имеющих в прошлом революционные заслуги, если они дискредитировали партию и советскую власть...

Новый партийный комитет состоял из товарищей: А. Кулеша, Н. Туза, Н. Касильска, И. Ткача, Е. Шабика и Н. Короткого. Часть старых работников, как П. Петровский и другие, в это время была переброшена Губкомом для усиления работы в другие места. Кое-какие изменения были произведены и в составе Революционного Комитета: вместо тов. Лукьянченко, назначенного предревкома, после убийства Черноуса председатем Ревкома был назначен тов. Туз, вместо меня, в виду переброски моей с отрядом и Райпродкомом в Козелец, который наши войска собирались взять, членом Ревкома был введен тов. Г. Дорофеев.

Основной задачей Ревкома была борьба с обострившимся в уезде продовольственным кризисом. Были организованы три продовольственных отряда и посланы в освобожденные от деникинцев уезды в распоряжение опродкомдивов для реализации полученных продовольственных нарядов.

[1]) Мира — секр. Совнаркома в 1919 г., потом пошла в армию.

Стоявшие на Городнянщине воинские части тоже помогали уезду, производя отчисления от заготовок, выполняемых прикомандированными к ним отрядами. Трудно было оправиться уезду, который перенес все эвакуации и через который прошла армия тысяч в двести. Но общими усилиями, частью путем посылки на юг собственных маршрутов поездов, оборудованных сновскими ж.-д. рабочими, частью при помощи губернии, уезд все же кое-как справился с продовольственным кризисом. Правда, трудно и очень трудно было работать тем товарищам, которые остались строить здесь советскую власть. Чрезвычайная бедность уезда не позволяла развернуть работу так, как бы хотелось. К тому же скоро с запада снова стала надвигаться гроза.

Не успела Городнянщина опомниться от деникинщины, как началось наступление белополяков. Расположенные на западной границе галицийские части изменили советскому правительству и открыли фронт. Польская армия очень быстро развила наступление по всему фронту и заняла Киев. Кроме того, поляки появились у Днепра и Сожа и угрожали Чернигову, Любичу, Радулю, Лоеву, Городне и даже Гомелю.

Первого мая в Городне были получены сведения о наступлении поляков. Срочно по прямому проводу Уисполкомом и Увоенкомом добрянскому горисполкому и нач. милиции было дано задание проверить сведения о появлении на границах уезда на Днепре, у Любича и Лоева польских банд. Кроме того, горисполкому поручено было следить за продвижением противника, срочно сформировать конный отряд и выслать в направлении Лоева для охраны берега и переправ. Задание это добрянцами было быстро выполнено и отряд под командой т. Куницына выехал на Днепр и скоро обнаружил противника, ищущего переправы на правом берегу Днепра.

Нужно отметить, что Чернигов тогда был в самом безвыходном положении, так как все силы находились у Днепра, откуда угрожали поляки, занявшие Киев.

На следующий день Добрянка выслала для связи с Лоевом и Репками еще один отряд. Сами по себе эти отряды, конечно, в виду своей малочисленности реальной силы, которая могла бы задержать противника, не представляли. Они могли лишь вести разведку, временно задержать переправу, а главное — помешать противнику совершить переправу через Днепр по лоевскому мосту, построенному в империалистическую войну. И, когда противник обнаружил намерение совершить переправу через этот мост, наши отряды 8 мая взорвали его. Продолжая вести наблюдение за противником отряды, ежедневно информировали начальника участка — увоенкома.

Местный Уисполком передал свои полномочия Уревкому в составе А. Кулеша (председатель), Слемзина и Лося. Уезд снова был об'явлен на военном положении. Снова начали формироваться боевые единицы из местных сил для охраны границ уезда и хотя бы временного задержания противника до присылки главным командованием воинских частей на этот совершенно открытый участок.

Это был кошмарный момент, который долго будет в памяти тех работников, которые работали тогда в Городне. К этому моменту Губком назначил председателем Ревкома товарища П. Петровского и вообще уезд был подкреплен

работниками-партийцами. Организовав отряд, Ревком выслал его, по указанию нач. участка, на боевой участок по линии Кукари-Любеч-Радуль-Лоев-Волчуги. Начальником отряда был назначен тов. Кондратенко, которого вскоре сменил тов. Лось. Затем партийным комитетом была произведена мобилизация партийцев, которые были посланы на фронт в качестве бойцов и политработников в указанный выше отряд. В числе товарищей были, насколько помнится, Петренко, Бельман, Торжков, Москвичев, Остроухов и другие.

Кроме того, военкомом был организован отряд связи (велосипедистов), который сыграл большую роль в налаживании связи с фронтом.

Вскоре Чернигов прислал на боевой участок отряд кавалеристов в 50 человек. Когда же потом на фронт прибыли регулярные части, все эти отряды были в них влиты — и фронт выравнялся.

Поляки на правом берегу Днепра все время производили перегруппировки. Довольно многочисленная польская кавалерия совершала какие-то переходы от Любеча вверх по Днепру верст за 40. За линией фронта нами велось самое тщательное наблюдение и все маневры поляков были нам известны.

Но, несмотря на все принятые меры, польская кавалерия 18 мая при помощи какого-то крестьянина, обиженного нашим кавалеристом, совершила переправу и ворвалась в Любеч, где начала погром и грабеж и захватила тов. Остроухова и двух красноармейцев. Эти товарищи после долгих истязаний были замучены. Труп тов. Остроухова был потом доставлен в Добрянку, где и похоронен на братском кладбище.

Поляки после грабежа переправились обратно на правый берег Днепра. Вообще они, несмотря на наличие крупных сил на этом участке, почему-то воздерживались от наступления на Чернигов.

В это время на любечском участке фронта произошел неприятный инцидент. Один из партизанских кавалерийских отрядов, состоявший, кажется, из борзенцев, которым командовал Мехед, позволил себе ряд грубых и нетактичных выходок по отношению к крестьянам. Это было установлено выехавшим на фронт губвоенкомом, тов. Филатовым, и председателем Губревтрибунала, тов. Горгаевым. В беседе с Мехедом они сказали ему, что он будет предан суду трибунала, который по головке за это не погладит. Напуганный Мехед в тот же день с двадцатью преданными ему кавалеристами снялся с боевого участка и направился в Борзенщину, испортив по дороге из Любеча телефонную и телеграфную связь.

Благодаря своевременно предпринятым мерам ничего серьезного на фронте не произошло; часть отряда была задержана макишинской ячейкой возле м. Седнева, остальные же задержаны в Борзенщине и Мехед был предан суду...

По прибытии на фронт Башкирской дивизии началась общая подготовка к наступлению, а затем самое наступление. Польско-петлюровские банды были отброшены по всему этому фронту. Опасность миновала. Уезд снова облегченно вздохнул.

13 июля по призыву Военно-Революционного Комитета население уезда принимало участие в демонстрации против войны, навязанной польскими панами Советской республике.

По уезду происходили митинги и собрания, которые посылали приветствия Красной армии и выражали протест против польского наступления.

Поляки недолго пробыли у границ уезда и поэтому об их пребывании не расскажешь многого. Можно только отметить, что всюду их появление сопровождалось погромами и грабежами.

Городнянский Ревком и население уезда в опасный период сделали все, что от них зависело, для защиты и укрепления советской власти. После ухода поляков на Городнянщине наступил период мирного советского строительства...

Г. МИХАЙЛОВ

К истории Октября на Волыни

ПАРТИИНЫЕ ГРУППИРОВКИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Преобладающую роль в предоктябрьские дни в Житомире играли меньшевики. Лидером их был участник восстания на «Очакове» в 1905 г., старый каторжанин Вороницын. Это был большой догматик. Все его выступления были соглашательски выдержаны, впрочем, так же, как и все речи меньшевиков, выступавших в дни революции в России.

В унисон меньшевикам пели эсеры Розман (теперь коммунист), Влайков, Иваницкий. Я помню еще из правых эсеров Торчинского, Новофастовского, Влайкову. Был в этот момент правым эсером и Новиков, передовик местной газеты «Трудовая Волынь».

Из меньшевиков выступали, кроме Вороницына, Горелик, Шур, Айнгорн и член 3-й Государственной Думы — Покровский. В Житомире и меньшевики и эсеры были оборонцами.

Я раз попытался в эсеровском комитете выступать с пораженческой точкой зрения, но меня чуть не избили. Но все же вместе с приехавшими к тому времени из каторги бывшим анархистом Юрьевым, Фишманами (Давид Осипович и Григорий Давидович — отец и сын) нам удалось образовать внутри эсеровской организации группу левых. Мы начали выступать против Керенского, против войны и срывать оборонческий комитет. К нам присоединились рабочие — эсеры Магнер, Ланцман и друг. (Ланцман при гетманщине вернулся к правым эсерам).

Интеллигентская часть организации осталась за правыми эсерами. Нам пришлось укрепляться в губернской организации, так как в городской комитет был избран Прокудин — архиправый, называвший себя секретарем Керенского. Получалось, что губернская организация была левоэсеровской, а городская — правоэсеровской или центристской (Черновская). Но все-таки в Совете Рабочих Депутатов места от комитета эсеров были за левыми, в С. С. Д. входили также левые с.-р.— солдаты Абросимов и Розенштейн, и мы всегда выступали в контакте с большевистской фракцией.

Большевистская организация оформилась в июне месяце. Руководили ею приехавший в Житомир студент московского медицинского факультета Борисов (Коган), Таращанский, Ширин (Гимельфарб), братья Пергамент (рабочие — один портной, другой печатник), работница Шлишман, солдат Макаров. В военной работе принимал участие Дашковский, тоже приезжий.

Были в городе и еврейские соц. партии — социалисты-территориалисты (с.-с. и е.-с.) Фролкис, Розенблат, Райх, Кимельблат, выступавшие иногда большевистски, бундовцы — Айнзафт, Гольдфельд, М. Зарубинская, печатник Гриншпун.

Были и чисто буржуазные группировки кадетского толка, а также кружки, ориентировавшиеся на местных богачей и буржуазных общественных деятелей (гольдштейновцы, шпильберовцы и т. д.).

ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ

27 октября 1917 года (по старому стилю) было созвано собрание гарнизона и Совета рабочих депутатов в Депутатском собрании на Бердичевской улице, № 38 (в это время существовал уже второй состав Совета, председателем был м-ик Горелик). Собрание было созвано в виду полученного из Петрограда сообщения о захвате там власти большевиками. И здесь, в Житомире на Совете, большевики в лице Дашковского и левые эсеры в лице Владимирского (Г. Фишмана) заявили о необходимости передать власть Советам. Но на заседание были вызваны не только представители гарнизона, а приглашены меньшевистским президиумом Совета также ротные и полковые комитеты и юнкера двух юнкерских училищ. Прибыли также делегаты из Бердичева, члены Бердичевского Совета — эсеры и меньшевики — совместно с председателем Исполнительного Комитета Юго-Западного фронта эсером Дашевским (тем самым, который судился по процессу с.-р. за убийство Урицкого и Володарского). Голосовали и бердичевцы и житомирцы.

Таким образом меньшевики и эсеры получили большинство, хоть и дутое. Воздержались от голосования украинцы. Лидером последних был Непомнящий.

После этого заседания Совета исполкомом овладели украинцы и власть в городе фактически перешла к Центральной Раде. Волынский губернский комиссар Временного Правительства, истинно-русский помещик Вязлов, стал проявлять горячие симпатии к Ц. Раде. Большевики не были тогда готовы к выступлению и захвату власти, им только удалось на киевский областной с'езд Советов послать (голосами большевиков и левых эсеров) большевика Когана (Борисова[1]).

Между тем первую скрипку в учреждениях начали играть украинцы.

В честь 3-го Универсала были ими устроено шествие с иконами и вышитыми полотенцами. У Соборной церкви был устроен парад и прочтен 3-й Универсал об образовании Украинской Народной Республики.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Начались выборы в Учредительное Собрание. Украинские эсеры во Всероссийское Учредительное Собрание выставили список № 11, в котором первыми шли: Чечеля, Гедзь, Гладкой, Мартынюк, большевики—список № 12, во главе которого шли: Затонский, Уншлихт, Гамарник, Бош, Рязанов, Пятаков. Эсеры

[1]) Автор, очевидно, ошибается: после Октябрьского переворота областной с'езд Советов в Киеве не созывался, а состоялся Всеукр. с'езд Советов и одновременно Всеукр. совещание б-ков, на котором был делегатом от Волыни действительно Борисов.—Прим. ред.

выставили список во главе с М. Спиридоновой, эсером-центровиком Зейманом и др. Меньшевики выдвинули Вороницына и Липеца.

Эсеры и меньшевики провалились. Большинство собрали с.-р. и б-ки. За большевиков голосовали уезды Староконстантиновский и Новоградволынский.

Для проведения выборов в Учредительное Собрание приезжал из Киева Затонский, который состязался на митингах с Липецем и Зейманом.

В виду того, что выборы были по мажоритарной системе, во Всеукраинское Учредительное Собрание прошел целиком список украинских эсеров. Большевики места не получили.

ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В ГУБЕРНИИ

Столкнувшись в Житомире с сильным отпором меньшевиков и эсеров, большевики и левые эсеры решили направить силы на фронт. В Особой армии, которая стояла в Луцке, и в III-й армии, стоявшей в районе Дубно — Ровно — Кременец, были большевистски настроенные части. Там были образованы военно-революционные комитеты.

Я направился в гор. Дубно. Недалеко от Дубно была неприятельская позиция. Совет Солдатских Депутатов был за большевиков. Во главе Совета стоял Бензелюков, Клефнер, д-р Мудрох. Меня избрали председателем дубенского Совета Рабочих Депутатов, большевика Арона Когана — тов. председателя. Был образован Военно-Революционный Комитет, так как Совет Рабочих Депутатов принял резолюцию о переходе власти к Совету.

В Военревком вошли-Михайлов, Коган, Клефнер, д-р Мудрох, Бензелюков. Арестовав домашним арестом бывш. городского старосту, Мищерука и заведывающего казначейством Степанова, мы разогнали повитовую раду. В этом нам помогли луцкие красногвардейцы, прибывшие из Луцка с броневиком.

К населению мы выпустили следующее воззвание: «Товарищи селяне! Военно-Революционный Комитет гор. Дубно извещает вас, что дубенская повитовая рада, состоявшая из буржуазных элементов, разогнана и власть переходит в руки селян и рабочих. Военно-Революционный Комитет обращается к вам с призывом помочь нам утвердить власть трудового народа, для чего созывается 8 февраля в гор. Дубно с'езд селян Дубенского уезда. Просим избирать на с'езд действительных защигников трудового народа, а не помещиков и кулаков».

Военно-Революционный Комитет об'явил себя властью, организовав красногвардейский отряд во главе с Бензелюковым, национализировал единственную в городе ветряную мельницу и начал переговоры с немцами о восстановлении перемирия на фронте. На фронт к немцам поехал д-р Мудрох. Одновременно мы начали демобилизацию армии. Это было в январе 1918 года.

В Кременце и Староконстантинове существовал Военно-Революционный Комитет 11-й армии.

Привожу случайно сохранившийся у меня документ, приказ № 1 Военно-Революционного Комитета 11-й армии.

«Действующая Армия. 18-е ноября 1917 года. § 1. Считаясь с тем, что вся власть в стране и армии принадлежит самому народу в лице правительства

Народных Комиссаров, Военно-Революционный Комитет, поставленный волею революционной армии, с сего числа об'являет себя высшей властью в районе 11-й армии. § 2. Всем военно-революционным комитетам, корпусным, дивизионным, полковым и ротным комитетам предоставляется право контроля всех распоряжений строевого начальства, не исключая оперативных. § 3. Все распоряжения строевого начальства принимаются к исполнению лишь с санкции надлежащих военно-демократических организаций. Примечание: контроль над отделениями штаба армии осуществляется непосредственно Военно-Революционным Комитетом 11-й армии. § 4. Виновные в нарушении сего будут привлечены к ответственности. Приказ прочесть во всех ротах, батареях и командах. Председатель комитета — поручик Устьянцев, тов. председ. — А. Парков, Гуманский, секретарь — Грек, члены — Костерин, Улинский, Карташов Стремицкий. Комиссар 11-й армии».

В Ровно был образован Революционный Комитет Юго-Западного фронта (Ревкомитюз) во главе с Киквидзе. В Луцке стоял Революционный Комитет Особой Армии. К концу января 1918 года вся прифронтовая Волынь была советской.

НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

В Дубно было спокойно и мы уже думали взяться за советское строительство, но 4 февраля получились сведения, что немцы пытаются продвинуться на луцкое шоссе.

Несмотря на перемирие и наше братание с немцами, они двинулись на Дубно и Ровно. Мы перерыли шоссе, выслали красногвардейцев, но 6 февраля в 12 час. утра мы получили такую записку по прямому проводу: «Только что в Ровно вошли немцы на мотоциклетах и направляются на Новоград. В городе есть гайдамаки».

Мы тогда поняли, что Центральная Рада, заключившая 27 января договор с Германией, пропускает немцев на Украину.

Немцев провожал на Украину главный комиссар Центральной Рады Коморный. К ним попали все наши армейские склады в Кременце, в Шепетовке и др. местах. В Староконстантинове немцы настигли Военревком 11 армии, и мы были окружены. С быстротой молнии немцы заняли Винницу, Шепетовку, Жмеринку, Вапнярку, и нам удалось продвинуться только по узкоколейке Калиновка-Гайсин-Ладыжин. Между Гайсином и Ладыжином узкоколейка была разобрана. Здесь двигались обозы V-й армии, направлявшиеся на Умань. По путям на Умань двигались гвардейские корпуса, но вразброску и с немцами в бой не вступали. В бой вступали красногвардейцы. Предварительные бои были под Коростенем и Шаргородом. Когда мы прибыли в Умань, город уже был занят немцами. Там нам рассказали об убийстве на заседании Совета большевиков Пионтовского и Урбайлиса. Красногвардейский отряд Кулика, сидевший в Умани в гимназии, так наз. Смольном, отступил на Шаргород. Меня приютила оставшаяся в городе и скрывавшаяся большевичка Поля Дорфман, а оттуда я уехал в Черкассы.

И. ДАШКОВСКИЙ

Октябрьские дни в Житомире и на Юго-Зап. фронте[1])

Мое пребывание в Житомире совпало только с первыми днями после Октябрьского восстания в Петрограде. Я пробыл тогда в Житомире всего около трех недель. Официальная моя должность в то время была — лектор по общественно-политическим вопросам в армиях Юго-Западного фронта (7-я, 11 и Особая армия). Странное обстоятельство это (большевик—лектор в армии Керенского) об'ясняется тем. что во главе культотдела Земского Союза в Киеве находился также большевик — Грановский, который и пригласил меня на эту работу. В Житомире я вел работу главным образом среди расположенных там ополченских частей. Читал на разные темы: история социализма, история револ. движения, по экономическим вопросам и т. д. Разумеется, связывал свою роботу с большевистской пропагандой. В последний период пребывания в Житомире принимал живое участие также и в местной общественно-политической жизни. Большевистская организация была тогда крайне малочисленна и, насколько помню, почти наполовину состояла из военных. Большевистский комитет сорганизовался всего за месяц-полтора до Октябрьского переворота. Была также и небольшая организация молодежи. Приблизительно в середине октября я был кооптирован в состав комитета и по его поручению выступал от имени большевистской фракции на заседании Совета 27 октября, на котором стоял вопрос об Октябрьском перевороте в Питере. По поручению комитета я много раз выступал на митингах, при чем приходилось драться главным образом с Вороницыным (лидером местных меньшевиков) и приезжавшими из Киева гастролерами — Гуревичем (тогда меньшевик-оборонец, теперь коммунист, бывший Наркомздрав Украины), Липецом (тогда бундовец, теперь коммунист Д. Петровский), эсером Зейманом, приезжавшим из Петрограда, петлюровцем Миколой Ковалевским и др.

Незадолго до октябрьских событий была устроена в местном театре моя публичная лекция «Учредительное Собрание и власть Советов», в которой я развивал мысли Ильича, изложенные в вышедшей незадолго до того книге «Государство и революция». Солдатская масса и значительная часть пролетарского и ремесленного населения города были несомненно тогда на нашей стороне. Совет,

[1]) Эта заметка-воспоминание дана была редакции т. Дашковским в качестве дополнения к воспоминаниям тов. Михайлова.— Прим. ред.

как и во многих других местах, не перезбиравшийся несколько месяцев, не отражал настроения рабочих и солдат. Еще меньше настроения солдатской массы отражали комитеты. Между тем враждебные нам партии выступали тогда по преимуществу от имени солдатских комитетов и Совета. Я живо припоминаю выступление Гуревича, бывшего тогда уполномоченным Исполитюза (Исполнит. Комитет Юго-Западного фронта), который грозил, что в случае восстания большевиков в Петрограде «вся армия пойдет на Петроград». В распоряжении наших противников были тогда почти все технические средства агитации и пропаганды, они издавали и распространяли бесконечное количество плакатов (особенно эсеры). В Житомире у них были, насколько помню, две газеты — эсеровская и меньшевистская. У нас — ни одной. Несмотря на громадный перевес сил и средств на стороне противников, мы с каждым днем завоевывали все больше симпатий в массах. Но по местным условиям эти настроения невозможно было реализовать в виде выступления для захвата власти.

На нашей стороне не было материальной силы. Против себя мы имели две юнкерские школы, вооруженные до зубов. Хотя эти юнкеры, в соответствии с политической обстановкой, заявляли себя социалистами (меня даже пригласили туда два раза для прочтения докладов о большевистской программе и слушали очень внимательно), но было совершенно очевидно, что они не замедлят ликвидировать нас при малейшей попытке шевельнуться. Именно оттуда исходили еще до петроградского восстания провокационные слухи о предполагавшемся выступлении в Житомире, рассчитанные на то, чтобы вызвать нас на необдуманные действия.

Что касается солдат, среди которых мы имели полную поддержку, то эти были сплошь тыловые, ополченские части, лишенные оружия. А в ближайших Житомиру пунктах были сосредоточены враждебные нам петлюровски настроенные части. При таких условиях мы не сочли возможным предпринять выступление, ограничившись широкой агитацией за поддержку петроградского восстания и его лозунгов, и обратились с призывом-заявлением к трудовой части населения и солдатам не поддаваться на возможную провокацию. Помимо указанных причин, выступлению в Житомире препятствовало еще то обстоятельство, что Совет не был в наших руках — выступление пришлось бы организовывать одновременно и против местных правительственных органов и против Совета.

Таковы мои довольно смутные воспоминания о Житомире. Период после Октябрьского переворота в Петрограде, приблизительно до середины декабря, я провел в раз'ездах по разным частям Юго-Западного Фронта (Луцк, Дубно, Ровно, Сарны, Староконстантинов и др.). Картина всюду была одна и та же. В каждой армии, в каждом корпусе были тогда организованы кратковременные политические курсы в связи с предстоявшими выборами в Учредительное Собрание. Эти курсы превращались в сплошную дискуссию, тянувшуюся неделями, в которой руководящую роль играли лектора, представлявшие всю гамму политических цветов от большевиков и анархистов—до кадетов и корниловцев. Солдатская аудитория жадно впитывала в себя новые слова, понятия, лозунги. Как характерный штрих, следует отметить, что, при явном сочувствии большевикам и их лозунгам, солдаты

во время самых выборов все же чаще всего голосовали за эсеров, левых, правых, украинских и пр. Большевикам они симпатизировали, как солдаты, жаждавшие мира и скорейшего возврата домой для участия в дележке земли; эсерам — как крестьяне, которые наслышались всяких страхов про национализацию земли и которым была ближе по духу эсеровская уравнительная социализация. Эти крестьянские настроения правильно были учтены тогда Ильичом, когда по его инициативе был издан в числе первых декрет о социализации земли.

Из встреч, относящихся к этому периоду, более или менее ясно припоминаю встречу с тов. Г. Чудновским в Староконстантинове. Впрочем, это было, кажется, еще в сентябре, так как в октябрьские дни Чудновский был уже в Петрограде и участвовал в штурме Зимнего Дворца. Впоследствии, как известно, он погиб на украинском фронте в 1918 году в борьбе с немцами. Чудновский был тогда делегатом на корпусной конференции и председателем большевистской фракции этой конференции. Прибыл он прямо с позиционных окопов, куда пошел добровольно в ответ на брошенное ему обвинение, что большевики — тыловые шкурники, прикрывающие демагогией свое нежелание участвовать в боевой работе армии. Мне пришлось слышать его выступления на конференции и на фракционном совещании. Его речи, талантливо построенные и произнесенные с большим под'емом, вначале произвели на меня впечатление некоторой аффектации. Но потом, познакомившись с ним лично, я убедился, что в этом человеке не было ни тени фальши — это он доказал всей своей работой на фронте и геройской смертью революционера. Среди солдат он пользовался совершенно исключительной популярностью и любовью.

Очень смутно припоминаются еще встречи с прапорщиком Дмитриевым — большевиком, начальником луцкого гарнизона, с Гузарским, который вскоре после Октябрьского переворота был избран (или назначен) комиссаром Особой Армии. В Каменец-Подольске мне пришлось некоторое время работать на армейских курсах вместе с максималисткой Ревзиной (чл. Киевского областного комитета эсеров-максималистов, теперь коммунистка).

Почти везде, где мне пришлось побывать за это время, большевистские силы были представлены только солдатами-армейцами и работниками армии. Среди местного населения почти никаких оформленных большевистских организаций не было. Вести агитацию приходилось по собственной инициативе, иногда непосредственно от собственного имени устраивать митинги и доклады или пользоваться собраниями, которые устраивались от имени других партий, для большевистских выступлений. Мы были весьма слабо организованы по сравнению с другими партиями. Я думаю, что в значительной мере по этой причине голосование в Учредительное Собрание по Юго-Западному фронту не дало нам такого успеха, как это было на других фронтах. Вместе с тем никого, кроме нас, не слушала так жадно армейская аудитория.

Мне припоминается один эпизод: солдатский митинг, который был назначен в каком-то местечке верстах в 10 — 12 от Луцка. Середина ноября, непролазная грязь, какую нигде, кроме Волыни, не встретишь, беспрерывно льет осенний дождь, и в этакую погоду кто пешком, кто на дохлых, некормленных

лошадях, а кто в вагонетках проложенной немцами полевой железной дороги тянется за десятки верст послушать большевистского «оратора». Митинг, назначенный на 6 часов вечера, начался только поздно ночью и закончился поздно утром следующего дня.

Это был период стихийного таяния армии. В ротах оставалось по 20 — 30 человек, позиции были почти целиком оголены, шло массовое расхищение складов, казенного обмундирования, которым бойко торговали на базарах солдаты (они тоже изображали из себя «большевиков», обзывая «буржуями» тех, кто пытался мешать хищениям), был полнейший хаос в деле снабжения и транспорта. Шли какие-то лихорадочные передвижения петлюровских отрядов. Шевелились немцы. Когда я, пролежав около месяца в тифозной горячке в Луцке, возвращался домой через Киев, уже невозможно было установить, под чьей властью находилась Волынь. Выезжать приходилось на каждой пересадочной станции с «последним поездом». В Киеве я пробыл всего 2 — 3 дня, а, вернувшись на родину, в Звенигородку — это было уже в конце января 1918 г. — снова очутился в обстановке «предоктябрьских» дней. Но здесь переворот осуществился гораздо легче. Мы взяли власть по циркулярной телеграмме Народного Секретариата Украинской Советской Республики за подписью Ауссема и Люксенбурга. За этот бескровный переворот пришлось однако вскоре расплатиться кровавыми жертвами, когда поднялась вторая волна петлюровщины, с помощью немцев затопившая Украину.

Н. ТЕСЛЕНКО

Бой за Екатеринослав в 1918 году [1])

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Во второй половине ноября 1918 г. вооруженное восстание рабочих и крестьянской бедноты на Екатеринославщине приняло под руководством партии большевиков массовый характер. Наш Нижнеднепровск превратился в лагерь красных повстанцев, куда стекались отряды, свозилось оружие, где формировались новые отряды и отправлялись на борьбу с контр-революцией. Два рабочих центра — Екатеринослав и Донбасс — с занятием нашими отрядами жел.-дор. линии и ст. Гришино были соединены. За несколько дней перед этим я был командирован Губ. Штабом в распоряжение тов. Колоса, командующего юго-восточной группой повстанческих войск в донецком направлении, и, как бывший военный, был назначен командиром одного из отрядов в этой армии.

В средних числах декабря я с отрядом был переброшен с Гришинского участка на Синельниково для наступления на г. Александровск и, находясь на ст. Синельниково, ведя подготовку к наступлению, ждал приезда командующего.

Колос прибыл и сообщил о распоряжении Губ. Штаба (речь идет о штабе Екат. Воен.-Рев. К-та) наступать на г. Екатеринослав и о том, что сегодня сюда приедет Махно [2]). Он сделал распоряжение приготовить все к от'езду. Я отдал распоряжение быть готовыми, хотя мне казалось невозможным взять г. Екатеринослав, в котором были большие силы противника. Но в наступлении на г. Екаринослав, повидимому, преследовалась какая-то политическая цель [3]).

Вскоре в Синельниково прибыл Махно со своим отрядом, и здесь выяснилось, что мой отряд и отряд Махно должны будут отправиться на Нижнеднепровск в распоряжение Губревштаба. Мы выехали 15/XII вечером по старому стилю, а тов. Колос отправился в Гришино за переброской дополнительно отрядов.

По прибытии в Нижнеднепровск в штабе я узнал, что петлюровцы стали единственными хозяевами в г. Екатеринославе, выгнав из города 8-й офицерский корпус и обезоружив немцев. Здесь же узнал, что петлюровцами обезоружен наш

---

[1]) Статья прислана в редакцию Днепровским Истпартом. Проверена руководителем красного повстанчества на Левобережьи, тов. Колосом. — Прим. ред.

[2]) В этот период Махно действовал совместно с красными против немцев и гайдамаков.— Прим. ред.

[3]) Автор не был осведомлен о политической стороне военных операций, так как не принадлежал к партии. — Прим. ред.

Кайдакский (рабочий повстанческий) отряд и что уже два дня, как они не принимают из Нижнеднепровска дачных поездов. Ясно, что они решили перейти в наступление против нас. Разоружение Кайдакского отряда только подтверждало это предположение.

Губревштабом было созвано совещание командного состава как нашего, так и махновского. Председателем совещания был тов. Вано-Кузнецов. Совещание затянулось часов с 10 вечера до 4½ часов утра. Было много споров о том, наступать или обороняться; в конце концов было решено наступать. Командующим всеми вооруженными силами, участвовавшими в наступлении на г. Екатеринослав, был назначен Махно. После совещания и принятого решения наступать стали вырабатывать план наступления применительно к нашим силам и силам противника. Наши силы состояли из отряда под моим командованием (300 штыков, в том числе команда связи и подрывная команда — 60 сабель, 1 бронепоезд и 4 пулемета), Новомосковского полка (не помню, сколько штыков) и отряда Махно (100 сабель, около 400 штыков и 6 пулеметов). Силы противника в г. Екатеринославе достигали 4.000 пехоты, свыше 250 пулеметов, 3 легких батарей, 2 автоброневиков, 3 бронепоездов и большого количества минометов, бомбометов и кавалерии. В тылу противника от Екатеринослава до Киева также были сосредоточены значительные вооруженные силы.

Наши вооруженные силы, оставленные на участке Гришино, были втянуты в бои с красновскими бандами и в качестве подкрепления можно было рассчитывать только на живую невооруженную силу из наших сельских резервов. Что нам давало надежду — это большой энтузиазм наших бойцов и сведения о том, что две батареи противника под командой т. Мартыненко перейдут на нашу сторону.

План наступления выражался в следующем. Мне было поручено захватить вокзал и, закрепившись на нем, повести наступление через Пушкинский проспект по горе к артеллерийским казармам, где захватить батарею. Другие отряды наших частей должны были пройти по верхней части Днепровского моста и, дойдя по Провиантской улице до Екатерининского проспекта, закрепиться там, а при подходе остальных частей повести стремительное наступление на центр города. Начало наступления было назначено на 6 часов утра.

Необходимо упомянуть, что на совещании разведка Губревштаба дала следующие сведения о дислокации сил петлюровцев: противник главным образом укрепил вокзал, установив два орудия на погрузочных площадках пакгауза, направленных на мост; до 30 пулеметов было расположено на перроне и на путях; 3 эшелона с войсками во главе с броневагонами приготовлены к отправлению в нашу сторону; стояли на запасном пути с паровозом и были приготовлены 20 вагонов со шлаком на случай нашего наступления бронепоездом, чтобы пустить их нам навстречу.

Получив такие сведения, пришлось еще раз задуматься над тем, как наступать. Было решено: тихо, скрыто, пользуясь ночной темнотой, переехать мост бронепоездом, ворваться на вокзал и, высадивши десант с бронепоезда, захватить его. Нужно упомянуть, что мост находился под перекрестным пулеметным огнем: с одной стороны мог быть подвержен обстрелу с пароходной пристани, а с другой

стороны с бронепоезда, так что при обнаружении нашего движения эшелоном последний еще на мосту мог бы быть изрешечен пулеметным огнем. Но иначе мы действовать не могли. Нам нужно было строить свой план в расчете на панику в рядах противника: в таких случаях последняя является верным союзником наступающих.

Нужно было пуститься на хитрость и постараться узнать, насколько бдительны петлюровцы и что могут они предпринять в случае нашего движения по мосту. Решили пустить пробный поезд порожняком в числе 5 — 6 вагонов с маневровым паровозом без машиниста, а бронепоездом двигаться вслед за этим порожняком.

ВЗЯТИЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВА

В 4½ часа утра, по окончании совещания, я отправился на ст. Нижнеднепровск, где отдал распоряжение коменданту станции т. Гаю приготовить порожняк и отправить на Амур, после того отправить туда же бронепоезд и эшелоны, маневры проводить без паровозных свистков и огней, чтобы не обнаружить перед противником своего накопления на Амуре.

В 5 часов утра все уже было на Амуре. Впереди паровоза шел броневагон, на нем 4 пулемета, 8 человек пулеметной прислуги, 6 ящиков германских бомб и 6 бомбометчиков и я за командира. За паровозом шла одна теплушка и 30 человек пехоты. По выходе порожняка с моста бронепоезд должен был стремительно, не дав опомниться петлюровской заставе, под'ехать к стоящим у моста орудиям и открыть огонь из пулеметов и бомб. А в это время пехота должна была быстро высадиться, захватить орудие и пустить ракеты для сигнала частям, наступающим по мосту, о том, что мы пришли.

К 5½ часам утра на Амуре собрался Губревштаб и командный состав наших частей. Все в волнении разговаривали шопотом. Что день грядущий нам готовит? Порожняк тихо, как обреченный на гибель, двинулся с места и вошел на мост. Бронепоезд также тихо тронулся и, как кошка, затаив дыхание, взошел на мост, оставив позади себя застывшую и напряженную от волнения массу партизан. Окинул молча глазом ребят: пулеметчики в напряжении держатся за пулеметы, глаза сосредоточены на прицеле; бомбометчики, притаившись, держат в руках уже готовые бомбы. Я смотрю вперед, вооруженный наганом и ракетником. Тишина немая. Какие мысли были у нас? Наверно, никаких. Шли вперед с намерением выполнить свою задачу, но не вернуться назад.

Время идет. Порожняк уже у выхода с моста. Петлюровцы не стреляют. Нам видно, как караульные в недоумении заглядывают в раскрытые двери вагонов. Порожняк вышел. Нам остается шагов 150. Не давая опомниться часовым от удивления, стрелой вырываемся с моста. Здесь происходит одна из непредвиденных нами вещей, от которой зависел наш дальнейший успех, а именно: порожняк, как только был обнаружен противниками, по выходе с моста был принят на запасный путь, и стрелка сразу же была поставлена впрямую, захватив таким образом порожняк в плен и дав нам возможность выехать на главный путь. Поровнявшись с орудием, останавливаемся, бросаю вверх ракету, а пулеметы

одновременно открывают огонь. Бросаемые бомбы усиливают поднятую панику. Пулеметы обстреливают пароходную пристань, вокзал и жарят прямо по путям без всякой цели. Паника поднялась на диво, даже нам взрывы бомб казались орудийными выстрелами, так как они рвались около самого бронепоезда.

Считая, что за время стоянки пехота уже высадилась. кричу машинисту двигаться вперед, но не двигаемся. В чем дело, разве подбили, что ли? Гаркнули вместе 15 глоток «вперед». Оказалось, что машинист, не посвященный в наш план, при открывшейся стрельбе лег на пол; то же сделала и наша пехота в своей теплушке, пролежав свою высадку против орудия. Двигаемся быстрым ходом к вокзалу, не прекращая стрельбы. Нам показалось, что стреляет и противник. На минуту делаем перерыв — стрельбы нет. Значит, ошиблись. Снова поднимаем стрельбу, вырываемся к перрону и останавливаемся.

Перед нами картина: перрон усеян винтовками, шинеляли, брюками и из стоящих вправо от нас эшелонов бегут в вокзал полураздетые петлюровцы. Взбираюсь на крышу бронепоезда, смотрю, что же делать? Занимать вокзал? Кем? Вдруг вижу вправо за броневиком быстро движется цепь в шинелях Первая мысль — петлюровцы. Оказывается, это наша пехота, прозевав свою высадку у орудия, высадилась теперь. Слезаю с броневика, бросаюсь к вокзалу, цепь — следом. У дверей остановились на минуту, смотрим — никого нет, открываем дверь, вбегаем в середину станции. Вокзал битком набит людьми. Кто они такие? Пассажиры или петлюровцы — неизвестно. Лежат на полу, как трупы, уткнувшись носами в пол. Крикнув «не подниматься», сами выскакиваем на крыльцо. Впереди перед нами по направлению к цветнику бегут петлюровцы. Вытаскиваем два пулемета и направляем один прямо с крыльца по бегущим. а другой — на Комендантскую улицу. Открываем стрельбу.

Со стрельбой продвинулись до проспекта, установили пулемет и залегли. Эшелоны все прибывали. Сняв двух бойцов с цепи, отправился на центральный жел.-дор. телеграф, там, обезоружив четырех петлюровцев, приказал выключить все провода, как телеграфные, так и телефонные. Старший по смене, увидев меня, своего же бывшего телеграфиста — в недоумении, но, заметив наган, подчиняется. Бегло проверяю. что он сделал, оставляю на телеграфе двух караульных и сам возвращаюсь к цепи, заперев обезоруженных петлюревцев в пустую комнату.

Противник до сих пор себя не проявляет. Иду на вокзал и встречаю прибывший эшелон с об'единенными силами нашей и махновской пехоты под командой махновца Калашникова. С прибытием этого эшелона нарушился наш план, так как махновцы бросились хватать стоящие на перроне пулеметы и грузить их в свои вагоны вместо того, чтобы идти в наступление.

Я разыскал Калашникова и напомнил ему о боевой задаче, возложенной на нас, но он был бессилен — вожжи были выпущены из рук и каждый из махновцев проявлял свою инициативу по-своему. Тогда я вместе с несколькими повстанцами из нашего отряда захватил один ручной пулемет «Люйса» и двинулся к артиллерийским казармам, оставив станцию на махновцев. Я считал необходимым возможно скорее захватить артиллерию, так как промедление могло лишить нас орудий. Примчались мы на Полевую улицу, видим — казармы.

Обитаемы или нет? Этот вопрос я задавал еще на совещании при рассмотрении плана нашего движения, но разведка ничего не могла ответить. Производим обстрел крыши — на воротах появляется белая простыня. После этого мы вошли во двор, где встретили человек 150 вооруженных петлюровцев, из'явивших желание сдать оружие. Оказывается, это был склад оружия и караул. Справляюсь у командира, какое оружие — говорит, что имеется 113 исправных пулеметов, минометы и бомбометы — все это было отобрано у немцев. Задумываюсь, как бы их забрать. Петлюровцы все веселые ребята, бросают в кучу винтовки и рассказывают, что в средней казарме расположена нестроевая рота и обоз. Отправляюсь туда и делаю распоряжение запречь лошадей, погрузить пулеметы и отправиться на вокзал, а для наблюдения оставляю человек 20 красных. С оставшимися иду к артиллерийским казармам, где повторяется та же история: обстрел по крыше и на воротах, белая простыня, но при подходе к воротам из них выскочил конный и умчался в степь. Во дворе застаем группу петлюровских офицеров во главе с тов. Мартыненко. Наши обезоружили офицеров. Тов. Мартыненко отзывает меня в сторону и спрашивает, знаю ли я, что он должен перейти к нам. Я ответил, что знаю. После этого, возвратив оружие офицерам, условливаюсь с тов. Мартыненко относительно дальнейших действий и, получив оседланную лошадь, мчусь на вокзал в надежде, что наш «главнокомандующий» Махно уже прибыл, и я получу от него дальнейшие указания. По дороге нагоняю обоз, груженный пулеметами. Прибывая на вокзал, узнаю, что Махно до сих пор нет — как нет. Здесь же узнаю, что наше наступление как со стороны моста, так и со стороны Управления жел. дор. приостановлено. Петлюровцы укрепились на углу проспекта и Провиантской улицы в гостинице «Пассаж» и держат под сильным огнем пулеметов и минометов доступы к проспекту.

Не зная, откуда получить дальнейшие инструкции, и учитывая, что положение уже изменилось, так как противник опомнился, и можно ожидать, что от обороны перейдет в наступление, решаю опять возвратиться к тов. Мартыненко и взять орудия. Прошу тов. Мартыненко отправить два орудия к вокзалу; тов. Мартыненко делает распоряжение, но рядовые артиллеристы отказываются участвовать в боях против петлюровцев, говоря: «Як це ми будемо в їх стріляти, як ще вчора вони були наші брати?» Пришлось удовлетвориться одними ездовыми. Получив орудия и зарядные ящики, галопом мчимся с горы к вокзалу. Стрельба по городу идет ожесточенная с обеих сторон.

У жел.-дор. приемного покоя установили орудия, но артиллеристов нет. Вызываю добровольцев. Выходит один из чечелевских ребят. Первый выстрел — мимо, второй — прямо по вышке «Пассажа». Сразу же крики «ура» и бойцы рванулись вперед и без остановки дошли до Широкой улицы.

К этому времени прибыл на станцию Махно, а также и Губштаб. Было уже часов 9 утра. В городе начался упорный уличный бой за обладание каждого дома. С горы от горного института стреляла батарея. К полудню нам удалось продвинуться до Садовой улицы. К этому же времени противник со стороны Пушкинского проспекта сделал на Озерном базаре значительное накопление пехоты, которая таким образом угрожала отрезом наших частей на проспекте.

Выбить их было очень трудно, и пришлось обратиться к нашему броневику. Провели броневик на городскую жел.-дор. ветку, проехали через Озерку и разогнали петрюровцев, как мышей.

Потерпев неудачу и на этом участке, петлюровцы повели наступление с горы при поддержке автоброневика. Наши части сразу же отступили. Противнику без особого труда удалось продвинуться до самого Управления жел. дорог, но здесь произошла одна из наших очередных удач этого дня: тот же самый артиллерист, который произвел первый выстрел по «Пассажу», стоя с орудием у вокзала на расстоянии трех телеграфных столбов, в упор одним выстрелом расколол петлюровский автоброневик пополам, отделив переднюю часть от задней шагов на 15. Громовое «ура» — и наши части бросились в атаку. Петлюровцы обратились в бегство, и на их плечах наши части добрались до городского сада.

В это время на ст. Екатеринослав прибыл с отрядом Гришино тов. Колос. Я отправился к нему с докладом, при чем сообщил, что руководства со стороны Махно боем нет, выполнили организованно только то, что было постановлено на совещании в Губштабе, и теперь отряд действует по своему усмотрению.

Мне было приказано тов. Колосом принять прибывшие с ним отряды и отправиться на позицию, а сам он пошел в Губштаб, находившийся в вокзале в комендантском помещении.

Я с отрядом отправился на позицию к центральной почте. Положение на фронте все время было колеблющееся: не бой шел, а какая-то игра. Баррикадную войну вести по причине громадной ширины улицы проспекта не было возможным. Отбивали у противника дом за домом, квартал за кварталом, продвигались вперед, укрываясь от обстрелов в под'ездах домов, и при малейшей неудаче отступали опять на два-три квартала назад.

Противник прятался по дворам, пропускал нас вперед, а потом стрелял в спину. Стреляли из домов и офицеры из 8-го белогвардейского корпуса, скрывавшиеся после взятия города петлюровцами, а теперь вместе в Петлюрой выступавшие против нас, стреляли и частные лица из контр-революционного лагеря. При таком ведении боя мы имели большое количество раненых и убитых. Прибывающее подкрепление таяло. Руководить и управлять отрядами было очень трудно.

С прибытием на позицию тов. Колоса мы отправились на центральный городской телеграф, где передали ряд агитационных телеграмм на периферию о том, что город занят советскими повстанческими войсками; затем тов. Колос отбыл в штаб, я же остался с отрядом у дома бывшего губернатора. Петлюровцы через городской сад вздумали отрезать нас на проспекте... Я послал на вокзал за подкреплением, а сами отступили во двор мельницы Шифрина, против городского сада. Вскоре пришло подкрепление без командира и без оружия.

В этот момент петлюровцы произвели вылазку из городского сада, и наше подкрепление обратилось в бегство. Отбив вылазку своими силами, при поддержке небольшой группы из нижнеднепровских добровольцев, мы пошли в штаб

«главнокомандующего» Махно. Там был шум, толкотня. В штабе лежали в куче ботинки, белье и галантерея. Сам Махно и его командиры что-то делили, и получалась такая картина, что все заняты распределением барахла.

В соседней комнате в Губштабе большевиков разрешались, повидимому, какие-то политические вопросы (я понял, что недовольны действиями Махно); с трудом получил пулеметы и группу бойцов и опять отправился на позицию.

День клонился к вечеру. Знает ли главнокомандующий Махно, что будет ночью? Позаботился ли он о необходимой смене бойцам и пище? Привезенное гришинскими отрядами продовольствие было на исходе, а затребованное еще не прибыло...

Махно с наступлением темноты уехал ночевать в Нижнеднепровск, оставив своим заместителем Калашникова. Меня назначили дежурным по фронту. Об'езжая ночью улицы, занятые нашими частями, я видел с одной стороны уставших, спавших в под'ездах бойцов, с другой — безостановочный грабеж в магазинах и квартирах бодрствовавшими махновцами. Ни аресты, ни расстрелы на месте не могли остановить этого грабежа, так как ему покровительствовал сам «батько Махно». Наши командиры протестовали против действий махновцев, но Махно ничего не предпринимал.

Петлюровцы, узнав наш пропуск, сняли на проспекте наше сторожевое охранение и успели захватить три квартала, пока мы спохватились. Пришлось с полночи переменить пропуск. Так с редкой перестрелкой прошла ночь и этим закончились первые сутки.

На второй день бой продолжался опять поквартально с переменным успехом. Я находился дежурным при штабе. Со стороны Махно стало наблюдаться что-то ненормальное. Он стремился побольше набрать оружия, снаряжения и вообще снабжения и увезти в Гуляй-Поле. Меньше всего он интересовался ходом боя. Наши командиры перестали уже обращаться к нему, как к главнокомандующему, а обращались непосредственно в Губштаб. Наша комендатура следила за тем, чтобы Махно не вывозил без ведома Губштаба снаряжения, так как Махно вызвал с Гуляй-Поля крестьян с тем, чтобы вооружить их и отправить обратно.

Видя такое поведение Махно, тов. Колос поручил мне составить и оборудовать хороший бронепоезд — побольше поставить орудий и пулеметов и снаряжений и быть готовым, так как от Махно можно ожидать всего.

К вечеру на третий день боя на совещании в Губштабе, по предложению тов. Колоса и тов. Денисенко, было принято решение изменить тактику уличного боя, все наши части разбить на четыре группы (надо сказать, что у нас уже было сил в два раза больше, чем в начале боя, так как были подтянуты отряды с Новомосковска, Гришино, Синельниково и Павлограда): первая группа — боевая, вторая группа — закрепляющая занятую позицию, третья — сменная и четвертая — резерв.

Закончились третьи сутки. На четвертый день город был совершенно очищен от петлюровцев. Но в то же время противник подготовился к контрнаступлению, подтянув новые, свежие силы, а наши устали до невозможности — кто

где стоял, там засыпал. Разногласия Губштаба с Махно обострились. Махновцы продолжали заниматься грабежом. Губштаб требовал от Махно принятия мер против распущенности его отрядов.

Я выехал с тов. Колосом на броневике на ст. Горяиново, дальше уже двигаться нельзя было, так как противник сосредоточил силы для наступления. Не успев сделать глубокой разведки, мы столкнулись с наступающими петлюровскими частями. Крупные свежие силы пехоты и кавалерия под командой полковников Саквы и Самокиша наступали на Екатеринослав. Тогда мы на левом фланге развернули отряды товарищей Чарого и Лантуха, на правом — один из махновских отрядов, а в центре двинули броневик — так мы повели контрнаступление. Бой продолжался часа два-три. Противник временно был задержан за Брянской колонией, как вдруг выяснилось, что справа нас обходят. Оказалось, что махновский отряд снялся и ушел на ст. Екатеринослав, не предупредив об этом нас, а отряд Лантуха остался без патронов и под натиском петлюровской кавалерии был вынужден отойти.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Отошли и мы на ст. Горяиново, а затем, так как нам угрожали с тыла отрезать отступление, стали отступать к Екатеринославу. Около ст. Екатеринослав мы очутились под огнем со всех сторон, со стороны Феодосийских казарм также ударили, кажется, добровольцы-студенты и остатки офицеров 8-го корпуса. Нельзя было даже определить, где противник. Махно и Щусь убежали с кавалерией через мост на Амур первыми, наделав панику.

Тов. Колос приказал мне во что бы то ни стало задержаться с бронепоездом на станции, пока не отступит пехота, и сам остался на бронепоезде. Эшелоны и пехота под обстрелом начали отходить через мост на Амур. Броневик стоял у моста, отбиваясь от броневика противника. Много составов с паровозами стояло совершенно пустых, без машинистов, из-за них нельзя было вывезти эшелонов со снабжением. Ко всему этому еще прибавилось отсутствие жел.-дор. служащих. Случайно удалось поймать одного стрелочника или сцепщика — и все эшелоны прошли вплотную один за другим через мост. Последним отошел наш броневик. Я остался с тов. Бовой и небольшой группой повстанцев на путях, одним пулеметом и бомбами задерживая противника, стремившегося к мосту. Отряд тов. Лантуха, часть Новомосковского и Павлоградского полков отступили и дальше держаться было невозможно. Группа белогвардейцев, переодетых в санитары, подошла вплотную и забрасывала нас бомбами, и мы вынуждены были отступить, потеряв несколько человек убитыми. Отрезанные наши части бросились через Днепр по льду, но лед был слаб, и много товарищей погибло в реке под градом пуль противника.

Итак, мы отступили на Амур. Здесь был Махно и весь Губштаб. Причины поведения Махно под Екатеринославом были вполне ясны: Махно не дали места в Губревкоме и поэтому он перестал интересоваться и боем, и обороной, занялся только собиранием оружия и патронов в свои эшелоны, оставив наши

отряды без патронов и без смены, а впоследствии совсем поснимал с боевых участков свои отряды и под напором противника обратился в бегство.

Мы из-за Днепра пытались снова перейти в наступление и тов. Чесменский с бронепоездом проехал на ту сторону, но сразу же вернулся, так как путь за мостом уже был закрыт броневиком. Махно хотел взорвать мост, но мы воспротивились и благодаря тому, что начальник подрывной команды был наш, мы ограничились взрывом крестовины у моста.

Губштаб отправился на завод Гантке в Нижнеднепровск, все эшелоны также были отправлены в Нижнеднепровск, на Амуре остался только наш броневик задерживать наступление противника. Броневик стоял часов до 9-ти вечера, пока мы не узнали, что в Нижнеднепровске произошло крушение и части отступают пешим строем на Игрень и Новомосковск. Тогда и мы с броневиком отошли в Нижнеднепровск. В Нижнеднепровске нам пришлось остановиться за версту от станции, так как последняя была забита эшелонами.

Повести контрнаступление не было надежды. Никто не знал, что у нас есть, чем мы располагаем. Станция Нижнеднепровск была под орудийным обстрелом противника, который стрелял из Потемкинского сада. На станции от разрыва снарядов горели вагоны.

Станционные служащие разошлись, свет потух. Мы с группой товарищей метались в темноте под орудийным огнем, выгружая пулеметы, снимая замки с орудий броневика, обреченного на оставление противнику вследствие серьезного крушения, так как выход на Новомосковск и Синельниково был закрыт. На станции началась провокационная стрельба и бросание бомб. Было покушение на тов. Колоса и (раньше) на Махно, но оба неудачны. Два провокатора были нами расстреляны.

Когда пехота отступила частью на Игрень, куда должны были быть поданы из Синельниково порожние составы, а частью на Новомосковск, мы выехали с тов. Колосом с эскадроном тоже на Новомосковск. Губштаб отправился туда же. Там мы застали совещание, на котором решался вопрос, как поступать дальше. Часть товарищей высказалась за переход в подполье, часть за то, чтобы укрепиться в Новомосковске, и часть за то, чтобы переехать в г. Павлоград, а силы сосредоточить в Синельниково. На последнем и порешили.

К утру мы с эскадроном во главе с тов. Колосом выехали в Синельниково. Здесь мы застали панику. Махно хотел отобрать пулеметы у Павлоградского полка, но тов. Чарый не дал, угрожая боем, и Махно уехал в Гуляй-Поле.

Я был оставлен тов. Колосом с разрозненными частями пехоты и кавалерии в Синельниково для задержки наступления противника, который был обнаружен в районе ст. Илларионово. Тов. Колос уехал в Гришино для переброски войск.

Из Екатеринослава шли одиночки — наши повстанцы, я их задерживал и оставлял при отряде.

К вечеру из Гришино стали прибывать первые эшелоны с войсками, снаряжением и продовольственным снабжением, к утру на следующий день стали под'езжать отряды и к вечеру на Синельниково прибыл штаб Колоса и гришинские организации.

Ст. Синельниково превратилась в боевой лагерь: около 4-х тысяч вооруженных бойцов, кроме резерва живой силы без оружия. Настроение у всех сразу поднялось. Чувствовалось, что мы уже сила. Областком исправил ошибку Губштаба — взамен Махно назначил командующим всеми вооруженными силами тов. Колоса и Реввоенсовет в составе товарищей Колоса, Данченко, Сидоренко, Масленок и Маливанова. Все повстанческие отряды были реорганизованы в полки и начали готовиться к контрнаступлению на г. Екатеринослав.

Но, когда штабом был подготовлен переход в наступление и в сторону Екатеринослава уже были двинуты часть войск, получилось распоряжение Губштаба из Павлограда перебросить половину войск на Лозовской участок. Областком не предусмотрел взаимоотношений Реввоенсовета нашей армии с Губштабом. Реввоенсовет выполнил приказание Губштаба и перебросил часть войск, вследствие этого мы в Нижнеднепровском направлении вынуждены были перейти от наступления к обороне.

Губштаб повел Павлоградским полком наступление на Лозовую. Но петлюровцы получили подкрепление и перешли в контрнаступление.

Далее всеми вооруженными силами руководил Реввоенсовет под единым командованием. И хотя напор на нас на всех фронтах был утроен и противник принимал все меры, чтобы нас раздавить до подхода регулярной Красной армии с севера, но, благодаря нашей спаянности и окрепшей при едином командовании дисциплине, мы смогли выдержать все натиски и с приходом Красной армии дали ей новое пополнение. Некоторые полки, составленные из бывших наших партизан, сыграли немалую роль и после в боях за Крым и против Григорьева.

К. ПОЛОВОЙ - ПОЛЯНСКИЙ

Вооруженная борьба с деникинцами на Верхнеднепровщине и Кременчугщине

(Из воспоминаний)

I

Села Куцеволовка и Дериевка с населением до 16000 человек расположены на правом берегу Днепра в 45-ти верстах от бывшего уездного центра г. Верхнеднепровска и в 35-ти верстах от ныне окружного центра — г. Кременчуга. Отдаленность этих сел от городов, наличие большого количества куркулей и куркульской интеллигенции петлюровского толка, общее националистическое настроение Правобережья и отсутствие опытных партработников — все это создало благоприятную почву для возникновения здесь очага петлюровщины.

Начавшееся в июне 1919 года наступление Деникина и Петлюры подняло настроение шовинистических элементов этих сел. Местная сельская интеллигенция (врачи, учителя), а также учащаяся куркульская молодежь своей агитацией среди кулачества быстро толкнули его от пассивной ненависти на активные действия против советской власти.

В начале июня начались группировки кулацкого элемента, появились отдельные банды, которые оказывали сопротивление в части выполнения приказов и распоряжений местной совласти, обезоруживали красноармейцев, являлись постоянной угрозой для жизни партийных и советских работников, терроризируя местные органы советской власти.

Чем больше приближался фронт противника, тем наглей становились куркули. Со взятием деникинцами г. Екатеринослава их наглость достигла крайних пределов: сыновья кулаков бывшие прапорщики старой армии и им подобные, при встречах с нашими товарищами говорили им: «Бери, бери продразверстку, завтра или послезавтра мы всех вас перевешаем на телеграфных столбах».

Волисполком этих сел состоял из чуждых элементов, пробравшихся туда исключительно со шкурными целями и действовавших в угоду кулакам, представителями которых они по существу являлись. И председатель сельсовета, и председатель волисполкома были кулаки. Они не выполняли распоряжений, поступающих из уездного центра, не собирались эвакуироваться, ожидая новой власти.

В обоих вышеназванных селах не было ни одного члена КП(б)У, было лишь несколько кандидатов партии (я также принадлежал к числу последних) и несколько сочувствующих большевикам; но все мы (кандидаты и сочувствующие) самостоятельно не в состоянии были оказать достаточного противодействия нашим противникам, которые, ожидая со дня на день деникинцев, перешли к активным действиям — прерывали телефонную и телеграфную связь.

Между тем деникинцы приближались. Нам не было известно, где находятся красные части. Когда с Кременчугом связи уже не было, до нас дошли слухи о занятии деникинцами Верхнеднепровска. Распоряжений об эвакуации мы не получали и не знали, как быть. Прибывший в это время из армии по болезни т. Слизькоухий — член КП(б)У, предложил нам не эвакуироваться до получения соответствующего распоряжения, а в случае, если нас отрежут, перейти в подполье.

За два дня до занятия деникинцами нашего села к нам приехал уполномоченный Реввоенсовета 14-й армии, тов. Колос, который созвал нас: т. т. Слизькоухого, Сызька, Грека и меня и предложил нам остаться в подполье для организации партизанских отрядов в тылу деникинской армии. Тов. Колос говорил нам, что деникинская власть продержится не более 4 — 6 месяцев, что ее, как и немцев, разобьют повстанцы с тыла, так как на территории, занятой деникинцами, либо уже действуют партизанские советские отряды, либо организовываются «Повстачкомы», которые организуют отряды для борьбы с деникинцами [1]).

Мы все единодушно согласились остаться для подпольной работы в тылу Деникина. Утвердили состав нашего штаба во главе с тов. Слизькоухим (я был назначен районным резидентом по связи) и согласовали квартиры для связи. Снабдив нас необходимыми инструкциями, листовками и деньгами, тов. Колос уехал. В тот же вечер мы заседали уже как штаб будущего Куцеволовско-Дериевского отряда. Мы подсчитывали свое оружие и товарищей, которые, по нашим предположениям, должны были пойти с нами, наметили на случай необходимости убежище и пункты связи.

Когда деникинцы уже подходили к с. Куцеволовка, мы совместно с волмилицией стали вести разведывательную работу, предполагая в случае перехода через наши села красных частей передать им сведения о расположении деникинских войск. Один из разведчиков, тов. Пелипас, попал в руки деникинцев и был ими расстрелян. Когда с. Куцеволовка было занято деникинцами, мы перешли в с. Дериевку, которая находится на расстоянии одной версты от края села Куцеволовки. К дериевской пристани в это время прибыл наш воинский пароход, на котором отступали верхнеднепровские организации. Пароход обстрелял с. Куцеволовку, но деникинцы не отвечали, и пароход ушел на Кременчуг. В тот же день с. Дериевка была занята деникинцами. Мы ушли в камыши. Я лежал целую ночь в камышах под селом и слышал стоны избиваемых и насилуемых девушек и грохот подвод, вывозящих награбленное имущество у

[1]) Мнение, излагаемое т. Половым-Полянским о том, что деникинцы будут разбиты с тыла повстанцами, ошибочно. В действительности рев.-повстанческие отряды в борьбе с добрармией могли играть лишь подсобную роль, основное же значение в деле разгрома деникинцев имела регулярная Красная армия. Прим. ред.

подозреваемых в большевизме бедняцких семей. Деникинцы уводили рогатый скот, свиней, барашек, а птицу тут же резали и готовили себе закуску.

На утро, по приказанию старшего начальника, бывшим председателем сельсовета был созван сход. Сошлись преимущественно кулаки; бедняки испуганно стояли в сторонке.

Мы, несмотря на опасность быть выданными, вооруженные бомбами и револьверами, находились среди собравшихся. На трибуне выступил офицер и «от имени командования доблестной добровольческой армии генерала Деникина» предложил населению с. Куцеволовки выдать в «руки правосудия» живыми или мертвыми всех большевиков, оставшихся в селе, и их укрывателей, при чем указал, что укрыватели большевиков понесут такое же наказание, как и большевики; тут же, не дожидаясь результатов, он об'явил, что село Куцеволовка за укрывательство большевиков обкладывается контрибуцией в 20.000 р.

После схода были выгнаны обывательские подводы и офицерство с местными предателями поехали грабить квартиры семей красноармейцев, ушедших в подполье местных большевиков и подозреваемых в большевизме. Проводниками были бывшие жандармы, урядники, стражники и петлюровцы. Первой была указана квартира тов. Сызькова (матроса-большевика, три сына которого были в Красной армии и один с нами в подполье). Дом был разграблен до основания, все имущество увезено, а оставшееся разрушено. Старуху, жену Сызькова, избивали, требуя, чтобы она указала, где находятся сыновья.

На следующий день из Верхнеднепровска прибыл начальник варты с отрядом для набора добровольцев в варту. Когда воинские части пошли в наступление на г. Кременчуг, вартовые, по примеру ушедших белогвардейцев, продолжали грабеж и насилие.

На первом заседании нашей подпольной группы, на котором присутствовали т.т. Слизькоухий, Сызько, Чеверда, Грек, Ерух, Трофим, Половой, Половой-Полянский и др., всего человек 12, было решено приступить к скорейшей подготовке отряда к боевым действиям; затем нами был составлен ультиматум начальнику варты следующего содержания:

«С каждым днем белый террор все усиливается. Вартовые ночью нападают на квартиры семей бывших красноармейцев, занимаются избиением, насилием и грабежом. Продолжаются расстрелы. Без суда и следствия расстреляны два брата Половых и Куцевол.

Палачи! Прекратите террор, иначе пеняйте на себя. Час расплаты близок. Вы в наших руках, под дулами наших винтовок и пулеметов.

Командир Красно-повстанческого батальона Слизькоухий».

Вручить ультиматум мы поручили Анне Сенипостол, которая лично доставила его начальнику варты, а сама благополучно скрылась. Через несколько дней (повидимому, в ответ на наш ультиматум) начальником варты Верхнеднепровска был издан следующий приказ:

«Служащие государственной стражи — вартовые за активную борьбу с большевиками — будут получать чины повышения. За поимку и доставку живым или мертвым большевика или красноармейца каждый получит повышение на один чин».

Вартовые из местного кулачества, стараясь выслужиться, чинили зверские расправы над причастными к советской власти. Ими была вскоре поймана мать нашего командира, тов. Слизькоухова, старуха 65-ти лет, и избита до полусмерти. Белый террор все увеличивался.

В то время, когда деникинцы занимались грабежами, насилием и убийствами, когда негодование всего населения по поводу произвола, чинимого деникинскими властями, все возрастало, мы проводили организационную работу и выжидали удобного момента для выступления.

II

Вскоре, когда у нас было уже до 30 человек в отряде, этот момент наступил. Мы получили сведения, что на пароходе, идущем на Кременчуг, везут арестованных большевиков. Наш отряд под командой тов. Слизькоухого сделал засаду в удобном месте в Колодивке, на окраине с. Дериевки. Обстреляв пароход, мы заставили его подойти к берегу. На пароходе действительно оказалось одиннадцать человек красноармейцев. Больных красноармейцев мы снабдили документами и отправили по домам, остальные остались в отряде. Деникинцев начальствующих расстреляли, а рядовых, обезоружив, отпустили. В дальнейшем мы решили не пропускать ни одного парохода, идущего по Днепру.

После этого деникинские пароходы, в то время почти все вооруженные, полубронированные, проходя остров «Молдаван» и с. Дериевку, сначала открывали канонаду, обстреливая местность, затем проходили. После первых действий нашего отряда к нам стали прибывать новые добровольцы, и вскоре была сформирована первая рота нашего батальона, который насчитывал уже до 100 человек.

Мы в своем районе в достаточной степени осмелели. Мы демонстрировали свои силы, появляясь при полном вооружении, то в одной, то в другой части села, иногда даже проходили по селу с песнями.

Как-то в село Куцеволовку приехал пристав со своими приспешниками; мы сделали на них налет, часть перебили, а приставу и нескольким полицейским удалось бежать. Тогда мы бросились преследовать бежавших. Полицейские в числе 7 человек засели в доме на окраине с. Куцеволовки и начали отстреливаться. На помощь к ним подошли из соседних хуторов вооруженные сынки кулаков. Таким образом у них составился отряд человек в 15. Решительным ударом мы их захватили и перебили. Наш командир, тов. Слизькоухий, в этом бою был ранен в голову и временно выбыл из строя, но мы не приостанавливали работы — развернули штаб батальона и начали организовывать Красноповстанческий батальон Куцеволовско-Дериевского района.

После этого деникинцы выслали против нас отряд в 350 человек пехоты и кавалерии. К приходу отряда мы разошлись и поодиночке законспирировались. Отряд постоял, подебоширил и ушел. Так повторялось много раз. После каждого пребывания в селе отряда мы опять начинали свои действия и к нам присоединялись все новые и новые сторонники. Вышеописанным визитам деникинских каротрядов мы и счет потеряли.

С выздоровлением тов. Слизькоухого мы начали действовать более активно окончательно терроризируя деникинскую власть; мы перерезали телефонную и телеграфную связь и не давали ее восстанавливать, подрезая и увозя столбы.

В первых числах сентября до нас дошли слухи о том, что в Киеве петлюровцы подрались с деникинцами; местные петлюровцы растерялись; вскоре против них начались репрессии со стороны деникинцев и они вынуждены были перейти в подполье; этим самым была выбита из строя часть наших врагов, что значительно улучшило наше положение. Вскоре от петлюровцев откололась часть интеллигенции, сочувствовавшая нам. Мы решили ее использовать следующим образом: когда приезжали деникинцы, относившиеся к интеллигентам доверчиво, те их ложно информировали о состоянии наших отрядов; они говорили деникинцам, что в большевистских отрядах имеется артиллерия, много пулеметов, тысячи две бойцов и т. п. Такая информация создавала нам популярность среди населения и в то же время наводила панику на деникинскую власть.

В средних числах сентября от штаба Левоберук из Киева к нам приехал тов. Кочкин, который привез деньги и приказ о назначении тов. Слизькоухого командиром бригады повстанческих сов. войск Верхнеднепровского района; ему же поручалось организовать штаб, которому предписывалось подчинить все уже действующие отряды этого района и продолжать формирование новых отрядов. В шифрованном письме был указан адрес киевской явочной квартиры Главштаба: «Подол, Туровская ул., дом № 25, кв. Беловой, спросить Д. Шашло», пароль — «принимаете ли вы шить белье», ответ — «принимаю».

С этого времени связь с Главштабом повстанческих советских войск Левоберук, находившимся в то время в г. Киеве, стала регулярной. К нам приезжали как нарочно, так и проездом курсирующие на юг и обратно курьеры связи между Главштабом и действующими отрядами на местах, которые привозили нам письма и приказы.

Письма и приказы были написаны на холщевках; мы снимали копии с холщевок для распространения приказов в своем районе, а курьеры с подлинниками следовали дальше для оповещения таким же путем других работников. Через тех же курьеров мы давали сводки-донесения в Главштаб.

В особо секретных случаях мы пользовались шифром, а иногда через известных нам курьеров делали устные передачи и информации. Постоянными курьерами в нашем районе были: т. т. Кочкин, Т. Шашло, Д. Шашло, Тарасюк и др. Позже, когда организовался полевой штаб Левоберука в г. Кременчуге, нам было значительно легче держать связь с ним.

В последних числах сентября тов. Слизькоухий, выздоровев, приступил к выполнению возложенных на него Главштабом новых заданий. Был организован Военный Совет бригады в составе: тов. Слизькоухого, тов. Страшко и Косенко и штаб бригады с командиром тов. Слизькоухим и начальник штаба тов. Литвиненко.

Ревсовет и штаб бригады прежде всего занялись восстановлением связи по всему району Верхнеднепровского и частью Кременчугского уезда в сторону Крюкова и на Левобережьи по селам Калибердянской волости. В этих районах

уже везде существовали подпольные повстанкомы и действовали мелкие партизанские отряды. Более крупные отряды были в селах: Бородаевке — во главе с тов. Бондаренком, Попельнастом — во главе с тов. Пасс, Троицком — во главе с тов. Свистун и Павличенко, в районе Верхнеднепровска — во главе с тов. Клименко и в с. Калиберде — во главе с тов. Литвиненко.

Поскольку наши отряды были сосредоточены главным образом в районе Верхнеднепровска, нашновый штаб переехал в село Успенское. В отрядах, подчинявшихся нашему штабу бригады, насчитывалось около 1000 штыков. Продолжая еще вести организационную работу, мы считали преждевременным сосредоточение всех сил в одном месте, и наши отряды действовали в разных местах. Наша организационная работа проходила успешно, пополнение новыми повстанцами шло целыми группами. Несколько позже была налажена связь и с другими самостоятельно действовавшими отрядами (отряд тов. Третьяка в с. Онуфриевке, возле ст. Павлыш между Крюковым и Кременчугом; отряд тов. Петрова, действовавшего на левом берегу Днепра в районе Потокинско-Солоницкой и Кобелякской волости, и отряд тов. Лантуха в Петраковском районе).

Наряду с работой по организации отрядов и снабжению их оружием, мы проводили агитационную работу, которая заключалась в распространении листовок-воззваний, присылаемых нам из центра из Главштаба и из Кременчуга из штаба Ревкома; кроме того, весь организационный период подполья мы писали воззвания, вначале от руки под копирку, позже на машинке и распространяли их по селам, расклеивая на видных местах; в период борьбы, при занятии нами того или другого селения, мы устраивали митинги или собирали группы повстанцев и крестьян по хатам, и там старший командный состав, который почти весь состоял из коммунистов, проводил с ними беседы.

Деникинцы, переоценив значение нашего штаба, сделали налет на село Успенское. При штабе был только один батальон в 150 человек. Завязался бой. В результате было много убитых и раненых. Нам пришлось отступить в село Куцеволовку. Тогда деникинцы бросились на другие отряды, предполагая разбить их поодиночке, но наши отряды успели окружить деникинцев и разбили их. После этого наш штаб отдал приказ о соединении всех частей бригады.

В селе Куцеволовка мы застали отряд петлюровца Котика, который прислал нам предложение вести борьбу против Деникина единым фронтом. Штаб не считал нужным ему отвечать, так как знал что собой представляет этот авантюрист. Котик, повидимому, боясь быть обезоруженным, решил удрать из нашего района, но, чтобы не показать виду, что он удирает, прислал в штаб рапорт с уведомлением о выступлении из с. Куцеволовки. Штаб ему опять ничего не ответил. Выходя из с. Куцеволовки, отряд Котика обезоружил нескольких наших повстанцев из караульного взвода телефонной станции. По получении от командира взвода донесения о происшедшем комбриг отдал приказ об обезоружении отряда Котика. Последний поспешил после этого уйти в с. Лиховку (штаб петлюровцев в 25-ти верстах от с. Куцеволовки, где предполагалось соединение петлюровских отрядов).

Оттуда Котик прислал в штаб об'яснение, в котором указывал, что обезоружение повстанцев произошло в результате недоразумения. Для выяснения

этого «недоразумения» член Ревоенсовета нашей бригады, тов. Косенко, поехал в штаб петлюровцев один впереди бригады, двигавшийся в лиховском направлении. По донесении разведки мы узнали, что атаман Котик по пути заезжал в хутора, где имелись петлюровские отряды, и забирал их с собой.

Версты за $1^1/_2$ от с. Лиховки Котик встретил нашу бригаду оружейным и пулеметным огнем. Начальник нашего авангарда, тов. Клименко, развернул свой отряд фронтом и бросился в атаку. Котиковцы бежали. Окружив с. Лиховку, а в нем и отряд Котика, мы вступили в село и направились к помещению штаба Котика. В штабе никого не оказалось.

Наш комбриг отдал приказ о розыске тов. Косенко. В то время, когда в селе шла редкая перестрелка — наша бригада обезоруживала отряд Котика, в штаб прибежала девушка, служащая местной больницы, и рассказала, что она слышала разговор котиковцев о том, что они убили одного коммуниста, труп которого пустили под лед. Вскоре действительно в речке, протекающей посредине села, был обнаружен труп тов. Косенко.

Отряд Котика был нами обезоружен. Начались поиски штабистов и самого Котика, скрывшегося в селе. Из села мы никого не выпускали. Через некоторое время мы получили сведения, что Котик спрятался в земской больнице. Мы обыскали больницу и нашли его. Военсовет бригады приговорил Котика к расстрелу. Приговор в тот же день был приведен в исполнение.

В селе Лиховке мы простояли два дня; похоронив тов. Косенко, наша бригада двинулась тем же маршрутом в обратный путь. Деникинцев нигде по пути не было и отряды нашей бригады были опять расставлены по своим селам. В селах, где стояли наши отряды, они являлись фактической властью.

В наших отрядах партийцев было мало, почти все они были на командных должностях и перегружены работой как в самом отряде, который постоянно находился в движении, боях, стычках, разведке, карауле, так и работой по политическому воспитанию повстанцев. Поэтому Реввоенсовет бригады не считал возможным создавать Ревкомы в занятых нами селах, к тому же и крестьяне говорили: «В отряд пойдем, а в Ревкомы не пойдем, а то отряд выйдет, а нас деникинцы повесят».

III

В первых или средних числах ноября нами был получен приказ от командующего повстанческими советскими войсками, тов. Колоса, в котором указывалось на необходимость переотправки бригады на левый берег Днепра в полтавском направлении для соединения с отрядами Кобелякского района и для дальнейшего продвижения на север с тем, чтобы ударить с тылу по действующей армии Деникина.

Выполнение этого приказа встретило большие затруднения—повстанцы волновались и не хотели уходить из своих сел, боясь, что их семьи станут жертвами деникинцев. Чтобы предупредить такую расправу, Реввоенсовет бригады решил остаться на месте, сохранив при себе по районам маленькие отряды, продолжая дальнейшую работу по организации новых отрядов, а на левый берег были

отправлены отряды во главе с тов. Клименко и тов. Тараном. Тут встретились новые затруднения — командиры не хотели уходить из районов, в которых они пользовались популярностью и поддержкой населения. В конечном счете все же удалось переправить бригаду в 900 человек пехоты и кавалерии на левый берег Днепра, которая через некоторое время заняла г. Кобеляки. В дальнейшем у нас связь с ней была на некоторое время прервана.

К этому времени наш Реввоенсовет фактически распался: тов. Косенко был убит, товарищи Стражко и Слизькоух заболели, а остальные товарищи раз'ехались по селам для организации новых отрядов. Мы увезли больного тов. Слизькоухого в с. Дериевку и там приступили к организации нового отряда.

С уходом нашей бригады на левый берег Днепра нам необходимо было спешно организовать новые отряды и добыть оружие, чтобы не дать возможности деникинцам перейти в контрнаступление. Обстановка для организации была благоприятная. Крестьяне заявляли: «Если нужно, зовите — пойдем сами и других заставим пойти: деникинцев больше терпеть не можем». Было много желающих поступить в отряды, но у нас не было оружия, а, согласно инструкции Главштаба, нам запрещалось брать в отряд людей без оружия, так как они могли легко стать жертвами палачей.

Удачным налетом на деникинцев в с. Успенском нашему отряду удалось добыть штук полтораста винтовок, бомбы и патроны. После этого мы сформировали Куцеволовско-Дериевский батальон. Выздоревший тов. Слизькоухий с'ездил в полевой штаб Левобережной Украины (в Кременчуг), где заместитель командующего, тов. Шаврин, отдал распоряжение закончить формирование отряда и переименовать его в Осободействующий батальон. Командиром батальона был назначен тов. Слизькоухий. Ему также поручалось переформировать в батальоны Троицкий и Калибердянский отряды.

Несмотря на уход нашей бригады, деникинцы со своими карэкспедициями в нашем районе не появлялись, а случайно проходящие отряды нами обезоруживались.

Деникинские власти на местах боялись нас, что видно хотя бы из следующего факта: уездные власти, узнав, что в селе Куцеволовка находится жена тов. Колоса, отдали распоряжение арестовать ее. Получив это распоряжение, начальник варты созвал совещание из служащих в местной полиции и в каротрядах, на котором сообщил об имеющемся у него распоряжении, при чем раз'яснил присутствующим опасные последствия, которые может вызвать выполнение полученного распоряжения. На совещании было решено предупредить Колосову, чтобы она на время уехала из с. Куцеволовки, и они имели возможность отписаться перед высшим начальством, что ее нет в их районе. Подосланная дочь местного учителя передала все это Колосовой, которая скрылась в подполье, фактически продолжая работать по связи. Вскоре после этого сама стража и полиция сбежали из нашего села, и наш штаб стал фактической властью.

В первых числах декабря мы стали получать из Главштаба письма, в которых сообщалось о росте восстания по Украине и о переходе регулярной Красной армии в наступление по всему фронту; в связи с этим, учитывая политическое

настроение повстанцев-партизан, предлагалось усиленно вести агитацию за соединение повстанческо-партизанских отрядов с регулярными частями Красной армии и за подготовку предстоящей демобилизации партизанских отрядов; кроме того, предлагалось выявить те отряды, которые необходимо будет обезоружить, а также имеющееся оружие. Это вызвало у нас недоумение, мы не знали нужно ли продолжать формирование новых отрядов. Для выяснения этого вопроса тов. Слизькоухий поехал в Кременчуг к тов. Шаврину. Возвратившись, он об'явил нам приказ готовиться к наступлению на г. Кременчуг, сообщив, что к Кременчугу подтягиваются со всех сторон повстанческие партизанские отряды.

Через несколько дней мы получили оперативный приказ за подписью заместителя командующего, тов. Шаврина; прибывший курьер сообщил, что Кременчуг окружается со всех сторон. Наш батальон должен был наступать на пос. Крюков, левей нас — батальон т. Свистуна, далее на левом фланге — бат. т. Третьяка, с севера на левом фланге, в Кристовском районе — части дивизии Коцуры; на правом фланге — Калибердянский батальон т. Литвиненко, далее бывшая наша бригада; с полтавского направления — отряды дивизии Кручковского, а с севера поджидались части регулярной Красной армии.

Силы противника были неизвестны нам, мы знали только, что, в виду наступления Красной армии и занятия ею части Полтавщины, деникинцы сконцентрировали свои силы в г. Кременчуге; кроме того, можно было ожидать, что они получат подкрепление со стороны Знаменки и Корыстовки.

Двигаясь в наступление на Крюков, мы, предполагая добыть оружие, захватили с собой человек полтораста еще не вооруженных добровольцев, которые двигались в том же направлении под видом крестьян, едущих на базар. Безоружные повстанцы должны были сконцентрироваться в заранее назначенном месте и оттуда держать с нами связь. Мы успешно подошли к с. Камено-Потоцкое (в 3-х верстах от посада Крюкова). В этом селе нас встретил оружейным огнем деникинский отряд человек в 25—30; он был нами удачно охвачен и почти весь перебит. С нашей стороны был только один убитый.

На следующий день на рассвете мы пошли в наступление. Завязался бой с деникинским разведывательным отрядом, з затем и с главными силами деникинцев. Решительным натиском мы заняли крюковский военный арсенал, но части Коцуры опоздали занять Корыстовку, и поэтому к деникинцам успело подойти со стороны Корыстовки подкрепление. Сбив батальон Третьяка, заняв с. Павлыш-Онуфриевку, подошедший деникинский бронепоезд выбил и нас из п. Крюкова; мы отступили по всему левому флангу, сосредоточив все наши отступившие части в районе села К.-Потоцкое. Ожидая подкрепления, мы заняли временно оборонительную позицию.

На правом фланге батальон тов. Литвиненко также отступил в с. Редутовку. Силы противника, сконцентрированные в посаде Крюкова, превосходили нас и численно и техникой раз в 10—15. У нас ко всему этому был еще острый недостаток в патронах, но мы не падали духом.

Разведка у нас был поставлена хорошо: женщины-крестьянки под разными видами и предлогами проникали в расположение войск противника

и передавали нам все необходимые сведения. Замаскированные разведчики проникали в тыл противника и там наводили панику.

Вторая сильная атака со стороны противника, происшедшая днем, хорошо запечатлелась в моей памяти. Я лежал в это время на левом фланге и у меня при винтовке было всего лишь 20 патронов. Я знал, что больше достать негде, нужно было беречь их и стрелять только по верной цели. Противник двигался на нас целой лавиной; под сильным пулеметным огнем нам пришлось отступить. Наш командир отделения попал в плен, но к вечеру возвратился на лошади при полном вооружении: оказалось что при сопровождении его в штаб он выхватил у конвоира шашку, зарубил его и, забрав его лошадь, прискакал к нам.

На следующий день к нам прибыло подкрепление от тов. Тарана. Мы заняли укрепленную позицию в с. К.-Потоцкое. Деникинцы несколько раз переходили в наступление на К.-Потоцкое со стороны Крюкова, но, получив от нас должный отпор, отступали обратно.

Таким образом бой с переменным успехом продолжался семь дней. Бодрость и смелость партизан парализовала силы противника. Деникинцы при всех попытках разбить нас терпели поражение. Боясь быть отрезанными в Кременчуге, деникинцы перебросили все свои силы и технику через мост в Крюков, минировав мост и открыв ураганный батарейный огонь по левому берегу Днепра. Тогда повстанцы вступили в г. Кременчуг. В это время с северной стороны к Кременчугу подходили регулярные части Красной армии. Так как деникинцы стремились прорваться через К. Потоцкое для отступления на юг, мы послали на левый берег за подкреплением. Подкрепление вскоре подоспело. Тогда деникинцы, взорвав днепровский мост, отступили на Павлыш. Таким образом г. Кременчуг и посад Крюков были заняты красными партизанами и подошедшими частями Красной армии.

Согласно инструкции и приказа Реввоенсовета повстанческих советских войск, повстанческо-партизанские части — отряды — при встрече регулярной Красной армии должны переходить в полное подчинение командованию регулярными красными частями. На основании этого все наши повстанческие отряды перешли в распоряжение штаба 60-й дивизии и только часть была оставлена для милиционной службы в г. Кременчуге и по уезду. Некоторая часть повстанцев сдала оружие и разошлась по домам. Политработники-организаторы, оставшиеся в резерве, после перехода повстанческих отрядов в регулярную Красную армию были направлены на места для работы.

Так закончилась наша борьба за власть Советов на Верхнеднепровщине и Кременчугщине.

Копия с копии

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИКАЗ ПО КРАСНОПОВСТАНЧЕСКИМ ПАРТИЗАНСКИМ ОТРЯДАМ, ДЕЙСТВУЮЩИМ В ТЫЛУ ДЕНИКИНСКОЙ АРМИИ НА УКРАИНЕ

Красные повстанцы-партизаны! Вы подняли Красное знамя восстания и вооруженной борьбы против нашествия отечественной контр-революции, поддерживаемой капиталистическими странами Запада, предводимой царским генералом

Деникиным. Вы уже нанесли, наносите и нанесете последний смертельный тыловой удар добровольческой армии и деникинской власти, но для того, чтобы этот удар был посильней и в кратчайший срок с меньшими жертвами, нужна организованность и дисциплина в рядах повстанческо-партизанских отрядов.

Коммунистическая партия большевиков Украины с начала отступления Красной армии с Украины начала вести подготовительную организационную работу по организации боевых революционных штабов по всей Украине, которые явились пионерами — первыми организаторами повстанческих партизанских отрядов.

Ныне красноповстанческая партизанская армия растет с каждым днем. Ее ряды пополняются новыми бойцами, а находящиеся еще в подполье повстачкомы подготовляют к бою новые резервы. Для политическо-организационного и военно-оперативного руководства командование повстанческими партизанскими отрядами Коммунистическая партия назначила Революционный Военный Совет Пов. Сов. Войск, Главштаб и командующего.

Свою деятельность Главштаб распространяет на всю территорию Левобережной Украины и на нижеследующие районы Левобережной Украины: начиная с юга по Днепру — Никополь — Криворогский район, Екатеринославско-Каменской, Верхнеднепровско-Крюковско-Александровский, Чигиринско-Черкасский, Знаменский, Канево-Белоцерковский-Киевский. Но этим штаб не ограничивает себя в своих действиях,— если явится возможным, то действия будут распространены за пределы упомянутой территории. Все революционно-повстанческие партизанские отряды, ведующие борьбу за власть Советов, переходят в полное подчинение названного штаба, а на месте его полевым штабам.

Отряды не признавшие и не подчинившиеся руководству командования РВС и его Штабу, рассматриваются (считаются) вражескими и с ними будет вестись борьба наравне с деникинцами.

Рев. Военный Совет уверен, что красные повстанцы-партизаны под руководством коммунистических штабов разобьют тыл добровольческой армии — окажут лучшую помощь регулярной Красной армии.

Да здравствуют революционные повстанцы-партизаны!
Да здравствует Красная армия!
Да здравствует Советская власть!

(печать)
Сентябрь 1919 г.

Революционный Военный Совет Повстанческих Советских войск Левобережной Украины.

С копией верно *(К. Д. Половой-Полянский)*

Копия с копии

ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ БРИГАДНЫХ ВОЕНСОВЕТОВ, КОМАНДИРАМ БРИГАД ПОВСТАНЧЕСКИХ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

Дорогие товарищи! Наша работа по организации сети повстачкомов по всей Левобережной и части Правобережной Украины закончена и получила

свое организационное завершение — назначением ЦК КП(б)У Реввоенсовета повстанческих советских войск Левобережной и юго-восточной части Правобережной Украины.

Реввоенсовет, учитывая предстоящие трудности в его работе на такой большой территории и обладая только конспиративными средствами живой связи, признал необходимым выделить пять полевых штабов для приближения к действующим отрядам, каковым штабам поручается командование отрядами в районе его расположения, в том числе и бригадами.

Реввоенсовет, предусматривая могущие быть провалы, разгромы руководящего Главштаба, установил порядковую преемственность полномочий между полевыми штабами.

Персональный состав руководителей штаба, место пребывания, район действий, пункты связи и порядок преемственности рассылаются вслед за сим шифровкой.

Судя по тем сведениям, какие мы имеем к сегодняшнему дню с мест от наших повстачкомов, видно, что повстание возрастает и выявились новые отряды из отрезанных красноармейцев и стихийно появившиеся — последние невыявленной политической окраски — и что между нашими повстачкомами с одной стороны и с другой стороны повстачкомами других партий и группировок начинает вестись борьба за руководство повстанием.

Реввоенсовет, учитывая(ет) положение на фронте — продолжающееся деникинское наступление и отступление Красной армии и то, что повстанцы, ведущие борьбу с деникинцами под чьим бы то флагом ни было, в данный момент является для нас полезными.

Поэтому считаем в данных условиях желательным по возможности создание единого повстанческо-партизанского фронта против добровольческой армии, для чего рекомендуется входить с ними (т.-е. с повстачкомами др. партий—ред.) в военное соглашение в действиях против деникинцев, но ни в коем случае не в политическое. И вести борьбу за расслоение и влияние среди этих отрядов извнутри, для чего посылать агитаторов, а иногда вливать и целые надежные отряды, дабы добиваться полного влияния, не останавливаясь при необходимости освободить революционных повстанцев из-под влияния авантюристов-батек, перед полной ликвидацией силой оружия штабов этих батек и самих батек.

Все политические вопросы согласовывайте с местными паркомами и ревкомами.

Настоящее письмо ниже стоящим штабам оглашению не подлежит.

Р. В. С. Повстанческих Сов. Войск Левобер. Украины

(печать)

Сентябрь 1919 г.

С копией верно *(К. Д. Половой-Полянский)*

ОТДЕЛ II

ОТ 1905 К 1917 ГОДУ

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

А. РОСНОВСКИЙ

Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ в Киеве[1])

(О работе Киевской организации в 1911—12 г.г. по личным воспоминаниям и документам)

В истории всей нашей партии вообще и Киевской организации в частности период 1911—14 г.г., получивший позднее название эпохи «Звезды» и «Правды», содержит чрезвычайно интересные страницы... Это были годы, когда после мучительных, безнадежных лет черной столыпинской реакции снова поднялась волна рабочего движения. Это было время, когда усилиями новых поколений рабочих был заложен прочный фундамент, на котором вырос в дальнейшем красный Октябрь. В эти годы в революционной деятельности принимали участие многие сотни работников, которые потом вынесли на своих плечах всю тяжесть гражданской войны и теперь работают в рядах РКП. Наконец, в эпоху «Звезды» и «Правды» окончательно наметился безвозвратный разрыв между соглашательской и революционной частью российской социал-демократии, и фракция большевиков стала организационным центром всех истинно-партийных революционных элементов. В процессе борьбы с ликвидаторами она выростала из фракции в партию.

Киевская организация РСДРП 1911—12 г.г. по масштабу своей работы и по персональному составу руководящих работников занимала одно из первых мест среди других организаций того времени. По общему признанию представителей всех тогдашних групп и течений Киевский комитет был одним из наиболее авторитетных местных комитетов партии. Работа Киевской организации далеко выходила за пределы города или губернии и безусловно имела значение общепартийное.

Канвой для настоящего очерка служат прежде всего личные воспоминания о работе организации, в которой я принимал в 1911—12 г.г. довольно близкое участие. Значительная часть фактического материала, особенно документального, взяты мною из архивных дел Киевского охранного отделения и губернского жандармского управления, которые я имел возможность изучить в киевском центральном революционном архиве. Порядочно фактов вспомнилось при просмотре моих же довольно многочисленных корреспонденций и заметок в венской нелегальной «Правде» (издававшейся под редакцией тов. Троцкого) и в «Звезде»... Наконец, много ценных фактов я узнал или же вспомнил при беседе и переписке с товарищами Давидом Шварцем, Р. Левиком и Г. Пятаковым.

[1]) Статья передана в редакцию Киевским Истпартом и составлена по его заданию.

Некоторых из участников работы Киевской организации 1911—1912 г.г. уже нет среди нас... Недавно умерла Евгения Богдановна Бош, эта самоотверженная и неутомимая революционерка, которая могла бы многое рассказать о работе Киевской организации и собиралась это сделать... Погиб также тов. Зарницын. Их памяти я посвящаю эти страницы.

СНОВА ЗА РАБОТУ

Каждый, кому пришлось пережить 1907—9 годы, годы столыпинской реакции, с тяжелым чувством вспоминает это ужасное время... После яркого пожара революции — дни апатии, упадка, разочарований... Рабочий класс, с боем отступивший с революционных позиций, снова попал в лапы организованного капитала, который шаг за шагом восстанавливал старые дореволюционные порядки. Одно за другим отбирались добытые упорной борьбой права. Всякая попытка протеста, всякая забастовка неизбежно кончалась неудачей... Рабочие организации распадались... Интеллигенция начинала свой «великий отход».

Партия таяла на глазах — каждый день вырастали новые фракции, группы, течения. Не было людей, не было веры, не было желания работать... Охранка действовала во-всю: обыски, аресты, высылки каждый день. Яд провокации разлагал каждое начинание в зародыше. Не было уверенности в самом близком товарище...

К осени 1910 года атмосфера немного изменилась — подул свежий ветерок. Прошла волна студенческих волнений в связи со смертью Льва Толстого и зерентуйскими истязаниями. Оживилась работа в легальных организациях, возобновили свою деятельность некоторые профессиональные союзы, прозвучал голос рабочих делегаций на открытых с'ездах, снова начала выходить в декабре 1910 года легальная рабочая газета «Звезда», сразу же встретившая сочувствие и поддержку со стороны пролетарской массы.

Киевская организация к этому времени сохранилась сравнительно лучше других. В начале 1911 года имелось много (до 20-ти) кружков, выпускались листки, оживленно шла работа в клубе, где почти открыто боролись два течения — ликвидаторов и партийцев... Но ряд провалов сильно поколебал эту работу. 2-го февраля 1911 г. были произведены обыски и аресты у т.т. Кац-Капелянского, Хоржельского, Магидова, Скаржинского, Романова, Закостельского, Лазова-Лознева, Добровского, Товбина, Кагана, С. Михайловского и др. Весной на Днепре была арестована сходка из 16 рабочих. Комитет вследствие провалов вынужден был постоянно пополнять свой состав путем кооптации. Постановка работы перестала удовлетворять рабочих. Когда же летом, в связи с приездом царя в Киев, большая часть «неблагонадежных» была выслана, а другим пришлось выехать по «предложению» полиции, работа приняла вялый, бесцветный характер...

В июле-августе 1911 года я вел небольшую кружковую работу на Подоле. Беседы велись на различные темы по текущим и теоретическим вопросам.

Рабочие в это время постоянно заявляли, что кружковые занятия их не удовлетворяют. Активность рабочей массы росла и даже рядовые товарищи требовали хотя бы маленького, но живого дела. Нередко проявлялось также стремление рабочих к участию в разрешении вопросов партийной жизни и к контролю над работой партийных ячеек... Рабочие сами хотели строить свою партию...

Однажды утром в первых числах сентября, возвратясь домой, я застал на столе записку на клочке газеты: «тов. Валентин, к 11 часам вас ждут на Пушкинской № 10, кв. 12. Федор». Выходя из под'езда, я столкнулся с молодым человеком среднего роста, восточного типа, в форме техника. Тов. «Федор» сказал мне условный пароль и сообщил, что вторично пришел пригласить меня на организационное собрание. «Федор» был слушателем технических курсов Черпинова.

На указанной квартире мы застали уже несколько человек: хозяина комнаты, молодого техника т. Яна (Иван Шильган), т. Петра (Георгий Леонидович Пятаков), худощавую, серьезную женщину — Евгению Богдановну Бош, Ник. Гаврилова и известного мне рабочего Гришу (Серебрянникова).

Познакомились... Речь сразу же зашла о восстановлении и расширении партийной работы в Киеве. В разговоре выяснилось, что хотя среди нас есть и причисляющие себя к большевикам и к меньшевикам, но все собравшиеся сходятся на том, что без сильной нелегальной партии победа революции в России немыслима. Для дальнейшего выяснения ряда практических вопросов решено было собраться в один из ближайших дней.

Через 3—4 дня на Мариинско-Благовещенской, № 77, состоялось наше второе собрание. Кроме бывших на первом совещании товарищей, пришел еще «т. Михаил», член комитета старого состава.

В обширном, хорошо построенном докладе т. Михаил ознакомил нас с состоянием партийной работы в Киеве, обрисовал начинающееся оживление среди рабочих, наметил широкие перспективы работы среди киевского пролетариата. Доклад произвел на всех нас очень хорошее впечатление.

После продолжительных прений и подробного ознакомления с имеющимися возможностями решено было приступить к воссозданию Киевской организации. Ближайшим организационным мероприятием был намечен созыв общегородской конференции в целях об'единения всех имеющихся в районах работников. Решено было состав данного собрания считать ядром пропагандистской коллегии и принять все меры к ее пополнению. Наметив еще ряд практических мероприятий, мы разошлись поздно вечером в самом радужном, бодром настроении.

Дружно закипела работа. Возобновились связи, укреплялись и пополнялись старые кружки, организовывались новые. Были созданы ячейки активистов на Подоле, в городском районе, на Шулявке... «Звезда» стала распространяться по предприятиям организованным порядком и в большом количестве. Рабочие стремились к организации, каждому хотелось что-то делать... Апатия прошла.

ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

После почти двухмесячной подготовительной организационной работы по всем основным ячейкам организации были проведены выборы. 13 ноября 1911 года собралась общегородская конференция.

Созыв конференции был обставлен согласно тончайшим правилам конспирации. Квартиру нашли у студентов-политехников (черниговцев, земляков тов. Гаврилова) в маленьком одноэтажном домике № 3 по Клейгельскому переулку. Хозяева комнаты ушли на целый день из дому. Возле ближайшего полицейского участка был установлен наш пост — сидела художница и прилежно рисовала вид городской улицы. Ее задачей было, в случае выхода из ворот участка наряда полиции, условным сигналом предупредить стоящего на углу соседнего квартала дежурного товарища, который должен был бежать на квартиру и стуком в окно известить нас о приближении опасности. Мы, участники конференции, также распределили между собой роли на случай налета полиции: студенты — т. Гаврилов и я, бывший студент т. Пятаков и Е. Б. Бош, имевшая какое-то отношение к Политехническому Институту (кажется, она числилась в нем вольнослушательницей) должны были в случае появления полиции оставаться на месте и заявить, что мы пришли в гости к знакомым, остальной же публике полагалось в случае тревоги удирать без оглядки...

Медленно, поодиночке, со всевозможными предосторожностями собирались товарищи и к 11 часам утра все делегаты были уже на месте. Всего в конференции участвовало 12 человек — 7 рабочих и 5 интеллигентов. Из рабочих помню Давида Шварца, Гришу Серебрянникова, работницу, кажется, по имени Маня. Из интеллигентов были т.т. Е. Б. Бош, Г. Пятаков, И. Гаврилов, Федор и пишущий эти строки.

Все уселись вокруг большого полукруглого стола и заседание началось. Порядок дня был намечен следующий: 1. Отчет комитета за истекший год. 2. Оценка момента и план предстоящей работы. 3. Выборы делегатов на общероссийскую конференцию. 4. Выборы комитета.

По первому пункту с докладом выступал тов. Шварц. Обрисовав об'ективные условия работы организации, рассказав о провалах, заставлявших комитет постоянно пополнять свой состав путем кооптации, что совершенно лишило его характера выборного органа, докладчик отметил имеющиеся достижения, в частности, в области легальной работы и в области борьбы с ликвидаторством. Тов. Шварц подчеркнул также сдвиг, наметившийся в рабочей массе, и растущую активность.

Доклад был принят к сведению.

Центральным вопросом, на котором было сосредоточено внимание конференции, был второй вопрос: «Оценка момента и план предстоящей работы». Отвергнув соглашательскую точку зрения ликвидаторов, считавших возможным «урезать» революционные лозунги, конференция признала, что перед пролетариатом России стоят прежние задачи — низвержение монархии и революционная борьба за демократическую республику. В резолюции было отмечено, что РСДРП

в условиях третьеиюньского режима должна «вести широкую и глубокую нелегальную соц.-демократическую работу среди российского пролетариата и во всех массах, способных к восприятию социал-демократических идей; принимать самое активное участие в легальных выступлениях пролетариата, считая своей главной задачей выносить на широкую арену с.-д. принципы и революционную тактику РСДРП; стремиться к воссозданию единой РСДРП, как испытанной руководительницы пролетарской борьбы».

По вопросу об избирательной кампании в 4 Государственную Думу было постановлено, что «конференция, не предрешая вопроса о выставлении самостоятельной кандидатуры в Государственную Думу, впредь до обсуждения его на общепартийной конференции, считает необходимым использовать предстоящую избирательную кампанию в целях пропаганды в широких массах революционной тактики РСДРП и принципов международной социал-демократии».

Выработка плана и методов предстоящей работы организации вызвала оживленный обмен мнений. Большинство делегатов, особенно рабочие, настаивали на возможном приближении партийной работы к массе, на вовлечении этой массы в повседневную организационную деятельность. Особенно подчеркивалась необходимость такой постановки дела, при которой каждый рядовой член организации не был бы лишь пассивным слушателем и посетителем кружка или ячейки, но выполнял бы те или другие, хотя бы самые небольшие, партийные обязанности. Очередной организационной задачей было намечено оформление и укрепление работы в районах. Было признано желательным создание в районах организационных комиссий при районных комитетах, на которые возлагалась бы работа по налаживанию связи с предприятиями и по организации новых ячеек и кружков.

При конкретном рассмотрении имеющихся легальных возможностей была намечена определенная работа в открывшемся «Научно-художественном клубе» и в многочисленных в то время профессиональных союзах. Всем товарищам рекомендовалось, по возможности, принимать самое активное участие в экономической борьбе рабочих, стремясь заполнить ее определенным соц.-дем. содержанием.

По вопросу о созыве общероссийской конференции киевская общегородская конференция после краткой информации приняла следующую резолюцию:

Принимая во внимание:

1) что тяжелое положение, переживаемое в настоящий момент РСДРП, вызывается в значительной мере отсутствием законных центров, могущих взять на себя руководство партийными выступлениями,

2) что благодаря разрухе остается неразрешенным целый ряд насущных вопросов текущей партийной жизни: избирательная платформа, организационные формы и т. д.,

3) что вопреки постановлению пленума Ц. К., констатировавшему эти факты и указавшему выход из упомянутого тяжелого положения путем созыва общероссийской партийной конференции, последняя заграничным Бюро Ц. К. созвана не была по соображениям, с партийными интересами ничего общего не имеющим,

4) что выступление заграничной Организационной комиссии и Т. К. (Технической комиссии. — Ред.), созданных совещанием членов Ц. К., было направлено на воссоздание и укрепление единой РСДРП,

5) что созданная при их содействии Рос. Орг. Ком., стоящая вне фракции и заслужившая крепкое доверие местных работников, может взять на себя руководство работой по созыву общероссийской конференции,

Конференция Киевской организации РСДРП, одобряя действия Киевского Комитета, в отношении созыва общероссийской конференции, постановляет:

1) поддержать Р. О. К. в ее дальнейшей деятельности,

2) выбрать делегатов на конференцию.

Таким образом, Киевская организация решительно стала на сторону Р. О. К., созданной по почину большевистской части партии.

В заключение были произведены выборы делегата на общероссийскую конференцию из нового Киевского комитета. С общего согласия в целях конспирации решено было провести выборы тайным голосованием и результатов их не оглашать, а оставить известными только президиуму.

Работа конференции проходила в атмосфере строгой деловитости, дружно и согласованно. Заседание тянулось до позднего вечера.

РАБОТА КОМИТЕТА

Еще в далекие дореволюционные годы товарищи, вынужденные невольно отдыхать в царских тюрьмах, на досуге высчитали и установили средний срок работы революционера «на воле». Срок этот не превышал 7 — 8 месяцев.

Киевский комитет оправдал этот подсчет — после общегородской конференции ему удалось проработать около 8 месяцев. 13 ноября 1911 года была конференция, а 20 июня 1912 года аресты т. т. Пятакова, Аверкина, Шварца и др. нанесли серьезный удар организации.

Общегородская конференция была весьма важным этапом в нашей работе. Выработка определенной тактической линии, постановка ряда практических задач, избрание авторитетного руководящего коллектива — все это дало значительный толчок росту и развитию Киевской организации.

«За планомерную, энергичную работу» — это стало нашим общим лозунгом. И работа закипела по всей линии.

Всякий из участников работы того времени должен был признать, что «у нас в Киеве есть комитет». С первого же дня его работы мы почувствовали, что организация приобрела крепкий, выдержанный руководящий орган. И в дальнейшем мы, рядовые работники, чувствовали не только постоянное созидающее, направляющее и инструктирующее влияние комитета, но и тесную организационную и идейную связь с ним. Конечно, в значительной мере этому способствовало то обстоятельство, что в состав комитета вошли работники весьма большого удельного веса, пользующиеся общим уважением и любовью. На общегородской конференции в число членов комитета были избраны: т. Петр (Г. Пятаков), Евгения Богдановна Бош, Аверкин, Давид Шварц, Федор (Погосянц) и Гриша Серебрянников. После первых арестов был кооптирован т. Иосиф (Р. Левик).

Я не имею возможности детально осветить внутреннюю жизнь комитета. Нужно надеяться, что об этом подробно расскажет кто-либо из его бывших членов. Отмечу только главнейшие стороны деятельности Комитета, главным образом те, которые отражались в работе районов.

Хотя строгого распределения обязанностей между членами комитета по условиям партийной работы того времени не было, но все-таки некоторое разграничение функций существовало. Г. Пятаков был секретарем комитета, Е. Б. Бош вела, насколько помню, финансовую часть, Д. Шварц и Аверкин имели отношение к печатанию изданий организации. Все члены комитета, за исключением т. Шварца и Аверкина, вели массовую партийную работу, принимая непосредственное участие в работе районов или в качестве представителей комитета (т. т. Пятаков и Бош) или же в качестве непосредственных работников районов, членов Районных Комитетов и Организационных комиссий (т. т. Федор, Гриша Серебрянников и, позднее, Р. Левик). Меньше всего нам в районах приходилось сталкиваться с Д. Шварцем, который, кроме комитетской работы, имел серьезные задачи общепартийного характера в качестве члена Р. О. К., делегата общероссийской конференции и затем члена Ц. К.

К сожалению, в архивных делах почти не сохранилось протоколов заседаний Киевского комитета. Имеется только порядок дня заседания К. К. от 8 января 1912 г. На этом заседании стояли следующие вопросы: 1. Отчет т. Петра о работе в городском районе. 2. Выпуск листков, 3. Издание газеты, 4. Распространение литературы и 5. Квартирный вопрос.

На заседаниях комитета, помимо решения целого ряда повседневных практических дел, обсуждались также многочисленные принципиальные вопросы, например, о выборах в 4-ю Государственную Думу, об общепартийной конференции, о работе ликвидаторов и т. д. В комитете делались доклады представителями центральных учреждений партии как большевистской ее части (Серго Орджоникидзе и др.), так и меньшевистской (член редакции «Правды» т. Иоффе). Наконец, в комитете намечались планы проведения всех текущих политических кампаний, проводимых организацией.

С первых же дней существования комитета остро стал вопрос об издании листков. Как я теперь узнал от тов. Шварца, несмотря на то, что организацией в свое время был издан целый ряд печатных воззваний, собственной налаженной типографии у комитета не было. Почти все воззвания печатались в различных легальных типографиях, конечно конспиративным образом... Ц. К. поднимался вопрос о приобретении для Киевского комитета переносной типографии, но это осталось невыполненным. Весною 1912 года комитет приступил к организации своей постоянной техники, товарищи наборщики начали доставать шрифт и другие типографские принадлежности, но все это было взято при обыске у т. Аверкина. За 7 месяцев комитетом были изданы следующие листки:

1. «Товарищи! Голод идет»... По поводу недорода в Приволжских губерниях. Ноябрь 1911 года. 3000 экз.

2. «Товарищи! Пять лет тому назад»... По поводу дела с.-д.-втородумцев. Издано совместно с «Бундом». Гектогр. Ноябрь 1911 г.

3. «Товарищи! Кончился старый год»... 1 января 1912 г. Печат. 2000 экз.

4. «Товарищи! Тяжелые, грозные тучи ползут по небосклону Европы»... По поводу стачки английских углекопов. Февраль 1912 г. Печатн.

5. «Избирательная кампания в 4-ю Думу. Третья дума доживает свои последние дни»... 26 января 1912 г. Печатано 2.000 экз.

6. «Как вести выборы в 4-ю думу»... 8 февр. 1912 г.—4000 экземпляров.

7. «Резолюция Комитета Киевской организации о состоявшейся в январе 1912 г. конференции Р. С. Д. Р. П.» 30 марта 1912 г. Печатн.

8. «Товарищи-железнодорожники!»... Апрель 1912 г. Печатн.

9. «Товарищи! Неужели и теперь молчать?»... По поводу ленских событий. Апрель 1912 г. Печатн.

10. «I Первое мая». Изд. совм. с «Бундом». Печатн.

11. «II Первое мая». Апрель 1912 г. Печатн.

12. «К рабочим завода Марра. Долго терпели мы, рабочие».. Март 1912 г. Изд. от имени Подольск. Р. К. Гектограф.

13. «К рабочим завода Греттера»... По поводу покушения на мастера Лелло. Февраль 1912 г., изд. от имени Шулявск. района. Гектогр.

Кроме перечисленных листков, хорошо помню, что составлялись воззвания: «К приказчикам», «К типографским рабочим» и др., но были ли они напечатаны — не знаю.

Помимо листков, изданных комитетом, было еще выпущено несколько воззваний от имени с.-д. студенческих фракций университета, политехнического института, высших женских курсов и об'единенных с.-д. фракций.

Но все эти выпускаемые комитетом листки далеко не могли удовлетворить растущую потребность в нелегальной литературе. Особенно плохо было с заграничными изданиями. Выходившие тогда в Париже под редакцией В. И. Ленина «Социал-демократ» и «Рабочая Газета» и венская «Правда» (под ред. Л. Троцкого) получались в единичных экземплярах, обыкновенно в конвертах по почте. Только перед самым провалом комитета, помнится, была получена заграничная литература в несколько большем количестве. Неудивительно, что в организации возникла встретившая общее одобрение мысль об издании печатного нелегального органа на месте. Этот вопрос прошел даже стадию предварительного обсуждения и разговоры шли уже о названии газеты, содержании статей, формате издания и других практических сторонах проекта. Аресты похоронили и это дело...

Вся работа организации, а особенно техническая, требовала, несмотря на строжайшую экономию, довольно больших денежных средств. Нужно было найти источники для изыскания их.

Вскоре после общегородской конференции ребром был поставлен вопрос о членских взносах, и товарищи довольно аккуратно вносили 1% своего ежемесячного заработка. Несколько раз устраивались вечера-концерты, сборы с которых, производившиеся в пользу какой-либо «бедной семьи», поступали в кассу комитета. Организатором художественной части таких концертов бывал обычно артист городского театра Летичевский. Один из таких концертов в зале какого-то клуба

на углу бывш. Крещатика и Александровской ул., куда мы пошли с тов. Гавриловым, произвел на нас довольно плачевное впечатление. Публики было совсем мало, и думаю, что выручка оказалась минимальной. От Е. Б. Бош я слышал, что довольно крупные денежные суммы для организации ей удавалось получать от группы железнодорожников, служащих управления ЮЗ'а... Иногда кое-какие сборы в пользу партии делали и с.-д. фракции в высших учебных заведениях.

Всей перечисленной выше работой далеко не исчерпывалась разносторонняя деятельность комитета. Как одна из самых серьезных организаций того времени в общероссийском масштабе, комитет поддерживал связи с целым рядом городов, партийных групп и отдельных товарищей. По архивным делам удалось установить, что комитет поддерживал связь с местными организациями в Екатеринославе, Харькове, Одессе, Тифлисе, Екатеринбурге, Петербурге, а также с парижскими руководящими группами партии. Непрерывная живая связь поддерживалась с Р. О. К. и Ц. К. Из отдельных товарищей связи с Киевским комитетом, главным образом письменные, поддерживали т. т. В. И. Ленин, Надежда Константиновна Крупская, Г. В. Плеханов, Л. Троцкий, Серго Орджоникидзе, А. Иоффе, Урицкий (последние трое приезжали в разное время в Киев), Розмирович (киевлянка), Швейцар («Вера»), Стасова («Зельма»), Воровский (живший в Одессе) и многие другие.

Копии писем некоторых из перечисленных товарищей имеются в делах Киевского Центрального Архива. Они представляют огромный исторический интерес. Особенно много сохранилось писем Надежды Константиновны Крупской, из которых видно, как много интереса, внимания к работе Киевского комитета и сердечной заботливости проявлялось товарищами, группировавшимися вокруг В. И. Ленина.

Конечно, Киевская организация была невидимыми нитями связана и со всей периферией, городами, местечками и даже селами прилежащего района. Рабочие, примыкавшие к партии, при поездках на родину, в глухие углы Киевской, Волынской и Черниговской губернии, развозили литературу, сообщали местным рабочим об успехах и росте движения, пробуждали инициативу. Несколько раз в провинцию специально выезжали товарищи, которые проводили собрания, завязывали связи... Помню такие выезды в Брусилов, Смелу, Фастов и т. д. Наконец, Киевская организация была связана (через автора этих строк) также и с провинциальным бюро «Спилка», которое имело связи и ячейки в Васильков, Бердичеве, Житомире и др. пунктах Юго-Западного края, где вело кое-какую работу.

Возвращаюсь к описанию работы комитета в городе.

Ближайшей вспомогательной ячейкой комитета, работавшей с ним в неразрывном контакте и непосредственно проводившей его решения в районах, была пропагандистская коллегия.

После первых же сентябрьских собраний коллегия пополнила свой состав и регулярно работала до самого провала. В состав коллегии входили: Е. Бош, Г. Пятаков, Федор Погасянц, Р. Левик, Ян Шильган, Н. Гаврилов, М. Зарницын, студент Марк (не помню фамилии) и я. Собрания коллегии происходили довольно

регулярно, по большей части еженедельно. Не было таких вопросов текущей работы, которые не подвергались бы подробному и серьезному обсуждению в коллегии. Ликвидаторство, работа в клубах и профсоюзах, вопросы рабочей печати, страхования, международная политика, дело с.-д. депутатов 2-й Гос. Думы, организационные, внутрипартийные вопросы — все это тщательно прорабатывалось в коллегии. Несколько заседаний под ряд было посвящено выработке программы кружковых занятий. На основании опыта всех товарищей и учета потребностей массы был утвержден цикл занятий в кружках, состоящий из 9 или 10 бесед. Эта довольно хорошо разработанная программа занятий давала возможность в сравнительно короткое время ознакомить большое количество рабочих с основами революционной социал-демократии.

На заседаниях коллегии вырабатывались темы для выступления отдельных товарищей на массовках и собраниях и подвергались критике уже состоявшиеся выступления. Начата была большая работа по подготовке к избирательной кампании в 4-ю Гос. Думу. Был намечен ряд докладов на отдельные темы и каждый из нас должен был предварительно прочесть свой реферат в коллегии. Первый доклад из этой серии прочел т. М. Зарницын на тему «Итоги работы 3-й Гос. Думы». Доклад вызвал продолжительные дебаты, принявшие довольно резкий характер благодаря присущей т. Зарницыну прямолинейности и категоричности.

Такие же живые прения возникли при выработке плана первомайской кампании.

Помимо всех этих боевых политических вопросов, в коллегии очень часто подвергались обсуждению основные проблемы политической экономии, философии и этики. Помню диспуты по поводу модных в то время философских учений (эмпирио-критицизм и др.), на которых особенно ломали копья т.т. Пятаков, Федор и Марк.

Пропагандистская коллегия была деятельным, мыслящим организмом. Каждый из нас в тесной товарищеской семье отдыхал от сутолоки и тревоги подпольной работы, делился опытом, разрешал сомнения и черпал силы и бодрость для дальнейшей работы.

Гораздо менее интенсивно работала другая наша коллегия — литературная. Состояла она из двух человек: т. Пятакова и меня. Только весной 1912 года, насколько помню, вошел или должен был войти кто-то третий, кажется, т. Зарницын. Литературная коллегия имела функции подсобные: она составляла листки, которые исправлялись и утверждались комитетом. Наладить получение листков из-за границы, несмотря на многократные попытки, не удалось. Оттуда было прислано только одно или два воззвания. О привлечении сил из среды литераторов нечего было и думать — там царило безнадежное ликвидаторство...

Из учреждений общегородского характера должен упомянуть еще о библиотеке. Потребность в книге и популярной брошюре среди рабочих была огромна. С большим трудом удалось в начале работы собрать несколько десятков книг и брошюр, которыми и приходилось удовлетворять эту острую нужду. Только в марте 1912 г. кем-то из товарищей был обнаружен большой склад книг, оставшихся

от прежних годов. Книги хранились у одной из служащих земской фельдшерской школы, на Лукьяновке, откуда мы с товарищем Гавриловым перевезли их на извозчике куда-то на Шулявку. Книги были очень ценные и их было несколько сотен... Часть из них пошла в районы, остальные составили основной книжный фонд. Куда потом делась эта библиотека — не знаю.

РАЙОНЫ

Основной силой и опорой организации безусловно были наши рабочие районы, об'единяющие кружки и ячейки на производствах и непосредственно спаянные с пролетарскими массами [1]).

Самыми старыми районами были Подольский и Городской. К октябрю 1911 года выделилась самостоятельная Шулявская группа, преобразованная затем также в район. Наконец, после ленских дней возник проект организации отдельного Демиевского района, который однако осуществить не удалось.

Описание работы районов начну с Подольского, в котором я был постоянным работником и который мне был известен лучше других.

Во главе района стоял Районный комитет в составе 7 — 8 человек, представителей отдельных групп и ячеек. Комитет собирался часто, почти еженедельно, и решал вопросы как местного, технически-организационного характера, так и общеполитического, принципиального. Из работников Подольского Районного комитета вспоминаю только М. Киевского, Гришу Серебрянникова, одного заготовщика (кажется, по имени Мотя), Р. Левика и одного рабочего—екатеринославца, очень способного парня, хорошего оратора, ни фамилии, ни клички которого не могу вспомнить. Секретарем Районного комитета был я. Часто на наших заседаниях присутствовал представитель Киевского комитета. Этим представителем обычно была Е. Б. Бош. Только один раз вместе с ней пришел Г. Пятаков.

Так как основной работой организации мы считали вовлечение в политическую жизнь возможно более широких слоев пролетариата, то при Районном комитете была создана Организационная комиссия, которая завязывала связи и занималась первоначальной организацией ячеек на предприятиях.

Свои люди и кое-где ячейки были у нас на пивных заводах Товарищества и Рихтера, на кафельном заводе, дрожжевом Марра, в пароходных мастерских, на электрической станции, на фабриках Кона, Анштрейна, Млочевского, на кабельном заводе, на фабрике весов Ханцынского, на мельнице Бродского и других. Усиленно мы старались завязать связи на Куреневке. Довольно солидные наши группы были среди заготовщиков, приказчиков, живописцев. Много боевых ребят выдвигали забитые и темные булочники, которые подвергались ужасной эксплоатации хозяев и поэтому охотно откликались на революционный призыв. В кружках и ячейках было также довольно много женщин-работниц.

Работа среди этих разнообразных групп пролетариата велась в двух направлениях: с одной стороны, наиболее революционные элементы вовлекались в

[1]) Как-то в пропагандистской коллегии зашла речь о количестве членов организации. Евгения Бош высчитала, что к организации примыкает до 700 человек. Я думаю, что цифра эта соответствовала действительности. Из этого числа было до 200 человек активных работников — А. Р.

кружки и ячейки, где они могли расширить свой кругозор, проходили пропагандистскую обработку и втягивались в практическую партийную работу, с другой стороны, через ячейки и кружки в толщу рабочей массы шли наши воззвания, листки, легальная «Звезда» и «Правда», воспитывая ее в духе пролетарской солидарности и борьбы.

Нужно сказать, что даже самые отсталые рабочие, особенно после ленских событий, тянулись к партии, к свету, к знанию... Особенно памятен мне большой рабочий кружок, которым руководил тов. Иосиф (Р. Левик). В чрезвычайно низкой чердачной комнате, занимаемой дворником дома № 1 по Воздвиженской улице, по нескольку раз в неделю собирались рабочие каких угодно профессий — заготовщики, булочники, сторожа, живописцы и даже ломовые извозчики и жадно слушали слова пропагандиста... Загорались глаза, сильнее бились сердца у самых отсталых просыпалась жажда борьбы за рабочее дело... Я думаю, многие рабочие Подола помнят эту большую, полутемную, но всегда теплую комнату, веселого, приветливого хозяина-дворника и своего близкого, умеющего все так просто и понятно об'яснить руководителя, товарища Иосифа...

В дождливые, туманные вечера, после тяжелой дневной работы собирались товарищи в тесных хибарках, в сырых подвальных квартирках, среди нищеты и бедности и шаг за шагом совершали великую работу освобождения своего класса... А как трудно было найти квартиру для собраний! Недаром в порядке дня одного из заседаний К. К. стоял пункт: «квартирный вопрос». Так называемая «приличная» публика квартир для собраний давать не хотела, а в рабочих дворах, где появление всякого нового человека обращает на себя внимание, где видно и слышно, что делается у соседа, опасно было собираться по конспиративным соображениям. И трудно поверить, что при таких условиях ни одно из собраний за всю зиму не было накрыто полицией. Весной и летом стало свободней — к услугам организации были рощи, леса и Днепр.

Приблизительно в таком же масштабе, как и на Подоле, велась партийная работа в Городском районе. Хотя здесь было меньше заводов и фабрик, но зато все «легальные возможности» — клуб и профсоюзы находились в городе, что придавало определенный уклон деятельности районной организации.

Построение работы в Городском районе было такое же, как и на Подоле: Районный комитет из 7 — 8 человек, при нем Организационная комиссия, ряд ячеек и кружков на предприятиях, инициативные, мало оформленные, но идейно крепкие группы в клубе и союзах...

Из активных работников района помню только т. Петра (представитель Киевского комитета), Федора (секретарь Районного комитета), М. Зарницына и Марка.

В Городском районе частично работал и Гриша Серебрянников, который служил в книгоиздательстве на Прорезной улице. Помню также, что в этом районе выдвинулся целый ряд очень активных рабочих и работниц, но имена их совсем изгладились из моей памяти.

Третьему, самому молодому району — Шулявскому всегда придавалось особое значение. Район этот охватывал самые большие заводы Киева: Южно-

Русский (600 рабочих), машиностроительный завод Греттера и Криванека (750 р.) и другие. Среди рабочих этих заводов было много старых выдержанных бойцов.

К сожалению, мне лично почти не случалось бывать в этом районе, и я ничего не могу сказать о его работе. Подробно написать о ней — долг т. Н. Гаврилова, который был ответственным организатором и секретарем этого района. Помогали ему в ведении кружков, насколько помню, Федор и Марк. В Шулявском районе, благодаря близости Кадетской рощи, удавалось чаще, чем в других, устраивать массовки, которые охотно посещались рабочими.

Под непосредственным влиянием Шулявской организации прошла забастовка рабочих Южно-Русского завода в конце мая 1912 г. После ленских дней, всколыхнувших пролетарскую массу, среди рабочих завода проявилось недовольство тяжелыми условиями труда. 20-го мая на собрании в Кадетской роще решено было предъявить администрации ряд экономических требований. 28 мая во дворе завода состоялось собрание, на котором после речей рабочих Березовского, Горбачева, Беленького, Якименко, Миронова, Соловьева, Ткача и других решено было об'явить забастовку. Забастовка продолжалась только несколько дней — с 28 мая по 2 июня. При благосклонном участии охранки, администрация ликвидировала ее, уволив 69 человек. 5 июня на берегу Днепра было задержано собрание забастовавших, из которых 15 человек было подвергнуто аресту за «нарушение обязательного постановления господина киевского губернатора».

Эксплоатация отдельных предпринимателей, экономические забастовки и другие события заводской жизни давали нашим агитаторам и пропагандистам возможность применять в работе метод «обобщения» — на примерах местных непорядков и эксплоатации рисовалась общая картина угнетения пролетариата, выяснялся классовый характер царского правительства и доказывалась необходимость борьбы с капиталистами и царизмом. В Шулявском и Подольском районах было приступлено к изданию листков местного характера. Первыми листками такого рода были: «К рабочим завода Марра» по поводу экономической забастовки на этом заводе и «К рабочим завода Гретерра» по поводу покушения на жизнь мастера Лолле. Оба листка произвели хорошее впечатление на рабочих, даже на отсталых и малоразвитых. Такого же рода листки были выпущены к приказчикам, типографским рабочим и др. Для печатания листков районы обзавелись гектографами.

Я упоминал уже выше, что для районов из общего книжного запаса были выделены небольшие библиотечки. Популярные брошюры и книги из этих библиотечек брались рабочими нарасхват...

Кропотливая, тяжелая зимняя работа районов в марте 1912 г. получила свое завершение на конференциях Подольского и Городского районов и делегатском собрании Шулявского района. Конференции эти подвели итоги проделанной работы, окончательно оформили районные организации и, что самое главное, закрепили привлечение рабочих массовиков в партию.

Подольская районная конференция состоялась в первых числах марта в упомянутой уже мною выше комнате дворника дома № 1 по Воздвиженской улице.

На конференции присутствовало 17 товарищей, из которых 4 с совещательным голосом. Были представлены все ячейки и кружки района. Представителем от Киевского комитета была Евгения Богдановна Бош.

В порядке дня конференции стояли следующие вопросы: 1. Отчет районного комитета. 2. Отчет представителя К. К. 3. План дальнейшей работы. 4. Выборы Подольского Районного комитета. 5. Доклад об общерусской конференции.

Второй и пятый пункты за недостатком времени были сняты. Вопросы эти были разобраны попутно с другими. Особенно продолжительные дебаты вызвал доклад Р. К. Вся работа была подвергнута детальнейшему разбору и строгой критике. Был сделан целый ряд указаний новому Р. К. и намечены конкретные задания. Рабочие-массовики приняли самое живое участие в работе конференции, придав ей деловой, пролетарский характер.

Заседание тянулось до 4-х часов ночи... По пустынным, затихшим улицам возвращались мы с Евгенией Богдановной домой, смертельно уставшие, но довольные и радостные. Бодро было на душе: на наших глазах строилась, росла и укреплялась подлинно-пролетарская революционная партия...

Конференция Городского района состоялась 4-го марта, а делегатское собрание Шулявского района в конце марта или начале апреля. И на этих совещаниях выявилось, что рабочая масса снова влилась в свою организацию и вдохнула в нее живой дух...

ПЕРВЫЕ КАМПАНИИ. МЫ И ЛИКВИДАТОРЫ. ЛЕГАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Первые кампании, которые пришлось провести Киевской организации после общегородской конференции, были проведены в связи с надвигавшимся осенью 1911 года голодом и делом с.-д. депутатов 2-й Думы.

К концу 1911 года стало ясно, что в ряде губерний России имеется серьезная угроза голода... Правительство, старательно замалчивая этот факт, в то же время благосклонно поддерживало т. н. «общественную» помощь голодающим, которая выражалась в кружечных сборах и организации в различных городах дней «колоса ржи».

Лицемерный и антиобщественный характер этих сборов, стремящихся придать делу борьбы с голодом характер благотворительности и затушевать всю преступную политику царизма в крестьянском вопросе, побудил организацию провести контркампанию.

На целом ряде рабочих собраний в районах был поставлен вопрос о дне «колоса ржи», раз'яснена точка зрения партии на этот вопрос, выяснена роль царизма в процессе обнищания народа и указаны, как единственно ведущие к цели, революционные методы борьбы. На всех собраниях рабочие решили воздержаться от участия в дне «колоса ржи», а провести свои сборы на революционные цели. Такое же решение вынесено было во всех с.-д. фракциях высших учебных заведений.

Комитетом был издан по этому поводу прекрасно напечатанный в легальной типографии листок, начинающийся словами: «Товарищи! Голод идет...

В 20 губерниях в безысходной нужде пухнут от голода и гибнут от тифа тысячи крестьян»... Листок этот был широко распространен среди рабочих и произвел достаточный эффект.

Во время сборов на улицах можно было наблюдать довольно многочисленные случаи принципиальных отказов от пожертвований. На наши революционные сборы откликнулось несколько сот человек...

Вторая политическая кампания, проведенная организацией, была связана с запросом, сделанным с.-д. фракцией 3-й Государственной Думы правительству о сосланных на каторгу по обвинению в военном заговоре членах с.-д. фракции 2-й Думы. После того, как рабочие депутаты, арестованные в ночь на 3 июня 1907 г., были осуждены, выяснилось, что все это дело было создано подлыми провокаторами по заказу правительства, решившего разогнать 2-ю Думу и разделаться с ненавистными ему с.-д. депутатами...

Запрос по этому поводу, сделанный спустя 3 года с.-д. фракцией в 3-й Думе вызвал энергичный отклик в массах, которые с негодованием требовали пересмотра дела. Киев также принял в этом участие.

Листок по делу втородумцев был издан совместно с «Бундом». Он начинался так: «Товарищи, пять лет тому назад рабочие России послали своих представителей во 2-ю Государственную Думу защищать свои интересы. Эти представители мужественно отстаивали права народа...» В листке этом выдвигалось требование возвращения депутатов с каторги: «Надо требовать, чтобы пересмотрено было при открытых дверях, на глазах у народа, дело невинно-осужденных. Надо, чтобы возвращены были с каторги люди, виновные только в том, что они вышли из народа, любили народ, боролись за народ и смело и громко говорили народу...»

Листок этот, в виду срочности дела и невозможности воспользоваться типографией, был отпечатан на гектографе. Печатание производилось в комнате тов. Марка, жившего тогда на Васильковской улице, при участии члена университетской фракции, тов. Евгения Малиновского, и моем. В самый разгар работы, когда по всей комнате были разложены для просушки сотни прокламаций, вдруг появился отец тов. Марка, приехавший его навестить... Увидя происходящее, он пришел в ужас, набросился с горькими упреками на своего сынка и с проклятиями и чуть ли не с кулаками на нас, выпачканных в чернилах, истомленных продолжительным печатанием и крайне смущенных криком, который мог привлечь всех соседей и погубить нас. С большим трудом удалось успокоить взволнованного папашу и закончить работу.

Одновременно с комитетским листком был выпущен листок на ту же тему от имени об'единенных с.-д. фракций высших учебных заведений. В коммерческом институте, на женских курсах и в политехническом институте состоялись сходки, посвященные делу втородумцев.

В районах был устроен ряд закрытых собраний и массовок, посвященных делу втородумцев, где была заклеймлена провокационная политика правительства... Открытое собрание удалось устроить только на заводе Греттера. По постановлению комитета, решено было остановить греттеровцев, выходящих после

работы и устроить возле завода летучий митинг. Проведение этого дела было поручено Гр. Серебрянникову, Н. Гаврилову и мне.

20 декабря, под вечер, мы отправились на Шулявку к одному знакомому и там переоделись. Тов. Гаврилов и я изменили свою наружность (приклеили усы) и к 6 часам были у ворот завода. Место для митинга выбрали возле мостика, ведущего к шоссе.

Взметнулся гудок, зачернели фигуры рабочих... «Товарищи! Остановитесь, позвольте вам сказать несколько слов о деле с.-д. депутатов 2-й Думы»... Собралась толпа человек в 200... Короткая речь, резолюция — и дело сделано.

В архиве охранки я нашел теперь целое «дело о трех неизвестных, призывавших рабочих завода Греттера к поддержке запроса думской с.-д. фракции»... В деле имеется ряд показаний — лавочника, некоторых рабочих и др., где подробно описывается весь этот митинг, наша наружность и приметы... По показаниям свидетелей, перевравших мою речь и сообщивших, что мы рекомендовали себя петербургскими представителями с.-д. партии, охранка затеяла целую переписку для выяснения, кто приезжал из Петербурга устраивать этот митинг...

Все эти политические кампании, конечно, не заслоняли одной из основных задач организации — борьбы с ликвидаторами. Во все время деятельности Киевского комитета вопрос этот окрашивал всякое начинание и выступление организации. О чем бы ни шла речь, всегда она в конце концов сводилась к резкому противопоставлению партийной тактики и тактики ликвидаторов. В текущей, каждодневной работе каждый партиец старался не сглаживать эти разногласия, а, наоборот, выпячивать их и подчеркивать. И таким образом в процессе борьбы с ликвидаторами самоопределились и об'единились вокруг большевистской фракции все партийные, революционные элементы.

Киевские ликвидаторы безусловно имели большой удельный вес. К ним примыкало много старых авторитетных рабочих, признанных руководителей и вождей еще с 1905 года. В их среде были опытные литераторы, адвокаты, заслуженные партийные и общественные работники [1]). На стороне ликвидаторов был опыт, знания, таланты, авторитет... Но у них не было революционной энергии, созвучия с борющимся пролетариатом — и масса шла за партийцами, «мальчишками», как презрительно называли нас ликвидаторы.

Как велась борьба с ликвидаторством?

Прежде всего, конечно, эта борьба проводилась путем настойчивой воспитательной работы в самой организации. Не напрасно партийцев называли «антиликвидаторами»... Не было партийного собрания, на котором не оттенялось бы отрицательноез начение ликвидаторства; во всякой резолюции по любому вопросу было хоть несколько слов о «столыпинских социал-демократах» (как в насмешку называли ликвидаторов). При проведении любой кампании созидательная работа партии всегда противопоставлялась разлагающей работе ликвидаторства... Почти в каждом листке о них что-либо говорилось... Даже [в избирательном

[1]) Не сталкиваясь по роду своей партийной работы непосредственно с ликвидаторами, вспоминаю только некоторые фамилии, чаще других упоминавшиеся на наших собраниях и совещаниях: Романов, Смирнов, Карл и Лупза Берманы, Викторов, Заславская, Дижур, Василенко, Дреллинг, Слуцкий и др.

листке «Как вести выборы в Государственную Думу» отмечалось, что соц.-дем. партия ставит своей первой и самой главной целью «провести всюду в рабочие выборщики исключительно социал-демократов, твердых и убежденных партийцев, без различия фракции, людей, верных партии и неспособных изменить ей, как изменили ликвидаторы...»

Вся эта работа имела, конечно, огромное значение для партии. С одной стороны под ее влиянием от организации откалывались все случайные, соглашательские элементы, бывшие только балластом, с другой — от меньшевиков отходили истинно-революционные элементы, силою вещей втягиваемые в сферу влияния большевизма...

Главной ареной борьбы между ликвидаторами и партией были, конечно, легальные учреждения — клуб и профессиональные союзы. На собраниях этих организаций и происходили словесные бои и стычки между двумя враждующими сторонами... Бои эти принимали подчас очень острый характер, в особенности при всякого рода выборах и т. п. Помимо принципиальных разногласий в остроте борьбы немалую роль играли вопросы, так сказать, личного характера — ликвидаторы не без основания обвиняли партийцев в том, что они своими резкими выступлениями дискредитируют их в глазах властей и «губят», как они говорили, легальные учреждения... В то же время они должны были сознаться, что вся их организационная работа идет только на пользу партийцев, так как вся рабочая масса, втянутая в клубы и профсоюзы, в конце концов попадала под влияние нелегальной организации.

Рабочий клуб, функционировавший в 1911 — 1912 г. г., носил название «Научно-Художественный». Он был открыт осенью 1911 г. взамен закрытого ранее «Клуба трудящихся лиц в торговых и промышленных заведениях». Помещение для «Научно-художественного» клуба было найдено с большим трудом на Б. Владимирской, № 63.

Организационно-руководящую роль в клубе играли, конечно, ликвидаторы, составлявшие большинство правления. Идейная же гегемония безусловно принадлежала партийцам. Нужно отметить, что, поскольку для нас легальные организации были средством, а не целью, наши товарищи вообще и не стремились взять целиком в свои руки заведывание клубом: несколько человек партийцев в правлении всегда обеспечивали необходимое влияние на его работу...

В клубе было несколько сот членов, если не ошибаюсь, свыше 600, из которых большинство наших рабочих — массовиков из районов. Из ответственных работников организации посещали клуб только некоторые — Н. Гаврилов, Гриша Серебрянников, Федор, Р. Левик, все же остальные по конспиративным соображениям туда не показывались. Настойчиво проводили революционную линию в клубе некоторые товарищи партийцы, не входившие формально в Киевскую организацию — рабочий Озоль, С. Михайловский и др. По вечерам в клубе всегда было тесно, шумно, оживленно. Несколько комнат, наскоро оборудованных, наполнялись бурлящей рабочей массой. Споры, дискуссии, разговоры о последних событиях, чтение газет... Где-нибудь в уголке товарищи партийцы наскоро ведут деловые переговоры, назначают свидания, завязывают знакомства...

Клуб был нейтральным пунктом, где встречались рабочие разных районов, где всегда можно было узнать новости, повидать нужных людей... Бодрая, живая атмосфера подымала настроение, а вид постоянно рыскающих у входа в клуб шпиков пробуждал задор...

Более трудной и ответственной была работа в профессиональных союзах. За годы реакции профессиональное движение в Киеве совсем заглохло. Поэтому с началом революционного под'ема партийной организации пришлось принять активное участие в возрождении профессиональных союзов. Профессиональная работа особенно оживилась весною 1912 года.

Из союзов, начавших или возобновивших свою деятельность в это время, помню: союз металлистов, профессиональное общество рабочих по изготовлению одежды, союз древообделочников. Организационное собрание союза рабочих по обработке металла состоялось 18 марта 1912 г. В работе союза принимали участие т. т. Костюковский, Чернявский, Шейхет и др. Большое участие в подготовительной работе по организации союза принимал секретарь Шулявского Районного комитета т. Н. Гаврилов. Очень часто от него мне приходилось слышать фамилию активного рабочего-металлиста, Горбачева.

Приблизительно в то же время начало свою деятельность и «Киевское профессиональное общество рабочих по изготовлению одежды», основанное 12 мая 1912 г. Председателем общества был тов. Хвостов, в правление входили товарищи Егудкина, Голубков, Медущенко и др. Членов общества было 377, в числе которых много наших партийных рабочих и работниц.

Рабочие по обработке дерева начали организовываться весною 1912 года. Мне вспоминается их собрание в Троицком Народном доме 9-го апреля. На собрании этом с резко революционной речью выступил т. Зарницын... Явившийся на собрание околодочный бросился через толпу с намерением задержать его, но Зарницын, воспользовавшись замешательством, успел скрыться. Собрание после нескольких предупреждений напуганного полицейского было закрыто.

Большая подготовительная профессиональная работа велась среди прачек, также при участии Зарницына, который при посещении одного из собраний в прачечной по Фундуклеевской улице попал под наблюдение охранки. Мне лично тоже пришлось несколько раз вести переговоры о создании профсоюза с работницами прачечных заведений, помещавшихся где-то по М. Васильковской улице.

Новые законы о работе служащих в торгово-промышленных предприятиях вызвали оживление среди приказчиков, которое мы попытались использовать. Помню, на одном из собраний приказчиков, в марте 1912 г., нашими партийцами была предложена резолюция, огласить которую ликвидаторы не дали, устроив большой скандал.

Очень оживленная профессиональная работа проводилась также среди заготовщиков, типографских рабочих и других.

Одним из самых могучих орудий легальной работы того времени безусловно нужно признать легальные рабочие газеты — «Звезду» и затем «Правду». Громадная роль этих газет в истории рабочего движения уже в достаточной степени выяснена и установлена.

Киевская организация взяла в свои руки получение и распространение «Звезды» с осени 1911 года. Газета получалась в количестве нескольких сот экземпляров непосредственно из Петербурга. При помощи специальных товарищей она попадала на предприятия и расходилась среди рабочих. Каждый номер прочитывался от доски до доски, переходил из рук в руки, зачитывался до дыр...

Когда в «Звезде» началась агитация в пользу издания ежедневной рабочей газеты «Правда» и открылись сборы в ее фонд, киевские рабочие откликнулись и на этот призыв—в печатавшихся в газете бесконечных списках рабочих, приславших взносы на это дело, перечислены были также десятки киевских групп и предприятий...

Тесная связь «Звезды» и «Правды» с рабочей массой осуществлялась прежде всего путем десятков и сотен рабочих корреспонденций, присылаемых со всех концов страны. Много таких корреспонденций посылалось и из Киева, и всякая напечатанная в газете заметка, рисующая порядки в каком-либо предприятии, вызывала огромный интерес рабочих...

Перечисляя легальные возможности, нужно остановиться и на избирательной кампании в 4-ю Государственную Думу. Революционная социал-демократия видела в выборах, конечно, только средство развернуть широкую агитацию за свои основные требования: демократическую Республику, 8-мичасовый рабочий день и конфискацию помещичьих земель. Одна из резолюций Киевского комитета по этому поводу гласит:

«Киевская организация, решив принять участие в предвыборной работе в 4-ю Государственную Думу, ставит своей задачей старые лозунги партийной программы:

1) низвержение монархии и замена ее демократической республикой на основах всеобщего, равного и прямого избирательного права с прямой подачей голосов';

2) государственное страхование рабочих за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов;

3) конфискация помещичьей земли и передача ее в руки крестьянства;

4) революционное низвержение третьеиюньского режима и созыв Учредительного Собрания».

По Киевской губернии избирательный закон не предоставлял ни одного места для рабочего представителя. Практически речь о выставлении кандидата могла идти только в отношении самого Киева. Здесь вопрос стоял так: или при величайшем напряжении сил и полном единодушии пройдет кандидат прогрессистов, или победа останется за черносотенцами... Ликвидаторы вместе с кадетами распинались за то, что нужно вырвать кандидатуру из рук реакции и поэтому всем голосовать за кадетскую кандидатуру. В нашей организации по этому вопросу держались другой точки зрения—предполагалось выставить самостоятельного кандидата—большевика Чекеруль-Куша.

На этой почве происходили чрезвычайно бурные столкновения с ликвидаторами... Помню рассказ т. Петра про одно из собраний ликвидаторов в общественном клубе, на котором присутствовал так называемый «цвет» киевской

интеллигенции. От Комитета туда явились т. т. Пятаков, Д. Шварц и Серго Орджоникидзе, приехавший тогда в Киев. Товарищи резко и определенно защищали свою точку зрения и довели бедных «прогрессистов» прямо до отчаяния...

Провал организации значительно нарушил проведение намеченного комитетом плана избирательной кампании. Из предположенного к выпуску ряда избирательных листков было напечатано только два. Избирательная платформа Ц. К. была прислана из центра и получила довольно широкое распространение. Проведен был ряд собраний, бесед, произведен об'езд некоторых пунктов в губернии.

Выборы на Киевщине были в октябре 1912 г. Несмотря на ряд неблагоприятных условий, почти везде уполномоченными по рабочей курии прошли все-же партийцы.

ОБЩЕПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. ОБЛАСТНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЙ ЮГА

Настоящую главу я помещаю в своем очерке только для цельности изложения. Подробно написать о Пражской конференции должен т. Давид Шварц—непосредственный участник подготовительной работы по ее созыву и делегат от Киевской организации.

Внутрипартийный кризис, достигший своего апогея в 1911 г., привел к образованию двух организационных группировок: партийно-большевистской и меньшевистской, тяготеющей к ликвидаторам. Оба эти течения с лета 1912 г. выдвинули вопрос о созыве общепартийных конференций. Первыми начали предпринимать практические шаги в этом направлении ленинцы. По почину совещания Ц. К. большевиков были организованы заграничные Организационная и Техническая комиссии, усилиями которых удалось создать Российскую Организационную комиссию, которая и повела непосредственную работу по подготовке конференции.

Первый представитель Организационной комиссии посетил Киев летом 1912 г. Киевская организация сразу же стала на ее сторону и выделила в состав Р. О. К. своего представителя. Этим представителем был сперва т. Михаил, замененный затем т. Д. Шварцем.

Вот что гласит по этому поводу резолюция К. К.:

«Киевский комитет РСДРП, выслушав и обсудив доклад О. К. о созыве общепартийной конференции, единогласно признает:

1) созыв общепартийной конференции является насущной потребностью данного момента партийной жизни;

2) приветствует шаги, предпринятые О. К. в этом направлении;

3) выражает свою уверенность, что т. т. меньшевики-партийцы, а также представители всех других течений, стремящихся к воссозданию РСДРП, не замедлят своим вступлением в О. К. и

4) находя безусловно необходимым для успешного проведения работ по созыву общепартийной конференции создание российской коллегии О. К., Киевский комитет РСДРП делегирует своего представителя в Росс. Кол. О. К., а также командирует одного из своих товарищей на помощь О. К.».

Резолюция эта была напечатана в ближайшем номере «Социал-Демократа» со следующим редакционным примечанием: «От всей души приветствуем этот шаг Киевского комитета. Предоставим недостойную склоку господам голосовцам, Троцкому и поддерживающей их заграничной, будто бы партийной публике. Отдадим все силы на самую энергичную работу по немедленному созыву партийной конференции, которая сплотит партию и даст ей возможность побороть «столыпинских социал-демократов»-ликвидаторов, столь настоятельно — с усердием, достойным лучшей доли — стремящихся разрушить РСДРП».

Высказанная в резолюции К. К. точка зрения была целиком одобрена ноябрьской общегородской конференцией, резолюция которой приведена выше. Делегатом на общепартийную конференцию от Киева был избран тов. Шварц.

В средине февраля по организации пронесся слух, что тов. Давид вернулся из-за границы... Действительно, в ближайшее же воскресенье было назначено экстренное заседание пропагандистской коллегии. Собрались мы в помещении модной мастерской на Пушкинской улице. Как сейчас помню эту большую комнату с рядом застывших манекенов, большими шкафами у стен и длинными столами посредине.

Появление тов. Шварца вызвало восторженные овации.

Он сделал нам подробный доклад о своей поездке. Все виденное и слышанное за границей произвело на нашего делегата, повидимому, сильное впечатление. Восторженно отзывался он о руководителе конференции — В. И. Ленине, с восхищением рассказывая о той ясности и отчетливости, с которой ставились на конференции вопросы политической и партийной жизни. Мы подробно расспрашивали докладчика о всех деталях работы конференции, разбирали ее решения, выясняли планы будущей деятельности. Резолюции конференции вносили полную определенность в работу и давали уверенность, что партия стала на верный революционный путь. Долго не расходились мы — не хотелось покидать этой бодрой, кипучей атмосферы, частицу которой привез от далеких товарищей и руководителей представитель киевских рабочих...

Вся организация встретила известие о состоявшейся конференции с полным удовлетворением и целиком одобрила принятые ею решения. Мнение организации было выражено в следующем документе, выработанном и изданном комитетом:

«Резолюция комитета Киевской организации о состоявшейся в январе 1912 года конференции РСДРП.

Выслушав отчет делегата Киевской организации о состоявшейся в январе 1912 года конференции РСДРП и принимая во внимание:

1) что в настоящий момент постепенного оживления на местах отсутствие общих директив по целому ряду вопросов тактики и разрозненность социал-демократии отражается на нашей партийной работе, особенно в виду приближения выборов в 4-ю Госуд. Думу, крайне вредно;

2) что Р. О. К. кем бы она создана ни была, состояла из представителей наиболее важных местных организаций, приглашенных в Р. О. К. независимо от своей фракционной окраски, а представители национальных организаций в Р. О. К. во всяком случае также приглашены были;

3) что составленная таким образом Р. О. К. пригласила на конференцию все известные ей местные организации, все национальные организации и представителей всех важнейших внутрипартийных течений;

4) что на конференции важнейшие местные организации РСДРП представлены были, а национальные организации не прислали своих делегатов не столько по нежеланию периферии, сколько по нежеланию своих центров, комитет Киевской организации РСДРП:

а) приветствует состоявшуюся конференцию в качестве первого серьезного шага по пути к об'единению всех признающих программу РСДРП, как всероссийской организации сознательного пролетариата,

и б) признает ее, а также избранный ею Ц. К. учреждением общепартийным, а их директивы для себя обязательными. Но признавая, что атмосфера раздора и взаимного недоверия, царящая в нашей партии в связи с тем организационным разбродом, который окончательно установился у нас после распада последнего Ц. К., отнюдь не способствовала созыву конференции, а отсутствие на ней делегатов национальных организаций и отказ от участия в работах представителей некоторых течений внутри росс. соц.-демократии (Плеханов и др.) являются серьезным препятствием для дела об'единения соц. демократии России, Киевский комитет

1) протестует против поведения тех, кто своим неосторожным отказом от участия в работах конференции и ничем серьезным, немотивированным отклонением приглашения явиться на конференцию в качестве полноправных членов ее тормозит и без того трудное дело возрождения РСДРП, и

2) считает, что важнейшая задача, стоящая ныне перед Ц. К., это — сделать все, что в его силах, для об'единения всех партийных элементов соц.-демократии России, не останавливаясь ради этого перед созывом в ближайшем будущем следующей общепартийной конференции с участием всех местных русских организаций, всех «националов» и представителей всех внутрипартийных течений. Комитет считает далее своим долгом выразить свое негодование по поводу раскольничьих попыток созвать новую конференцию в противовес уже состоявшейся и заявить, что он считает недостойным соц.-дем. способствовать каким бы то ни было образом расколу партии, и потому надеется, что никто из именующих себя высоким званием соц.-демократа не только не станет содействовать созыву такой антипартийной, чисто раскольнической конференции и не только не примет никакого участия в работах ее, но, буде она все же состоится, он приложит все усилия к тому, чтобы помешать неслыханному делу раскола в момент возрождения партии.

Киевский комитет РСДРП».

Резолюция эта широко распространялась и популяризировалась среди рабочих.

Созыв Пражской конференции вызвал среди заграничной и отчасти русской публики ликвидаторского толка ожесточенные нападки. Посыпались обвинения в узурпации, насилии над партией и т. д. В одном из своих писем к киевлянам Н. К. Крупская писала поэтому по воду:

«Заграницей все «течения» об'единились против конференции (Плеханов молчит, зато парижские плехановцы шумят во-всю).

Нужно напряжение всех сил, чтобы не дать сорвать решения конференции, а для этого нужна в первую голову взаимная осведомленность. Вранье относительно конференции идет самое беззастенчивое...»

В общем хоре обвинений и упреков доставалось и Киевской организации. В № 25 «Правды» (под ред. т. Троцкого) было помещено «открытое письмо киевским товарищам», в котором редакция пыталась доказать, что Пражская конференция является неправомочной, так как она представляет лишь ничтожную кучку организованных рабочих, и предлагала киевлянам оказать давление на новый Ц. К. в целях делегирования им своего представителя в Организационную комиссию по созыву конференции с участием ликвидаторов[1]).

Наряду с этой полемикой меньшевики и группа т. Троцкого повели усиленную работу по подготовке новой конференции. Созданное с этой целью «Бюро Организационного комитета» произвело об'езд организаций на местах. В Киев приезжал представитель Бюро т. Иоффе, который сделал в комитете доклад. Тов. Иоффе персонально произвел на всех его видевших очень выгодное впечатление, но убедить товарищей в необходимости отвергнуть решения Пражской конференции и пересмотреть вопрос о ее законности ему не удалось. В принятой комитетом резолюции по докладу говорится:

«Выслушав сообщение представителя «Бюро Организационного комитета» о проекте созыва общепартийной конференции, Киевский комитет считает нужным снова подчеркнуть желательность и необходимость созыва в ближайшем будущем следующей общепартийной конференции, на коей были бы представлены все местные русские организации, все «националы» и все внутрипартийные течения, но в то же время заявляет, что из сообщения не усматривается никаких гарантий в том, что означенная конференция об'единит, а не расколет, а потому постановляет:

1) запросить ЦК РСДРП и некоторые партийные центры о характере созываемого ныне «Орг. Комитета» и проектируемой конференции и

2) не выносить до получения ответа от указанных выше учреждений никаких резолюций, определяющих наше отношение к проектируемой конференции.

Киевский комитет заявляет далее, что необходимым условием представительства на конференцию от Киевской организации РСДРП является:

1) участие ЦК в организации и созыве конференции и

2) посылка делегатов на конференцию от всех российских организаций, участвовавших в январской конференции, и что в интересах партии конференция должна быть ограждена от разлагающего влияния ликвидаторства».

Условия КК не были осуществлены... Конференция состоялась в августе 1912 г. в Вене без участия ЦК и примыкающих к нему местных организаций. На ней был образован так называемый «августовский блок», принявший в конце

---

[1]) Сперва Киевский комитет решил не отвечать на это обращение, но затем ответ все же был выработан и напечатан в одном из заграничных партийных органов. — А. Р.

концов чисто ликвидаторскую физиономию. Наследницей же революционной программы и тактики соц.-демократии так и осталась Пражская конференция и выбранный на ней ЦК [1]).

Считаю нужным упомянуть еще о попытке создания при участии Киевского комитета южной областной организации. Необходимость областного об'единения чувствовалась как на местах, так особенно в руководящих центрах. Не даром тов. Фрей (В. И. Ленин) в одном из своих писем к киевлянам писал:

«Дорогие товарищи! Ради бога, давайте нам побольше связи. Связей, связей, связей — вот чего у нас нет. Без этого все шатко. Помните — двое уже сошло со сцены, заместителей им нет, без связей все развалится от одного-двух провалов. Надо непременно создать областные комитеты (или просто группы доверенных агентов), связанные с нами, для каждой области. Без этого все непрочно...»

Предварительная работа по созыву Южно-Русской конференции велась в двух пунктах — Киеве и Одессе. Одесская организация в то время была связана с меньшевистской Орг. Ком. Из большевиков в Одессе был только тов. Орловский (Воровский). Поэтому киевская организация хотела взять инициативу в этом деле в свои руки.

Однако в общем все-таки практически больше сделать в этом направлении удалось в Одессе, где был посещен ряд организаций и налажены связи. В Киев вести переговоры по этому вопросу приезжали т. т. Урицкий и Иоффе.

Накануне созыва конференции, в начале июня, в Одессе были произведены аресты. Найденные при обысках адреса послужили поводом к широкой волне провалов по всему югу.

ЛЕНСКИЕ ДНИ. ПЕРВОЕ МАЯ

9-го апреля 1912 г. в 8 часов утра у нас на Подоле было назначено собрание Районного комитета. Прийдя на условленную квартиру, я застал уже товарищей в сборе. Склонившись к столу, они возбужденно читали что-то...

— А, Валентин, слышали, читали?

— В чем дело, что случилось?

Забастовка на Лене... арест депутатов от рабочих... переговоры... подлый расстрел под руководством ротмистра Трещенкова... 210 убитых... 250 раненых... Снова кровь, снова невинные жертвы. Негодование сжимает горло: ни о чем нельзя говорить, только об этой крови, об этих жертвах... И нет сил молчать... Много вытерпели за годы реакции, но — это уже последняя капля...

О заседании не было уже и речи. Каждому хотелось излить свое возмущение, свою ненависть к убийцам. Каждого тянуло к товарищам, к массе... Было душно в тесном кружке...

---

[1]) Когда в сентябре 1912 г. представитель Орган. коллегии, избранный на августовской конференции, «Игорь», приехал в Киев, организация отказалась выслушать его доклад. — А. Р.

Пошел в город... Слова негодования, протеста, борьбы — толпились в голове, просились на бумагу...

Как электрический ток прошло по всей организации — нельзя молчать, нельзя терпеть... Протест, забастовка. К борьбе, к борьбе...

Лихорадочно закипела работа. Во всех комитетах, ячейках, кружках выносились однородные решения: однодневная забастовка протеста...

Уже 10-го апреля по рукам ходил листок Киевского комитета, в котором описывались ленские события.

Листок этот заканчивался призывом:

«Товарищи! На этот гнусный акт насилия мы должны ответить так, как уже неоднократно отвечали на подобные злодейства: бросим станки и горны, бросим фабрики, заводы и мастерские, бросим на один день работу и тем выразим свое негодование и возмущение.

Да здравствует однодневная забастовка!

На борьбу, товарищи!

Комитет Киевской Организации РСДРП»

Этот призыв читали все. В мастерских, на фонарных столбах, на уличной панели белели небольшие листочки, зовущие к протесту... По мастерским, заводам, фабрикам ходили агитаторы, призывая к борьбе.

«Товарищи! Вы еще работаете!» И сбрасываются фартуки, останавливаются машины. Забастовка.

Все на ногах. Наши партийцы, рабочие-массовики, внепартийные добровольцы агитируют, убеждают, зовут... И нигде ни слова противоречия.

3 дня забастовка перекатывается из одного предприятия в другое. 9 апреля бастует Южно-Русский завод Минцевского, 11-го — не работают чугунно-литейный завод Неедли и Унгерн, машиностроительный завод Греттера и Криванека, типографии «Прогресс», Яковлева, Чоколова, «Последние Новости», Лубковского и целый ряд других предприятий. 12-го не вышли газеты. Забастовали кабельный завод, фабрика весов Хенцинского, мебельные фабрики Кона, Кимаера, столярная мастерская Гордона, паркетная фабрика Гинзбурга, ювелирная фабрика Маршака, типографии Нахмановича, Слесаренко, «Печатное дело», польская, Штеренберга, скоропечатня Глезера и др. Почти весь рабочий Киев в эти дни демонстрировал свою солидарность и возмущение.

Были и жертвы. Задержали за агитацию 18 человек — наборщиков Ластовского и Притыкина, чернорабочего Серебрянника, кондитера Вайнберга, столяра Строганова и Кауфмана, обойщиков Бондаренко и Белицкого, жестяника Липского, маляра Гузмана и др.

Рабочие требовали: ведите нас на собрания, массовки. На Шулявке в Кадетской роще собралась сходка.

Мы у себя на Подоле предложили всем собраться в лесу у дачи Бернера. Но кто-то, как видно, донес. В вагонах дачного трамвая появились наряды полиции, такие же наряды стали рыскать по лесу. Пришлось вернуться ни с чем. Из окна трамвая я видел, как шагал к лесу тов. Зарницын... Своеобразная,

стремительная походка, длинная рубашка, сияющее лицо, вообще «подозрительный» вид—ну так и просится в лапы полиции.

На некоторых заводах перед прекращением работ состоялись собрания. На Южно-Русском заводе была принята резолюция, в которой после выражения протеста и обращения к социал-демократической фракции Гос. Думы с рядом политических требований говорилось: «всех нас не перестреляют и не устрашат, пока мы не добьемся полной свободы.. Придет день — дорого нам заплатят враги наши за все причиненные нам беды и этот день уже недалек».

Ленские дни сыграли огромную роль в развитии движения. Недаром их значение сравнивают с 9 января 1905 г. Как побоище у Зимнего дворца было предтечей революции 1905 года, так ленские дни явились исходной точкой движения, приведшего к октябрю 1917 года.

Рабочие после долгих лет реакции увидели, что они все-таки сила, что только солидарность и революционный порыв могут обеспечить победу, что на насилие сатрапов один ответ — беспощадная борьба.

Мы, партийцы, лишний раз убедились в том, что наша линия была правильна, что не путем одной осторожной, приспособляющейся легальной работы, а путем революционной борьбы достигнем мы цели, что не «улучшать» нужно столыпинскую «конституцию», а решительно бороться за низвержение режима. Наконец, мы увидели, что наши усилия, направленные к воссозданию и укреплению партии не напрасны — жизнь показала, что только крепкая нелегальная организация может внести единство и силу в движение пролетариата.

Апрельские забастовки всколыхнули рабочую массу Киева. Оживилась экономическая борьба, во многих предприятиях пред'явлены были экономические требования. Летом были забастовки на Южно-Русском заводе, Демиевском сахарном заводе и других.

Первое мая, проводившееся непосредственно после большого под'ема ленских дней, прошло менее ярко, чем всегда, хотя организацией была проделана обычная подготовительная работа. Комитетом было издано два печатных первомайских листка и гектографированный плакат, изображающий рабочего, державшего в руках красное знамя с первомайскими лозунгами.

Перед первым мая в районах был устроен ряд партийных собраний и массовок. Две большие массовки (человек по 200) были собраны в Кадетской роще и у нас на Подоле, в лесу, возле дачи Бернера... На этой последней массовке выступали: тов. Левик с речью о значении первого мая и задачах социал-демократии, екатеринославский рабочий (о котором я упоминал выше) — по вопросу о строительстве партии, и я — по вопросу о преследовании рабочей печати. Массовку закончили пением революционных песен. Кроме устройства забастовки в день 1-го мая, комитетом решено было организовать на Крещатике демонстрацию — часов в 12 дня предполагалось сконцентрировать там рабочих и пройти по улице с красным знаменем и пением революционных песен...

Первомайская забастовка прошла довольно дружно. Конечно, она охватила меньшее количество предприятий, чем стачка в ленские дни, но все же основная масса киевского пролетариата отпраздновала свой день.

Что касается демонстрации, то из этого ничего не вышло. Повидимому, полиция была извещена о предполагавшемся шествии и приняла широкие подготовительные меры: во всех дворах были спрятаны большие наряды полиции и войск, всюду стояли конные городовые и шныряли шпики. И хотя к 12 часам тротуары Крещатика были запружены публикой, среди которой на каждом шагу попадались группы рабочих, празднично одетых, с красными гвоздиками в петличках, после краткого совещания руководящих товарищей решено было демонстрации не устраивать — не хотелось выставлять молодую организацию под прямой удар полицейского кулака. Слишком неравны были силы.

Рабочие группами отправлялись на прогулку, в лес, собирались на квартирах. Вечером в районах состоялись собрания, в товарищеском кругу рабочие проводили свой праздник.

ПРОВАЛ ОРГАНИЗАЦИИ. СУД

В то время, как Киевская организация развивалась, росла и крепла, в тайниках департамента полиции и охранки темные рыцари провокации и сыска не спали ночей, придумывая способы ее «ликвидировать». Из перехваченных писем, «совершенно секретных» донесений, анонимных доносов (которых в жандармском деле Киевского комитета имеется несколько), наблюдений шпиков — плелась паутина, в сети которой должны были попасть киевские товарищи.

В архивных делах имеется целый ряд запросов киевским жандармам из центра по поводу деятельности местной социал-демократической организации.

7-го марта 1912 года 3 отделение министерства внутренних дел писало начальнику киевского охранного отделения:

«В виду препровождения г. киевским губернатором экземпляра прокламации от 8 февраля под заглавием «Как вести выборы в Думу», изданной Киевским Комитетом РСДРП, департамент полиции просит Вас сообщить, какие имеются в Вашем распоряжении сведения о составе Киевского Комитета, месте нахождения типографии, печатавшей прокламации, а также о лицах, воспроизводивших и распространявших эти документы».

19-го марта начальник харьковского губ. жандармского управления лично» «совершенно секретно» сообщал киевским охранникам:

«Согласно сведений, полученных мною из заслуживающего доверия агентурного источника, в Киевской социал-демократической организации в настоящее время идет серьезная партийная работа».

На подобного рода бумажки киевские охранники сначала отвечали, что слухи об успехах Киевской организации неверны и преувеличены. Но после повторных запросов начальник киевского охранного отделения в своем донесении директору департамента полиции от 4 апреля 1912 г. должен был признаться, что: «отсутствие пока в отделении агентуры, осведомленной в достаточной степени с составом местного комитета РСДРП, а также с техникой этой организации и с лицами, ведущими в настоящее время активную работу по г. Киеву, не позволяет мне представить определенный ответ на предписание за № 97788...

... При производстве в настоящее время разработки совершенно секретных документов приходится вновь сосредоточить внимание на членах «Научно-Художественного» клуба, открытого по инициативе учредителей «Клуба трудящихся лиц в конторских и торгово-промышленных заведениях г. Киева...»

Сейчас же после этого донесения из департамента полиции министерства внутренних дел 11-го апреля 1912 г. было получено новое предписание:

«Начальнику Киевского Охранного Отделения.

Систематический выпуск прокламаций Киевского Комитета РСДРП в течение последних трех месяцев свидетельствует о существовании в г. Киеве сплоченной соц.-дем. организации. Между тем сколько-нибудь солидной агентуры по названной партии Вами от предместника Вашего не было принято, а также и Вами таковой еще не приобретено, почему и деятельность названной организации остается без надлежащего освещения...

Признавая же пресечение преступной деятельности Киевского Комитета делом совершенно неотложным, Департамент Полиции считает необходимым просить Ваше Высокоблагородие незамедлительно принять самые энергичные меры к приобретению партийной агентуры и к возможно скорейшей ликвидации упомянутой организации.

И. д. Директора Департамента Полиции (подпись)».

Уже в феврале-марте 1912 г. можно было заметить, что за некоторыми товарищами ведется усиленная слежка...

Возле дома тов. Бош, жившей на. Б.-Подвальной, в глубине большого проходного двора, можно было всегда видеть подозрительно равнодушные фигуры шпиков. Помню, в марте я как-то встретил на Нестеровской улице Евгению Богдановну — за ней шагали с оживленными физиономиями два откормленных шпика... По их наглым, уверенным мордам видно было, что они считали «добычу» своей [1]).

В конце марта, собравшись на заседание пропагандистской коллегии в квартире по Гоголевской улице, мы увидели через окно двух шпиков, обнюхивающих дом со всех сторон... Повидимому, они пришли вслед за кем-то из нас. Пришлось с различными хитростями разойтись раньше времени...

По жандармским дневникам наружного наблюдения видно, что первые заметки о лицах, посещающих т. Бош, относятся к 21 декабря 1911 г. За Евгенией Богдановной Бош велось очень тщательное наблюдение [2]).

Первого апреля после собрания работниц в прачечной по Фундуклеевской ул., № 57 попал под наблюдение тов. Зарницын. С каждым днем все больше лиц, так или иначе соприкасающихся с прослеженными товарищами, попадали под подозрение охранки. Работать становилось все труднее, город стал для нас

---

[1]) Потом Евгения Богдановна Бош рассказывала мне, что ей в этот день по личным делам пришлось ходить целый день в различные правительственные учреждения, банки и т. д., почему она и не старалась замести свои следы. Шпики напрасно потратили время. — А. Р.

[2]) Шпики, следя за кем-либо из товарищей, давали ему свою кличку, под которой он и фигурировал в охранной переписке и в филерских дневниках. Кличка Евгении Богдановны Бош была «Дворкина», т. Зарницына — «Островский», т. Пятакова — «Дождевой» и т. д. — А. Р.

меньше и теснее... Каждый следил за всяким своим шагом, усиливал конспирацию, заметал следы... В тишине улиц, в глазах случайного прохожего, в резком звонке — таилась незримая опасность, напрягавшая нервы и заставлявшая товарищей быть осторожными, осмотрительными и четкими...

В ночь на 18 апреля 1912 года произошли первые обыски и аресты. Были арестованы — Е. Б. Бош, Зарницын, Ян Шильган, Левицкий, Халемский, Зоя Яценко, Гальперин, Кислинский, Овруцкая и другие. В общую массу партийцев попали по иронии судьбы и ликвидаторы — Смирнов, Романов, Луиза и Карл Берманы... У тов. Бош и Зарницына было взято много компрометирующих документов, писем и литературы.

Второй тяжелый удар был нанесен организации в ночь на 20-ое июня. Были арестованы т. т. Пятаков, Аверкин, Шварц, десятки работников обысканы, часть из них арестована. У тов. Пятакова было взято много литературы, переписка, архив организации. У т. Аверкина нашли шрифт, литературу и документы...

Многие товарищи, опасаясь ареста, выехали из Киева. Оставшиеся продолжали работу, пытаясь поставить на ноги организацию. Но уже в июле опять произошел провал. 29 июля было арестовано собрание районных представителей, у участников его была отобрана нелегальная литература, «Киевская Звезда» и т. д.

Таким образом, мечты жандармов осуществились—организация была «ликвидирована», большинство активных работников попали за решетку.

27 июля начальник губернского жандармского управления предписал полковнику Иванову начать форменное дознание по делу «Киевского Комитета РСДРП». Начались допросы, очные ставки, «установки», запросы чуть ли не во все города России... Выясняются фамилии и прошлое арестованных, перехватываются письма, идущие по их адресу... Все рычаги и колеса полицейской машины пришли в движение.

Томительно долго тянулось предварительное следствие. Из десятков арестованных большинство должно было выйти в ближайшие же дни или месяцы на волю, некоторые попали в административном порядке в ссылку или под надзор полиции... И в конце концов только против нескольких человек были добыты веские улики, установлены факты, обнаружены документы... На основании этих данных жандармам удалось создать судебное дело о «преступном сообществе, присвоившем себе наименование Киевский Комитет РСДРП...» В качестве обвиняемых по этому делу было привлечено 7 товарищей: Г. Пятаков, Аверкин, Д. Шварцман (Шварц), Анна Пригоровская, Е. Бош, Михаил Зарницын и Лилия Карклина.

Почти полтора года пришлось им ждать суда... Только одному тов. Пятакову по болезни удалось временно до суда освободиться под залог на поруки. Остальные товарищи томились в тюрьме. Е. Б. Бош в это время возили в Екатеринбург на суд по делу Екатеринбургской организации РСДРП. По этому делу Судебная Палата, за недоказанностью обвинения, вынесла тов. Бош оправдательный приговор [1]).

[1]) К Екатеринбургскому делу Е. Б. Бош была привлечена по недоразумению. — Ред.

Наконец. 7 ноября 1913 года на заседании Киевской Судебной Палаты слушалось «дело Киевского Комитета»... Обвинение было формулировано по 102 ст. 1 ч. уг. улож. Постановлением палаты 6 товарищей — Пятаков, Аверкин, Шварц, Бош, Зарницын и Пригоровская — признаны виновными и приговорены к ссылке на поселение в Сибирь с лишением всех прав состояния. Одна только Лилия Карклина была судом оправдана.

ТОВАРИЩИ ПО РАБОТЕ

Почти 15 лет отделяет нас от описанного здесь периода.

Много фактов, имен, деталей работы забылось. Но никогда не изгладятся из памяти образы товарищей и друзей, с которыми приходилось сталкиваться в этой работе.

Никогда не забудутся работники, отдавшие всю жизнь делу революции...

Суровые условия подпольной работы, сближая людей на деловой почве, в то же время оставляли скрытыми многие стороны жизни и характера товарищей... Невольно вырабатывалось какое-то полное отсутствие интереса к личной жизни работника, казалось «неприличным» знать фамилии и имена товарищей, условия их частной жизни... Партийная кличка—это было все... И только иногда случайно обнаруживалась какая-либо сторона характера, проявлялась та или иная черта душевного склада товарища, по которой можно было видеть, что в суровой оболочке партийного работника таится живой источник энтузиазма и самоотвержения...

Со многими сотнями людей приходилось мне сталкиваться в работе. Но когда теперь хочется написать что-либо о каждом из них отдельно, то бессильно опускается перо. Много десятков товарищей-рабочих, с которыми приходилось рука об руку работать в течение ряда месяцев, трудно даже выделить из общей массы — их имена и клички забылись, работа потонула в общей могучей волне... О других в памяти остались только мимолетные впечатления, обрывки разговоров, мелкие факты... И хочется, чтобы это не пропало бесследно, хочется хоть двумя-тремя словами вспомнить некоторых товарищей по киевской работе 1911 — 12 годов.

Одним из самых уважаемых товарищей по организации безусловно была Евгения Богдановна Бош. Ее сравнительно более зрелый возраст (у Е. Б. Бош в то время было уже две почти взрослых дочери), беззаветная преданность партии, личные связи с руководящими заграничными товарищами (В. И. Ленин, Н. К. Крупская и др.) — все это создавало ей высокий авторитет и общее уважение товарищей. Когда Евгения Богдановна являлась на наши собрания, невольно как-то разговоры принимали деловой характер и рабочие, особенно молодежь, серьезно принимались за дело... Тов. Бош не была любительницей длинных разговоров, споров и дискуссий. Но каждое ее слово было проникнуто искренним убеждением и глубокой революционностью и поэтому ей трудно было возражать в прениях. Между собой мы всегда говорили, что Евгения Богдановна Бош «типичная большевичка»... И действительно, в ней было сконцентрировано все лучшее, что было

в большевистской партии — прямолинейность, беззаветная преданность революции, непоколебимая вера в конечную победу пролетариата и та принципиальная «твердокаменность», которая не позволяет идти ни на какие идейные уступки...

Евгения Богдановна обладала слабым здоровьем, но, несмотря на это, шла на риск, опасности подпольной деятельности, тяжести тюремного заключения... Ее преждевременная смерть, конечно, результат многолетней самоотверженной, неустанной работы...

Неменьшим уважением и любовью в организации пользовался секретарь Киевского комитета, тов. «Петр» (Георгий Леонидович Пятаков). Это был тогда еще совсем молодой человек — в 1910 г. он был исключен со 2-го курса юридического факультета петербургского университета за участие в студенческих волнениях. Про Г. Пятакова рассказывали, что в Петербурге профессора пророчили ему ученую карьеру. Действительно, т. «Петр» имел для этого все данные. Широко образованный, владеющий в совершенстве иностранными языками, обладая большой эрудицией, особенно по политико-экономическим вопросам, прекрасной памятью и незаурядными способностями, т. Пятаков в области теоретических знаний безусловно стоял в то время выше всех участников Киевской организации. Но эти обширные знания не заглушали в нем живого духа борьбы, а только делали более широким его революционный кругозор.

С т. Д. Шварцем нам, работникам районов, приходилось встречаться очень редко. Мне лично почти за целый год пришлось видеться с ним всего 4—5 раз. Типографский рабочий по профессии, стойкий революционер, он играл в организации видную роль. По тем немногочисленным встречам, которые у меня были с тов. Шварцем, я составил себе о нем мнение, как о чрезвычайно сдержанном, осмотрительном и осторожном работнике. Теперь, роясь в архивных делах охранки, я с удовольствием следил за тем, как ловко и тонко умел т. Шварц изворачиваться из жандармских сетей. Осторожность и конспиративность т. Давида попортила немало крови жандармам.

Тов. Шварц в то время не был чистокровным большевиком — он причислял себя к партийцам-плехановцам. Но здоровое пролетарское чутье, революционный инстинкт указывали ему всегда правильный путь. Недаром, как рассказывали, В. И. Ленин обратил особое внимание на тов. Шварца во время пребывания его на общероссийской конференции 1912 года и говорил, что «таких меньшевиков-партийцев нам нужно побольше»...

М. Зарницына я увидел первый раз в университете во время студенческой демонстрации по поводу Зарентуйских событий в ноябре 1910 года. Университетские коридоры были заперты администрацией и в здание введены войска, а мы, студенты, между шпалерами штыков в течение 2 — 3 часов предавались буквально революционному неистовству. В возбужденной, бушующей, распевающей революционные песни толпе обращал на себя общее внимание низенький студент с редкой бородкой, длинными волосами, одетый нарочито просто — в грубые ботинки, бумазейные брюки и длинную до колен рубаху. На всей его фигуре лежала печать «опрощения», и мне пришло тогда в голову, что это какой-то толстовец.

Почти через год я встретил этого студента на заседании пропагандистской коллегии. Он оказался Михаилом Петровичем Зарницыным.

С первых же дней тов. Зарницын проявил себя, как решительный большевик. При решении вопросов он всегда занимал крайне непримиримую позицию и защищал ее с огромным рвением. В тов. Зарницыне была большая доза фанатизма, даже сектантства. Но резкость в суждениях, запальчивость в спорах была как-то удивительно сплетена с детской непрактичностью и даже, я бы сказал, наивностью. Это делало его очень симпатичным и привлекательным...

К т. Зарницыну вполне можно было применить выражение: «человек не от мира сего». На его открытом лице, в наивных глазах, всегда устремленных куда-то вдаль, по характерной устремляющейся походке видно было, что этот человек целиком захвачен и поглощен своей идеей...

В М. Зарницыне совершенно не было хитрости, осторожности. Он с трудом приспособлялся к условиям подпольной работы и безусловно был наименее конспиративным членом нашей организации...

С т. «Иосифом» (Р. Левиком) мне приходилось работать в одном районе — на Подоле. Тов. Левик был прекрасным, можно сказать, прирожденным пропагандистом. Хорошо помню, с каким удовольствием я всегда присутствовал при его беседах с рабочими — мне не приходилось встречать другого партийного работника, который умел бы так просто, доступно, понятно об'яснить темному, неразвитому слушателю самые сложные политические и экономические вопросы И кружки у т. «Иосифа» были всегда большие — кто побывал в них раз, всегда приходил вторично и еще приводил с собой товарища. Ни разу не заметил я в т. Иосифе какой-либо рисовки, никогда не слышал в его речах громкой фразы, напыщенного оборота... Тихий, не сразу заметный, он умел простыми, ясными приемами найти доступ к сознанию рабочих. Их доверие и любовь неизменно сопутствовали ему в работе.

Горячий, живой тов. «Федор» (Погосянц), кавказец по происхождению, всюду вносил с собой атмосферу бодрости и энергии. Там, где бывал тов. Федор, никогда не бывало скучно. Если это был деловой разговор, он неминуемо переходил в горячий диспут, если обыкновенная беседа, то она оживлялась веселым смехом и шутками. Тов. Федор был большим любителем украинского театра, хотя совсем не понимал этого языка. И нужно было послушать, как он после спектакля у Садовского делился своими театральными впечатлениями — его толкование смысла украинских слов и украинские разговоры с невероятным акцентом вызывали неудержимый смех...

Тов. Федору, благодаря ловкости и осторожности, удалось уцелеть при разгроме организации. Теперь он, как передавал мне тов. Шварц, работает где-то на Кавказе. Из группы черниговцев, которые много помогали организации, непосредственное участие в работе принимал тов. Николай Гаврилов.

Тов. Гаврилов, как я уже упоминал выше, был ответственным работником на Шулявке[1]).

[1]) В жандармских делах он кое-где упоминается под кличкой «Цыган». Мне что-то не помнится, чтобы его так звали в организации.— А. Р.

Очень общительный, живой, он принимал также довольно активное участие в легальной работе. Лично знакомый со многими представителями ликвидаторов, он вел с ними постоянную войну...

Типичным теоретиком был другой черниговец—тов. Марк. Скромный, даже застенчивый, всегда молчаливый, он, несмотря на свою молодость, поражал начитанностью, знанием иностранных языков[1]).

Разгром организации в 1912 году не остановил развития рабочего движения в Киеве. Хотя вплоть до самой революции организации не удалось уже достигнуть такого влияния и силы, как в 1911—12 г. г., но партийная работа не прерывалась. Несмотря на обыски, аресты, разгромы, непрестанно возникали новые группы и ячейки и шаг за шагом вели в подполье свою кропотливую, упорную работу. И теперь уже несомненно, что эта незаметная, самоотверженная работа подготовила победу пролетариата в Октябрьской революции.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ А. РОСНОВСКОГО

ЖАНДАРМСКИЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К АРЕСТУ Е. Б. БОШ 17 АПРЕЛЯ 1917 Г.[2])

Фамилия Бош
Кличка набл. «Дворкина»
Партийное прозвище «Ирина»

СВЕДЕНИЯ

о лице подлежащем обыску или аресту 17 апреля 1912 года.

Фамилия Бош
Имя Евгения
Отчество Готлибовна
Звание мещанка г. Вознесенска Хер. губ.
Лета 31 года православная.
Положение в обществе жена каретного мастера (с мужем разошлась).
Адрес: дом № 55 кв. № 22 по Большой Подвальной улице.
Основание обыска или ареста. Регистр. Л. п. стр. 61—1911 г.
8193—1911 г.
Регистр. Л. п. стр. 376, 44—1910 г.
Регистр. Л. п. стр. 383—1909 г.,
8193, 8359—1911 г.
Агент. свед. Л. Л. п. 1.
Д. 31, т. 2, пр. свед. 13/12—1908 г.
Д. 12 исх. 1107, 2431 — 1912 г. наблюд.
Д. 48, т. I, 61912, свед. 19 марта 1908 г.

[1]) Из упоминаемых тов. Росновским товарищей, кроме Е. Б. Бош, погиб еще Мих. Зарницын. Он был расстрелян чехо-словаками в Сызрани в 1918 г. Остальные живы, все в рядах компартии на ответственной работе. — Ред.

[2]) Печатаются с сохранением орфографии копий, снятых с документов Киевским истпартом. — Ред.

Справка (характеристика) из дел Отделения:

По агентуре: 1908 года Она имела шрифт, который ей приносил Константин Вреблевский (кличка наблюд. «Лозовский»). В этом же году под ее непосредственным руководством находилась типография железнодорожной организации. В Киевской организации Российской социал-демократической рабочей партии она носила кличку «Ирина».

По наблюдению: В 1908 и 1912 годах наблюдалась в г. Киеве по местной организации Российской социал-демократической рабочей партии и тогда же была отмечена связь ее с лицами состоящими в этой партии, под кличкой «Дворкина». В 1912 г. имела встречи с Л. Карклиной (кличка наружнаблюд. «Перская»).

По архиву: 12 июня 1908 г. по распоряжению Отделения была обыскана в кв. 55, дома № 35 по Б. Подвальной улице; протокол обыска оставлен при делах Отделения. Обыск был без результатов.

18 марта 1909 года на улице в г. Киеве был арестован неизвестный социал-демократ, организатор железнодорожного узлового Бюро, известный в организации по прозвищу «Ваня», назвавшийся Константином Константиновичем Гаваманом, по связям с которым при ликвидации Юго-Западного железнодорожного Бюро, 19 марта 1909 года Бош была обыскана и арестована совместно с проживавшей с ней и тогда же арестованной Еленой Федоровной Размирович, при чем у Бош на квартире был обнаружен по обыску экземпляр газеты издания Российской Социал-демократической рабочей партии «Голос социал-демократа № 8, 9 Июль — Сентябрь 1908 г.», «Правда № 1» орган Украинского союза «Спилка», 26 брошюр разного содержания, изданных явочным порядком, но ныне из'ятых из обращения среди публики и переписка частного характера.

Вся переписка 20 марта 1909 года за № 912 была представлена Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления. Переписка о ней была прекращена.

В 1909, 1910 и 1911 годах в партийной переписке Федора Чернолуского, Л. А. Быховского и Александра Антоновича Троянского упоминается Евгения Бош, которая несомненно продолжает принимать участие в партийной работе.

В январе 1911 года Бош вела переписку партийного характера с неустановленным лицом, проживавшим в Париже.

В октябре 1911 года она вела переписку с проживающим в г. Архангельске ссыльным «Ф. У» также партийного характера.

Сведения составляли:

За начальника Отделения (подпись)

(Архив Киевского губернского жандармского управления. Дело № 23, отд. 11, 1912 года)

№...053 СЕКРЕТНО
24 апреля 1912 г. Арестантское

НАЧАЛЬНИКУ КИЕВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

1. У Евгении Готлибовны (она же Богдановна) Бош отобрано по обыску в 4-х экземплярах печатные прокламации «К студенчеству» издания общеорганизационного Совета Киевского Университета за февраль 1912 года; в 2-х экземплярах также печатные прокламации «Избирательная платформа Р.С.-Д.Р.П.» изд. Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии: в 3-х экземплярах также печатные прокламации с мастичной печатью «Комитета Киевской организации Р. С.-Д. Р. П.» за февраль 1912 года; письмо студента Киевского Политехнического Института Ивана Францевича Шильган партийного характера на имя Евгении Богдановны Бош, в котором он между прочим сообщает ей, что им получено из Парижа письмо от товарища «Н. К.», в котором последний пишет, что все готово в Вене и т. д.; его-же Шильгана. визитная карточка.

2. У Зарницына Михаила Петровича студента Киевского Университета взято по обыску — на его письменном столе только-что заготовленная им в рукописи для печати и еще повидимому неоконченная прокламация, написанная чернилами, начинающаяся словами: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран соединяйтесь. Первое мая. «Товарищи. Два мира стоят друг против друга»... по содержанию своему тенденциозно освещающая значение рабочего праздника 1 мая, призывающая к массовым экономическим забастовкам, всеобщей политической стачке, уличным демонстрациям и пр., как к средствам борьбы пролетариата против имущего класса и возбуждающая классовую вражду; и в ящике стола — черновик такой же прокламации, написанной карандашем, свидетельствующей, что прокламация сочинялась им, Зарницыным; заготовленная видимо также для печати на трех листах писчей бумаги, написанная чернилами прокламация, начинающаяся словами: «Товарищи. Лет 20 слишком тому назад в Киеве»... по содержанию своему представляет сжатое, в хронологическом порядке, с статистическими данными, изложение воссоздания Российской социал-демократической рабочей партии с 1906 года по Январьскую 1912 года Общепартийную конференцию включительно, изложение роста и значения профессионального движения и т. д., с призывом рабочих к осуществлению еще не разрешенной задачи — задачи свержения царской монархии и установления демократической республики; ряд рукописей на отдельных листах и целыми тетрадями карандашем и чернилами в том же направлении, требующие детального осмотра; 4 печатных и одна гектографированная прокламация различного содержания, изд. Комитета Киевской организации Российской социал-демократической рабочей партии 1912 года; № 13 «Социал-Демократ» и 186 брошюр социалистического направления.

3. У студента Киевского Политехнического Института Ивана Францевича Шильган, как по личному обыску, так и на квартире, хотя явно преступного и не обнаружено, но уличающие его, как партийного работника, письма его взяты по обыску у Евгении Бош и каковые он признал принадлежащими ему.

4. У студента Киевского Политехнического Института Василия Михайловича Посылина обыском обнаружено на его имя письмо из Томска от 24 февраля 1912 г. с неразборчивой подписью начинающееся словами: «Товарищ Посылин». По содержанию партийного характера, в котором автор просит о скорейшей присылке протоколов конференции.

5. У наборщика типографии «Прогресс» Гринберга Волько Лейбова обнаружено на его имя еще не вскрытое письмо из Парижа с датами Paris 20 avril 17 45/12 и Киев 11—4—12 по внешнему виду частного характера, но оказалось с химическим текстом, исключительно партийного содержания за подписью «Н. К.», в коем упоминается ряд партийных работников—Степан, Фома, Павел, Владимир, Филя, Серг., Ив.

и 6. Остальные обыски наглядно существенного и явно уличающего хотя и не дали, но обилие материала требует детального рассмотрения.

А потому вместе с сим мною представляется на Ваше распоряжение: 1) все отобранные по обыскам у лиц поименованных в ведомости (приложение № 2), 2) протоколы обысков на них, 3) протоколы допросов, 4) сведения на них из дел Отделения и 5) сведения лиц, проходивших по наблюдению.

Подписал Подполковник Леонтьев

Верно: Ротмистр (подпись)

(Архив Киевского Охранного Отделения д. № 14, т. 4, 1912 г.)

ВЫПИСКА

из дневника наружного наблюдения, установленного Киевским Охранным Отделением за мещанкой Евгенией Готлибовной-Богдановной Бош, под кличкой «Дворкина».

Виделась:

1912 года января 18, 19 . . . С Вячеславом Феофановичем Василевским «Козловским».

1911 года Декабря 27 . . . . . С Зоей Панфиловной Яценко «Увертюрной».

1912 года Февраля 20 . . . . . С Лилией Федоровной Карклин «Перской».

Посетила:

1912 года Января 9, 18 . . . . Вячеслава Феофановича Василевского «Козловского» (дом № 36 кв. 3 по Гоголевской улице).

1912 года Января 9 . . . . . Зою Панфиловну Яценко «Увертюрную» (дом № 114 кв. 4 по М-Благовещенской ул.).

Ее посетили:

1911 года Декабря 21, 1912 г. Января 10, 11, 12, 13, 14, 25 .	Зоя Панфиловна Яценко — «Увертюрная».
1912 года Января 16, 18, 19, 20, 24.	Вячеслав Феофанович Василевский «Козловский».
1912 года Января 10	Константин Данилович Лениевич «Родинский».

(Архив Киевск. Охр. Отд., дело № 14, т. 4, 1912 года).

СВЕДЕНИЯ

о лице обысканном в 12 часов ночи «17» сего Апреля 1912 года.

Фамилия, имя и отчество	Бош Евгения Богдановна.
Звание (подробно)	Мещанка.
Занятие (подробно)	Домашнее хозяйство.
Лета и вероисповедание	33 г. православное.
Семейные и родственные связи	Замужняя, муж — Петр Петрович проживает в г. Вознесенске, две дочери — Ольга 13 л. Мария 12 л., мать Мария Порфирьевна Майш при ней братья Александр — где в данное время не знает. Федор в г. Елисаветграде. Алексей — Киев, Андреевский спуск №
Имеет ли право жительства в Киеве	Имеет.
Где лицо обыскано:	В квартире № 55, дома № 25 по Б. Подвальной улице Старокиевского участка г. Киева.
Где проживает (подробный адрес, если проживает там где обыскано, то вписать: «по месту обыска».	По месту обыска.
Подвергалось ли обыскиваемое лицо обыску ранее (если да, то когда и где):	Считаю, что обыск прежде был произведен не у меня, а в квартире. В 1907 или 1908 году в этом же доме и квартире.
Причина обыска (если неизвестна причина обыска) или по сожительству с таким-то, явился в квартиру обыскиваемого такого-то, задержан с нелегальной литературой, задержан на сходке там-то и т. под.	По распоряжению начальника Киевского Губ. Жанд. Управл.

Ордер Киевского Охранного Отделения от 17 Апреля с. г. № 4746/3 — К.Н.

Что обнаружено по обыску преступного (поименовать и указать число преступных изданий:	9 разных прокламаций для просмотра взято, 13 фотографических карточек, 131 письмо, 80 открыток, 22 разных заметки, 1 книга, 4 тетради, 1 записная книжка и две паспортные книжки. Означенные вещи записаны в протоколе.
Арестовано ли обысканное лицо	Арестовано.
Если да, то куда отправлено для содержания под стражей	При Старо-Киевском участке.

Подпись обыскиваемого Евгения Бош

Обыск производил (подпись)

Надзиратель Горохов

(Архив Киевск. Охр. Отд., Дело № 14, т. 4, 1912 года).

ПРОТОКОЛ

1912 года Апреля 19 дня в гор. Киеве, я, Отдельного корпуса Жандармов Ротмистр Хохлачев на основании положения о мерах к Охранению Государственного порядка и общественного спокойствия Высочайше утвержденного в 14 день Августа 1881 года, распрашивал поименованную которая об'яснила:

Зовут меня:

1. Фамилия, имя, отчество (урожденная фамилия)	Бош Евгения Готлибовна (урожденная Майш).
2. Время и место рождения	В Очакове. В 1879 г.
3. Вероисповедание	Православная.
4. Происхождение, народность, подданство и личное звание	Мещанка гор. Вознесенска, Русск. подданная.
5. Место постоянного жительства и приписки, по отбыванию воинской повинности	В последнее время г. Киеве около 4-х лет.
6. Занятия и средства к жизни	Личные средства.
7. Семейное положение (имя, отчество жены или мужа, имена детей их занятия и местожительства	Замужем за Петром Петровичем Бош, имеет муж каретную фабрику в городе Вознесенске, две дочери при мне — Ольга 13 лет и Мария 12 лет.
8. Родственные связи: имя, отчество, фамилия родителей, братьев, сестер, места их жительства, занятия и экономическое положение родителей	Мать в г. Киеве Мария Парфентьевна Майш 70 л. братья Александр 31 года, офицер. где в настоящее время не знаю, Федор 35 лет инженер в Елисаветграде; Алексей 40 л. земледелец, Елена 28 л. заграницей, замужем за Петром Георгиевичем Размирович.

9. Место постоянного жительства родственников, заменяющих родителей или опекунов	
10. Место воспитания в учебных заведениях (низшем, среднем, высшем, с указанием, сколько времени пробыли почему оставил, когда поступил и когда и почему вышел и на чей счет воспитывался.	Домашнее.
11. Была ли заграницей, когда, где, с какой целью	Не была.
12. Привлекался ли к дознаниям, когда и чем окончилось привлечение	В 1908 году была арестована в г. Киеве, но к дознанию не привлекалась.

На предложенные мне вопросы отвечаю: Я не признаю себя виновной в принадлежности к организации Р. С. Д. Р. П. и не принадлежала ни к какой нелегальной партии и организации; обнаруженные у меня при обыске прокламации — в 4-х экземплярах изд. Обще-организационного Совета Киевского Университета за февраль 1912 г. тип. Киев. организ., начинающиеся словами: «К студенчеству. Товарищи. Тяжелые репрессии последних лет»... в 2-х экземплярах изд. Центрального Комитета Р. С. Д. Р. П. типографии Центр. Комитета, начинающиеся словами «Российская социал-демократическая раб. партия. Пролетарии всех стран соединяйтесь. Избирательная платформа Российской С.-Д. Рабочей партии. Товарищи рабочие и все граждане»... и в 3-х экземплярах с мастичной печатью «Комитета Киевской организации Р. С. Д. Р. П изд. февраль 1912 г. типогр. Киевск. организ., начинающаяся словами «Российская Социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран соединяйтесь. Товарищи. Тяжелые грозовые тучи ползут»... каким образом оказались у меня в квартире отвечать не желаю. Пред'явленная вами тетрадь с десятью рукописными листками, на первой странице коей рукопись начинается словами: «19 — 10/IX — 10 г. г. Киев. Из истории «Философии врача» (Новой) Трубецкого. Философия права нового времени, зародилась»... написана мною. Никакого партийного работника под кличкой «Семен» я не знаю и никогда с ним в переписке не состояла, равно не знаю я и товарища «Михаила».

Вписанному в седьмой строке «Каким образом оказались у меня в квартире отвечать не желаю» верить. Евгения Б о ш.

Подлинный подписал и с подлинным верно:

Ротмистр (подпись)

(Архив Киевского Охранного Отделения, дело № 14, т. 4)

На предложенные вопросы отвечаю:

Пред'явленные мне Вами печатные прокламации, обнаруженные у меня в квартире при обыске 17-го Апреля сего года мне не принадлежат, а кем они

оставлены я не знаю (при допросе пред'явленные прокламации описаны в протоколе). Личность Ольги Зомелевны Вейланд мне известна, так как она учила моих детей; в квартире моей она прожила дня два три; я утверждаю, что упомянутые выше прокламации Вейланд не принадлежат, прокламации те действительно находились на том же столе, где и паспорт Вейланд, но отнюдь не были вложены в паспорт Вейланд; где последняя в настоящее время находится мне неизвестно. Пред'явленные мне Вами заметки под пунктами № 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13 написаны мною собственноручно, как заметки при занятиях экономическими и политическими вопросами Государства интересуясь, кк. теоретическими вопросами, но отнюдь не для активных выступлений, письмо за подписью д-ра Петровского мною получено для входа на лекцию «Анатема»; визитная карточка Ивана Шильгана о приходе ко мне его товарища «Семена» личность которого я назвать отказываюсь, не желая доставлять ему беспокойства; письмо, обозначенное пунктом 9 мною получено от Ивана Шильган. Кто обозначен под инициалами «Н. К.» отвечать отказываюсь, опять таки не желая беспокоить своих знакомых; заметку, обозначенную пунктом 14, где имеется заметка 20/6 об'яснить затрудняюсь, так как она мне не принадлежит; заметка, обозначенная пунктом 15 мне не принадлежит. Больше покамест к своему показанию добавить не имею. Подлинный подписали Евгения Готлибовна Бош и Подполковник Иванов.

С подлинным верно:

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник Иванов

(Архив Киевского Губернского Жандармского Управления Дело № 23, отдел. 11, 1912 года)

Начальник Киевского
Охранного Отделения
29 апреля 1912 г.
№ 5257

СЕКРЕТНО

В ликвидацию в ночь 18 апреля членов местной организации Р. С. Д. Р. П. у обысканной и арестованной Евгении Готлибовны (она-же Богдановна) Бош обнаружены ниже-следующие адреса:

1. Владикавказ, Ростовская 33, Размировичу.
2. Новая Прага Херсонской губ. д. Чебакова В. Ф. Центелович.
3. С.-Петербург. Надеждинская 22 кв. 32, Наталия Федоровна Василевская.
4. Г. Лебедин Харьковской губ. Вячеслав Феофанович Василевский.
5. Одесса Матросский переулок д. № 11 кв. 6 Людмила Алексеевна.
6. Харьков Сумская 21, Анне Деслер для Сони.

Прошу распоряжения Вашего превосходительства о разработке адресов, относящихся к вверенному вам району

и о производстве у указанных лиц, при наличности неблагоприятных сведений обысков, в порядке охраны по результатам.

О последующем прошу уведомить Отделение.

Подл. подписал: Подполковник Леонтьев

С подлинным верно: Ротмистр (подпись)

Начальникам: Харьковского и Херсонского губ. жан. управл. Начальнику С.-Петербургского Охранного Отделения. Начальнику Жандармского Управл. г. Одессы и Начальнику Терского Областного Жандармского Управления.

(Архив Киевского Охранного Отделения, д. № 14 т. 4, 1912 г.)

Начальник
ПЕРМСКОГО
Губернского
Жандармского Управления
14 июня 1912 г.
№ 7795
г. Пермь

СЕКРЕТНО

По району

Возвращая при сем прошение Пантелеймона Кислинского, сообщаю Вашему Высокоблагородию, что произведенной экспертизой сличения почерков установлено, что письмо с подписями «Наты» и «Михаила» писано несомненно Евгений Готлибовой Бош. Ввиду изложенного прошу не отказать уведомить Район как Вами предположено привлечь Евгению Бош к формальному дознанию, или же к переписке по Охране, так как, если она будет привлечена Вами к формальному дознанию, совместно с членами Киевской организации Р. С. Д. Р. П., то является возможность передать Вам переписку о Шкапике, для привлечения его к формальному дознанию совместно с Бош, а если к переписке по Охране, то не представится ли возможность переписку о Бош выделить и препроводить в Район для присоединения ее к производящемуся при Пермском Губернском Жандармском Управлении Формальному дознанию по делу членов Екатеринбургской группы Р. С. Д. Р. П.

Приложение прошение Кислинского.

За начальника Отделения (подпись)

Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления.

(Архив Киевск. Жанд. Упр. дело № 23, отд. II, 1912 г.)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 15

1912 года Июля 1 дня в г. Киеве, я Отдельного Корпуса Жандармов, Подполковник Иванов, усматривая из протокола экспертизы от 13 июня сего года,

что письмо партийного характера за подписью «Михаил», приложенное к отношению Начальника Пермского Губернского Жандармского Управления от 20 марта 1912 года за № 6564 на имя Начальника Киевского Охранного Отделения и адресованное из г. Киева в С.-Петербург на имя А. Д. Рашевской написано арестованной по настоящей переписке Евгенией Готлибовной Бош и что из отношения Начальника Пермского Губернского Жандармского Управления от 14 июня сего года за № 7795 на имя Начальника Киевского Губернского Жандармского Управления видно, что в производящемся при названном выше Управлении дознании имеется материал для привлечения Евгении Бош к формальному дознанию по делу о членах Екатеринбургской группы Р. С. Д. Р. П., постановил: из настоящей переписки выделить протоколы следственных действий, относящихся к названной выше Бош, а также и материалы обнаруженные у нее при обыске в квартире 18 апреля с. г. и таковые при копии настоящего постановления препроводить Начальнику Пермского Губернского Жандармского Управления.

Подполковник Иванов

(Архив Киевского Губернского Жандармского Управления, дело № 23, отд. II. 1912 года)

Т. СКУБИЦКИЙ

Рабочее движение на Днепровском заводе [1])

(1895 — 1905 г. г.)

ИСТОРИЯ ЗАВОДА

80-е и 90-е годы явились для России эпохой глубоких внутренних экономических и социальных изменений. Рост крупной промышленности содействовал усилению социальной диференциации. Особенно быстрый темп развития промышленности наблюдался на юге России. Здесь, на безлюдных, поросших высокими травами степях, за очень короткий промежуток времени выросли гигантские металлургические заводы. Одновременно с ростом заводов возникают новые и увеличивают выработку старые каменноугольные и железные рудники и шахты. Богатые залежи руды и расположенные по соседству с ними каменноугольные копи привлекали алчные взоры иностранного капитала. Одно за другим вырастали предприятия, для которых не только техническое оборудование и административно-технический персонал, но и рабочая сила вывозились из-за границы.

О характере развития капиталистической промышленности юга России Ленин писал: «Юг молод и находится в периоде формирования, чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь за последнее десятилетие, не знает ни традиции, ни национальностей, ни замкнутости определенного населения. В южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху (1898 г.) туда перевозятся из Америки целые заводы [2]).

Понятно, что ареной развития промышленности в первую очередь явился центральный район Украины, богатый рудой и углем.

В период с 1889 г. по 1900 г. мы наблюдаем на Екатеринославщине колоссальный по тому времени рост металлургической промышленности. Наряду со старыми, возобновившими и расширившими производство, вырос целый ряд новых больших металлургических заводов.

До 1888 г. систематически работавших заводов на Екатеринославщине было только два: Юзовский — Новороссийского О-ва и Брянский — Александровского.

---

[1]) Ныне завод имени Дзержинского.

[2]) В. И. Ульянов-Ленин. «Развитие капитализма в России», стр. 41. Изд. «Московский Рабочий», 1923 г.

В 1889 году был пущен Днепровский завод.

В 1894 г. начинает работать Дружковский завод Донецкого О-ва с доменным и сталелитейным отделами, в 1898 г. доменный завод О-ва доменных печей и фабрик на Ольховой; в том же году в Мариуполь перевозятся из Америки все части трубопрокатного завода; в 1899 г. заканчивается постройка завода «Русский Провиданс» и т. д.

Одним из крупнейших заводов, на истории строительства и роста которого можно проследить общий темп роста промышленности Юга России, был Днепровский завод.

Днепровский завод был заложен Южно-Русским Днепровским Обществом, образовавшимся в 1886 г. из Бельгийской кампании «Кокеркиль» и Общества варшавского сталелитейного завода. Все оборудование Днепровского завода было перевезено О-вом из варшавского завода. Варшавский сталелитейный завод, давший начало Днепровскому заводу, был выстроен в предместьи Варшавы «Прага» в 1878 г. тремя обществами — «Лильполь, Рау Левенштейн», Староховицким и Рурортским.

Когда доходы этих обществ стали падать, что об'яснялось тем, что завод работал, главным образом, на покупном иностранном чугуне, завод был продан для переноса в новые места, близкие к каменноугольным шахтам и железным рудникам, вновь образовавшемуся акционерному Южно-Русскому Днепровскому Обществу.

Южно-Русское Общество нашло окрестности Екатеринослава самым подходящим местом для возрождения завода. Составив акционерный капитал в 5 миллионов рублей и облигационный в $2^1/_2$ миллиона рублей, Общество начало операции. Прежде всего оно поспешило обеспечить себя необходимым сырьем. Для этой цели оно сначала арендовало, а потом приобрело в собственность целый ряд высоко производительных и весьма доходных рудников и шахт в Донбассе и Криворожьи с самыми лучшими пластами угля, железной и марганцевой руды.

Высокое качество руды и угля, большая производительность рудников и шахт, арендованных на выгодных условиях, дали Днепровскому О-ву решительные преимущества перед всеми его конкурентами.

Расширяя свою деятельность, О-во прилагало все усилия к приобретению целого ряда предприятий, обеспечивающих получение сырых материалов, необходимых для правильной работы заводов.

Обеспечив себя рудой и углем, О-во купило участок земли в 73 десятины, расположенный вблизи с. Каменское (под Екатеринославом). Сюда постепенно и был перевезен варшавский сталелитейный завод, который положил начало Днепровскому заводу. Площадь земельного участка, состоящая из двух равнин, переходящих одна в другую, была распределена под заводские здания следующим образом: более высокая равнина, так называемая «верхняя колония», была отведена под постройку главной конторы завода, жилых домов для служащих, а также церкви, костела, больницы и школы. На нижней же равнине расположен завод с гордо воздвигающимся над громадными зданиями лесом труб. Заводские постройки тянутся сплошной массой к берегу Днепра, примыкая одной стороной к селу Каменское, а другой к нижней колонии.

Как было уже сказано выше, Днепровский завод был пущен в 1889 году. 17 февраля 1889 г. была пущена первая доменная печь, а 8 июня — вторая.

К концу 1889 г. работали уже отделения: бессемеровское, сталепрокатное, пудлинговое, мартеновское, листопрокатное и коксовые печи.

В 1892 году была пущена третья, а в 1893 — четвертая доменные печи.

Вследствие усиленного спроса на чугун и железо завод быстро и непрерывно расширял производство.

За время с 1890 по 1904 г. были построены: литейная мастерская, печи Мандгейма для кирпичного отделения, котельная и кузницы, новые мартеновские печи, 1-я электрическая станция и мастерская для чугунно-водопроводных труб, новая проволочно-прокатная мастерская, новая главная контора, новая малая бессемеровская печь и новая химическая лаборатория; начали строиться здания для газовых воздуходувов; были пущены новые отделения: стелелитейное, сталепрокатное и 2-я электрическая станция [1]).

Завод настолько быстро расширялся, что уже в 1905 г. имел 5 домен, 8 мартеновских печей, 5 бессемеровских конверторов, несколько комплектов прокатных станов, 5 вагранок и все необходимые металлические станки.

Днепровский завод непрерывно поднимал производительность и, приспособляясь для работы на материалах однообразного качества, получаемого исключительно из собственных предприятий, вводил ряд технических усовершенствований, повышая качество продукции.

Днепровский завод стал известен крупным русским и иностранным фирмам, как поставщик лучших сортов чугуна, железа и стали, и даже в годы промышленного кризиса завод не имел недостатка в заказчиках.

Производил Днепровский завод различные металлические ассортименты и являлся поставщиком орудий и средств производства для тяжелой индустрии. Не встречая на юге равных себе конкурентов, завод получал большие заказы от государства и крупных промышленных фирм.

Насколько быстро росла производительность Днепровского завода, видно из роста количества выплавки чугуна. В первый год существования завода было выплавлено до $3^1/_2$ миллионов пудов чугуна, а в 1904—1905 г. г., т.-е. через 15 лет, выплавка достигла $13^1/_2$ миллионов пудов (т.-е. увеличилась почти в четыре раза [2]).

Завод расширялся, предприниматели богатели. Акционерный капитал Южно-Русского Общества с 1889 г. по 1906 г. возрос до 10 миллионов рублей, стоимость движимого и недвижимого имущества с 5,9 миллионов рублей до 28,5 миллионов. За эти же годы Общество получило $46^1/_2$ миллионов рублей прибыли, из коих выдано акционерам дивиденда $22^1/_2$ миллиона рублей [3]).

---

[1]) «Описание Днепровского завода», стр. 5, юбилейное изд. Южно-Русского Днепровского Металлургического О-ва, 1908 г.

[2]) «Описание Днепровского Завода».

[3]) Указанные данные автором высчитаны на основе соответствующих таблиц «Приложения к 25-му отчету Южно-Русск. Днепр. Мет. О-ва», изданному в 1913 г. издат. «Северная печать».

Что касается рабочей силы, то количество рабочих за время с 1890 по 1896 г. возросло почти на 80%. В первые годы существования завода состав рабочих комплектовался преимущественно из пришлого элемента: так, в 1892—3 г. из 3352 человек 52% рабочих были из великороссийских губерний, 27% из Польши, 3% иностранцев: немцев и французов и только 15% украинцев [1]). В последующие же годы процент рабочих из местных окрестных сел увеличивался, главным образом, за счет неквалифицированных рабочих.

Каковы же были условия труда и жизни рабочих Днепровского завода?

УСЛОВИЯ ТРУДА НА ДНЕПРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов мы узнаем, что при увеличении производительности одного рабочего более, чем на 18% (за время с 1890 по 1896 г.), заработная плата оставалась почти без повышения, колеблясь от 80 коп. до 1 руб. 77 к. [2]). И в то время, как капиталисты получали крупные барыши, условия труда, по характеристике самих рабочих, были исключительно тяжелыми. Это подтверждают и представители власти.

Вот что, например, пишет бывший фабричный инспектор Аксенов, обследовавший условия работы на железо-трубопрокатных заводах Екатеринославщины: «По характеру производства эти предприятия едва ли не самые тяжелые в отношении труда рабочих; это станет понятным, если вспомнить, что все операции при прокатке изделий производятся с раскаленным железом, при чем все время рабочим приходится манипулировать, почти не выпуская из клещей этих красных болванов, листов и труб; вместе с тем в холодное время года прокатные отделы этих заводов, обыкновенно представляющих собою колоссальные балаганы, открыты во многих местах для сквозняков, крайне опасных для здоровья рабочих, так как, одетые во время работы в одни сорочки, обливаясь потом, они непрерывно попадают из огненной температуры у печей или станов в стужу ледяного ветра, несущегося через ворота или открытые в крыше люки...» В другом месте он пишет: «... Работы при газогенераторах чрезвычайно тяжелы. Загрузчики находятся постоянно в облаках дыма, почти непрерывно выделяющегося из загрузных шахт и шуровальных отверстий... С другой стороны, устройство при некоторых газоженнах кочегарок внизу также оставляет желать лучшего: постоянное выделение в огромном количестве сернистого газа и страшно высокая температура у колесников требует просторных и хорошо вентилируемых помещений для кочегаров, между тем как у существующих газоженов одни снабжены чрезвычайно тесными кочегарками, в удушливой атмосфере которых свежий человек не в состоянии оставаться и несколько минут, при других же кочегарки представляют собою простые ямы у колесников без навеса или крыши, которые могли бы защищать кочегара от дождя и

[1]) Рагозин. «Железо и уголь на Юге России», стр. 37, изд. тип. Гольберга, 1895 г.

[2]) «Екатеринославская губерния». Выпуск первый. Памятная книжка и адрес-календарь на 1900 г., изд. 1899 г. Статья Гельрота «Из прошлого и настоящего горнозаводской промышленности Екатеринославской губернии».

снега. Отделения для формовки литья совершенно темны, с небольшими окнами в стенах, всегда закопченными стенами и потолками; во время и после отливки чугуна долго наполнены дымом и угаром вследствие неустройства или недостаточно рационального устройства вентиляции: такая обстановка работ вредно отзывается на здоровьи рабочих и в особенности на зрении литейщиков...»[1]).

А Екатеринославский Комитет РСДРП в своем «Обращении к рабочим Каменского завода» (Днепровского) от 17/XI 1903 г. перечисляет яркие факты произвола администрации и невыносимых условий работы и жизни рабочих Днепровского завода[2]).

Факты, упоминаемые в обращении, находят подтверждение и в толстых папках архива бывш. Горного Управления Юга России, где имеется масса жалоб рабочих предприятий юга России и, в частности, рабочих Днепровского завода на свое тяжелое положение. Даже комиссия, состоявшая из чиновников Горного департамента и Горного Управления южной России, которой было поручено обследовать положение рабочих юга России в 1900 г., отмечает ряд вопиющих фактов жестокой эксплоатации рабочих.

«... Отмеченные в книге штрафы, — пишет комиссия, — очень часто превышают нормы, утвержденные в табели взысканий, например: за неисполнение «обязанностей» — 3 рубля, за неосторожную «езду» — 1 р. 40 к., «за скандал в больнице» — 3 руб., за «прогул» — 5 р., «за подговор товарищей к побоям» — 3 р. Браковка изделий практикуется, но за брак рабочим плата не полагается. По бухгалтерским книгам видно, что на 6000 рабочих штрафного капитала приходится 4000 рублей в год.

---

[1]) «Екатеринославская губерния». Выпуск третий. Памятная книжка и адрес-календарь на 1903 г. изд. 1903 г. Статья Аксенова: «Положение фабрично-заводской промышленности и рабочих Екатеринославской губернии в 1899 и 1900 г. г.», стр. 139, 140, 141.

[2]) Вот текст части этого обращения... «Тяжело и плохо положение рабочего люда всюду, но таких каторжных условий, как на Каменском заводе, вряд ли где встретишь. Где это видано, чтобы работа продолжалась целый год без всяких праздничных дней и чтобы приходилось работать 12 часов под ряд, а иногда и 18, не имея перерыва ни на завтрак, ни даже на обед!

Где это слыхано, чтобы с рабочих вычитывали на ремонт зданий, на поправку машин, инструментов! (Между прочим, эти факты подтверждает и корреспонденция в «Революционную Россию» от 15/II 1904 г. № 41, стр. 19.— Т. С.).

Редко администрация бывает так нагла и дерзка в своем грабеже, как наша. Разве это не дневной грабеж, когда в наших расчетных книжках для того, чтобы впоследствии выдавать меньше пенсии, выставляется половинная поденная плата? Нашим кровопийцам, видно, мало тех барышей, которые они получают от нашего труда, и они, придираясь к каждому случаю, штрафуют нас; по закону полагается штрафные деньги употреблять на улучшение быта рабочих, но куда идут штрафные деньги у нас и какие улучшения нашего быта сделала наша администрация? Ничего подобного мы не видим и, очевидно, штрафные деньги идут на улучшение быта хозяев и на украшение их палат, на платья их женам. Работая день изо дня в пыли, в дыму и копоти, над всякой дрянью, а в некоторых мастерских так прямо ядовитыми газами, подвергаясь сквознякам, простуживаясь, переходя из пылающего горна на холод, немудрено, если мы скоро становимся неспособными к труду. А если бы в должных местах были поставлены вентиляторы, а двери и окна содержались бы в лучшем порядке, мы бы не так часто наживали болезни, как это бывает теперь; меньше было бы больных и тогда, если бы у нас была баня. Администрация завода давным-давно могла бы выстроить баню на награбленные деньги, если бы она того хотела, но разве тяжело от этого, что мы ходим постоянно в грязи, что нам

Штрафы взимаются за всякое малейшее неисполнение «обязанностей» от 3-х до 6-ти рублей»[1]).

Далее из материалов обследования видно, что на Днепровском заводе администрация ни только не выдавала под разными предлогами полностью заработную плату, но и урезывала ее еще и разными вычетами. Производились вычеты: на церковь, за лавку и так называемые «случайные», под которыми подразумевались вычеты на различные пожертвования по добровольной подписке рабочих. Вычеты эти достигали больших размеров; так, например, на вычеты из заработка рабочих были построены три церкви: православная, католическая и лютеранская. Контора завода высчитывала 1% на православную, 2% на католическую, а размер вычета на лютеранскую церковь не был точно установлен. Свое постановление о вычетах администрация провела через общие собрания рабочих и служащих. После этого с каждого вновь поступающего на завод рабочего отбиралась подписка о согласии на вычеты...

Несчастные случаи на предприятиях были очень часты, и администрация не принимала обычно никаких мер.

По этому поводу в 1905 г. была разбросана на заводе прокламация РСДРП «Барыши, а не жизни», в которой описывались кошмарные условия труда на Днепровском заводе[2]).

Из сведений о количестве несчастных случаев на Днепровском заводе за время с 1899 по 1906 г., помещенных в брошюре «Рудники и Днепровский завод» и в «Описании Днепровского завода», мы видим, что в среднем около 40% рабочих ежегодно выбывало почти на месяц из производственного строя. Учитывая,

---

негде отмыть всю ту копоть и пыль, что садится на нас во время работы? Заставляя работать нас до потери сил, вытягивая из нас все соки, потом, как выжатый лимон, выбрасывает нас на улицу для голодной смерти. Администрация завода даже и в то время, когда у нас есть работа, заставляет многих из нас жить чуть ли не впроголодь; мыслимо ли быть сытым, если получаешь от 18 до 30 рублей в месяц? Правда, на нашем заводе есть люди, которые зарабатывают хорошо, но много ли их и кто они? Все они близкие начальству люди и прихвостни буржуазии. А большинство? Сколько они получают?— Жалкие гроши. Да и можно ли выработать достаточно, если у нас такие расценки, что при них нельзя даже выработать поденной платы? Администрация платит нам сдельно, ей это выгодно — мы, ведь, будем стараться, мы, ведь, напряжем все силы, чтобы окончить работу скорее: нам своих сил не жалко. Когда заказов много и хозяевам выгодно кончить их скорее; когда их мало и нам не хватает работы, то хозяевам от этого горя мало — они, ведь, не заплатят даже поденной платы; лишь мы одни будем страдать. Если бы сдельная плата была уничтожена и нам была положена поденная плата, которая равнялась бы нашей лучшей сдельной выработке, то наше положение было-бы всегда одинаково и нам не пришлось бы растрачивать понапрасну свои силы. Всюду, где только возможно, наши хозяева стремятся урвать от нас заработанные деньги — вместо того, чтобы еженедельно выдавать наши заработанные деньги, они держат их у себя по нескольку недель для того, чтобы и тут получить прибыль; они кладут их в банки и получают %%, там пускают в оборот, а мы принуждены покупать в лавках в кредит разное гнилье и платить за него втридорога. Грабя нас, администрация не забывает унижать нас чуть ли не ежеминутно: сколько ругани, а иногда и пинков достается нам от мастеров и инженеров! Наше человеческое достоинство попирается на каждом шагу»...

[1]) Архив бывш. Горного Управления Южн. России. Дневник по обследованию положения горнорабочих, представленный комиссией по обследованию в Горный Департамент.

[2]) Вот текст ее: «Молоты бьют и бьют... люди мучаются и погибают — то рабы капитала пригвожденные к своим тачкам, станкам, отдают свои последние соки сытому телу капитала, то наемные

что регистрация несчастных случаев не была вполне точна, мы можем предположить, что количество несчастных случаев было еще больше. Вышеупомянутая комиссия по обследованию предприятий, не склонная к преувеличениям, писала, что посещаемость рабочими заводской больницы Днепровского завода доходит до 82 тысяч номеров в год и что количество раненых и больных всегда было настолько велико, что обширная заводская больница не в состоянии была во-время оказывать необходимую медицинскую помощь, и ежедневно сотни рабочих ожидали выдачи лекарств. Врачебного приема часто приходилось ожидать несколько дней. Такая «скорая» медицинская помощь, естественно, вызывала справедливые жалобы рабочих. В присутствие по горнозаводским делам неоднократно поступали коллективные жалобы рабочих на медицинский персонал.

За время лечения администрация выдавала пособия из штрафного капитала. Общая сумма пособий не превышала суммы штрафного капитала и администрация завода усиленно практиковала штрафы, чтобы во время болезни рабочего выдавать их в виде пособий. Рабочие же, получившие во время работы увечье, оставались в большинстве случаев необеспеченными. Оставшись калекою, рабочий претерпевал целый ряд мытарств. Дело начиналось всегда с торга с агентом О-ва, который назначал поразительно ничтожную сумму вознаграждения. Если рабочий на предложенную сумму не соглашался, то агент бесконечно тянул дело, ссылаясь то на врача, то на правление Общества в Петербурге. Прием этот имел целью заставить находящегося в безвыходном положении и обремененного голодающей семьей калеку согласиться на всякие условия и удолетвориться ничтожным вознаграждением, ибо, в случае обращения в суд, он должен был бы ждать решения его 4 — 5 лет.

рабочие доставляют «заработки» капиталистам-богачам... Подметая на электрическом кране, упал с 5-тисаженной высоты молодой рабочий. Он убит, но грозный голос капитала не дрогнет — молча принял он эту новую жертву, ни один молот не перестал бить, ни одно колесо вертеться. Лишь рабы вздохнули: «то же и нас ждет»,— говорили они. Он убит за то, что при работе получил головокружение, а администрация не приняла должных мер на этот случай... зачем регулировать действия рабочего к машине, (?) лишь бы производство правильно было распределено на заводе, нам нужны барыши, а не жизни; «пусть будет осторожнее, урок для других»;— проговорит искренний буржуа и сердечно настроенный начальник.

Убит рабочий по вине буржуазной алчности, не желавшей израсходовать лишнюю сумму на устройство ограждений на случай падения.

Угасла молодая жизнь человека. Его фамилия Козлов. зачем его фамилия? Что такое его жизнь? Не люди нужны капиталу—он, бездушный, требует лишь рабочих голов, они проходят у него, как бездушные предметы, под номерами. Убит номер такой-то, а не Козлов,— скажет администрация. В вальце-токарной убит шестерней человек, ему размозжило голову. В другом месте проволока прошла под сердце и вышла красная. Не стало человека. А там, в листо-прокатном, шлак попал в бок — не стало мученика.

Много погибло товарищей. Для течения барышей в карманы эксплоататоров нужны лишь рабочие руки, руки, а не люди, номера рук, а не фамилии. Что ни год, то несколько новых случаев, а сколько раненых, калек, увечных!

Одна заводская больница перевязывает ежедневно 150 — 200 чел. Так каждый год, каждый месяц, сколько жизней приносится в жертву ненасытному молоху и он их забирает! Утешься, товарищ: ты все соки отдал, теперь живи воспоминаниями, оставь заботы: нигде тебе не найти работы, ты стар, суму в руки — и иди, туда тебе и дорога

(Архив Днепропетровского Истпарта)

Однако, несмотря на такие перспективы, случаи обращения рабочих по делам об увечьях в суд были весьма часты. В 1899 г., например, число обращавшихся в суд доходило до 30% всего количества пострадавших. В делах фабричной инспекции и громадных томах архива Горного Управления Южной России можно найти обильный материал для характеристики фактического положения этого вопроса на Днепровском заводе. Из материалов этих видно, что вопрос о вознаграждении рабочих за увечья и о выдаче пенсий утратившим трудоспособность был очень больным вопросом на Днепровском заводе. Искалеченные и больные рабочие нищими выбрасывались на улицу.

Жилищные условия также были неудовлетворительны. За казенные квартиры, которые предоставлялись только рабочим, нанимаемым конторой завода, взималась весьма высокая плата, а рабочие, нанимаемые подрядчиками, помещались в очень скверных квартирах.

Все это вместе взятое делало жизнь рабочих-днепровцев очень тяжелой и заставляло вести энергичную борьбу с предпринимателями за улучшение своего быта.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДНЕПРОВСКОМ ЗАВОДЕ

О зарождении революционного движения на Днепровском заводе в архивных документах имеются лишь отрывочные сведения. Из документов жандармского управления видно, что среди рабочих завода очень рано появляются революционеры, прошедшие школу подпольной работы. Это были в большинстве случаев рабочие, высланные из Польши за принадлежность к Польской социалистической партии.

Особенный наплыв польских рабочих на юг России наблюдался в 1895—97 г.г. Как квалифицированные рабочие, они быстро находили работу на заводах. В 1895 году приехал в Каменское рабочий Войцицкий и поступил слесарем на Днепровский завод. Войцицкий находился под надзором полиции после того, как по политическому делу отбыл годичное тюремное заключение.

В 1896 прибыл в Каменское высланный из Польши рабочий слесарной фабрики Секержинского в Варшаве, Езиоровский, в 1897 г. поступил слесарем на завод Веселовский (рабочий варшавского механического завода Руцкого), сидевший $1^1/_2$ года в петербургской тюрьме за политическую деятельность и высланный из пределов Привислянского, Северо-Западного и Юго-Западного края на 3 года под надзор полиции.

В период с 1896 года по 1900 г. из Польши в Каменское приезжает до 20 чел. рабочих [1]). Большинство из них, как видно из переписки жандармского управления, принимало активное участие в революционном движении Польши. Эти рабочие и вошли в состав организовавшегося в Каменском с.-д. кружка, связавшегося с одной из с.-д. групп в Екатеринославе. Точных сведений о времени возникновения этого кружка найти не удалось.

Организацию каменского кружка можно отнести к 1895 г. В органе Союза русских социал-демократов «Рабочее дело» (№ 1, апрель 1899 г.) в статье

[1]) Арх. Днепропетровского Истпарта, дела №№ 2, 27, 29 и 31 за 1896 — 7 г. г.

«Рабочее движение в Екатеринославе с 1895 г.» упоминается об организации кружка: «за 1895 — 96 г. г. рабочее движение в Екатеринославе на Каменском заводе носило характер кружковых организаций. В это время интеллигентных сил здесь было, повидимому, достаточно и дело пропаганды шло довольно успешно; кружки были организованы на многих крупных заводах — на Брянском, Каменском, в железнодорожных мастерских и пр.».

А в статье Акимова-Махновца «Первый с'езд РСДРП», помещенной в журн. «Минувшие годы» за 1908 г., мы находим следующие сведения о каменском кружке.

Характеризуя Екатеринославский Союз Борьбы, он указывает, что приехавший в 1897 г. из Киева Петрусевич, делегат от Екатеринославского К-та на 1-с'езд РСДРП, застал в Екатеринославе две интеллигентских с.-д. группы, состоящих — одна из четырех, другая из пяти человек; каждая из них имела по 2 — 3 рабочих кружка; вскоре возник кружок из польских рабочих в селе Каменском, которым руководил Петрусевич. Между екатеринославскими с.-д. группами возникли горячие споры по вопросу о переходе от кружковщины к агитации на экономической почве. Кружок польских рабочих с самого начала признал агитацию основным методом своей деятельности.

Тов. Ив. Бабушкин в своих воспоминаниях также упоминает о каменском кружке. Вот что он пишет: «Насколько я знаю, до нашей организации, положившей в основу начало широкой агитации по всем заводам, существовала старая организация, которую можно назвать организацией ремесленного характера и которая ничем особенно ярко себя не проявила. Мы же раньше, чем приступить к активной работе, предначертали программу своих действий; для этого были завязаны связи со многими заводами и даже с находящимся в 30 верстах от Екатеринослава Каменским. Происходили правильные сношения с Каменским заводом, готовились отдельные листки, но они приурочивались к одному моменту, т.-е. ко дню, в который листки будут распространены в Екатеринославе. Необходимо упомянуть, что конец 1897 и начало 1898 г. г. были блаженными временами в Екатеринославе и его районе для лиц, распространяющих листки... Как-то вечером получились первые листки, предназначавшиеся для Екатеринослава, Заднепровья и Каменского. Для первого раза распространение листков обошлось очень удачно — никто из участников не был замечен. Так обстояло дело в самом Екатеринославе и на окраинах его. Но еще ничего не было известно о Каменском. Наконец, пришло и оттуда приятное известие. Это значило, что начало было очень удачно, и понятно, что оно подмывало нас выпустить в ближайшее время и другие листки. Спустя около месяца после первых были приготовлены листки для заводов, при чем для каждого завода был специальный листок... Полученные листки были распределены так: одни предназначались для железнодорожных, другие—для Брянского, третьи — Гвоздильного, четвертые—для Галлерштейна, пятые — для Заднепровских мастерских и последние—для Каменского. В общем было что-то около 8-ми разных листков. Каждый отражал всевозможные злоупотребления и беспощадные обирания на том заводе, куда попадал... На Каменском заводе в разбросанных листках требовалось учреждение больничного покоя при заводе; на другой же день был вытащен из цирюльни

фельдшер и помещен при заводе; там же требовалось устроить двое выходных дверей, и это было также удовлетворено. Местный пристав вообразил, что должна произойти какая-то стачка, и не зная, чего собственно хотят рабочие, схватился за листок, в котором были выставлены требования, каковые без всякой просьбы со стороны рабочих тут же были удовлетворены... Рабочие, прочтя в листке то, что было на самом деле, и видя наглядно справедливость указаний, проникались желаниями положить конец хотя бы части безобразий; словом, стоячее болото начало рябиться, так что можно было ожидать сильного волнения... После 3 или 4 листков, распространенных на Каменском заводе, рабочие, распространявшие этого рода литературу, навлекли на себя подозрение. Как-то в воскресенье приезжает ко мне сначала один из распространителей, потом еще один и сообщают о своем намерении бежать в Австрию, где гораздо лучше и свободнее, чем в России... Я убедительно просил моих каменских товарищей сообщить мне о благополучном миновании русской границы. Они обещали мне это. И я действительно вскоре узнал о благополучном прибытии их в один австрийский город, где они вскоре получили работу. Эти товарищи, уезжая, оставили нам связи, и после их от'езда появление листков продолжалось так же правильно, как и раньше...» [1]) В переписке жандармского управления, совпадающей по времени с описанными фактами, имеются материалы об аресте рабочих. На основании их можно предположить, что произошел провал каменского с.-д. кружка, в результате которого некоторые работники были заключены в тюрьму, другие взяты под надзор полиции, а третьи поспешили раз'ехаться. Однако оставшиеся члены кружка снова организовали работу. В 1898 году, как видно из обвинения, пред'явленного Екатеринославским жандармским управлением рабочему Днепровского завода А. В. Шалимову за принадлежность к с.-д. организации и партработу на Днепровском и Нижнеднепровском заводах, каменской кружок регулярно собирался, имел свою кассу, библиотеку, распространял нелегальную литературу среди рабочих [2]). Литературу каменской кружок получал большей частью из Екатеринослава, с которым у каменчан была тесная связь [3]).

В 1898 г. на Днепровском заводе были введены новые расчетные книжки, в которых были исключены 12 праздников и изменен пункт относительно ответственности хозяев за увечья рабочих. По новым правилам завод не принимал

[1]) Воспоминания Бабушкина. Изд. «Прибой» за 1925 г., стр. 89, 90, 92, 94, 100.

[2]) Архив Днепропетровск. Истпарта, 1901 г., дело № 67, стр. 469.

[3]) В присланном Днепропетровским Истпартом ответе А. Шалимова на вопросы, затронутые в обвинении, пред'явленном ему в 1901 г. Екатеринославским жандармским управлением, он, сообщая Истпарту, что на Днепровском заводе он работал с 13/V 1896 г. по 8/IV 1899, совершенно не упоминает о существовании каменского кружка до 1898 г. А. Шалимов указывает лишь, что он и токарь Годымский (поляк, повидимому, один из рабочих, прибывших из Польши) «частенько мечтали сорганизовать кружок» и что в начале 1898 г. в их общей квартире начал собираться кружок в 9 — 11 человек. А. В. Шалимов сообщает, что руководителем каменского кружка в это время был поляк, по имени Ян (фамилия Кумянский или Куманяк), известный в кружке под кличкой «оратор Ян», который снабжал кружок литературой, и что «на собраниях говорилось большею частью о жизни и борьбе заграничных рабочих и их вождях, меньше о русских рабочих».

В 1899 г. Шалимов перешел на другой завод и о дальнейшей работе кружка, очевидно, ничего не знает. — Ред.

на себя ответственности за несчастные случаи, если они произошли «по собственной неосторожности». Заводоуправление заставило рабочих подписываться на книжках с новыми условиями найма. Часть рабочих доменного отделения, около 70 человек, 12 июня бросила работу и спокойно вышла из завода. На их место были посланы рабочие пудлингового отделения. 13-го июня из 700 рабочих доменного отделения новые расчетные книжки подписали только 380, остальные отказались. Волнение распространилось и на остальные цеха и, как почувствовала администрация, могло кончиться забастовкой. Администрация поспешила принять меры. Из Екатеринослава был вызван батальон солдат и под угрозой штыков рабочие принуждены были подписать новые расчетные книжки. 233 человека, отказавшиеся подписать книжки, были уволены. На их место приняли других рабочих. Администрация, донося об этом в Горное Управление, сообщала, что волнения совершенно улеглись и нет оснований ждать их снова [1]). Новые расчетные книжки с изменениями условий найма были введены без предупреждения рабочих, и они не имели времени подготовиться к организованному выступлению.

После этого случая, вплоть до 1900 года волнений на Днепровском заводе не было.

В период с 1898 по 1900 г. связь Каменского кружка с Екатеринославской организацией РСДРП еще более укрепилась. За это время среди рабочих было распространено много печатных и гектографированных прокламаций и воззваний за подписью Екатеринославского комитета. В этих прокламациях рабочие призывались как к экономической борьбе, так и к борьбе за политическую свободу. В 1898 и 1899 г. г. выпускается целый ряд прокламаций с обращением непосредственно к рабочим Днепровского завода. Прокламации эти имели большое влияние на рабочих и заставили местную полицию приняться за усиленный розыск виновников их распространения [2]). К 1900 году каменская организация РСДРП настолько окрепла, что выпускала прокламации и воззвания за своей подписью и печатью.

В 1900 году на Днепровском заводе неожиданно для администрации возникла забастовка кочегаров. 15 мая в 7 часов вечера рабочие ночной смены, работающие на отоплении центральной группы паровых котлов, в числе 30 — 35 человек, бросили работу. Мотивировали они свой отказ трудностью работ и пред'явили требование ввести 8-мичасовый рабочий день или повысить заработную плату.

Кочегарам не только было отказано в удовлетворении их требований, но заведующий центральными котлами Макомасский поспешил обратиться за содействием к приставу села Каменского. Пристав арестовал 8 человек, отказавшихся продолжать работы на прежних условиях. На место арестованных были посланы другие рабочие. Остальные кочегары принуждены были возвратиться к котлам [3]).

Это было первое выступление рабочих Днепровского завода, когда были пред'явлены требования введения 8-мичасового рабочего дня и увеличения заработной платы. Но и это выступление так же, как и выступление в 1898 году,

[1]) Архив б. Горного Управления Южн. России, дело № 336—21, рапорт окр. инж. от 18/VI 1898 г.

[2]) Архив Днепропетр. Истпарта, дело № 13 за 1899 г.

[3]) Арх. бывш. Горн. Управл. Южн. России, отн. окр. инж. от 17/V 1900 г., № 139.

носило еще местный, цеховой характер. Не было согласованности, не было поддержки других цехов. Оба выступления возникли стихийно, без всякой подготовки и прошли без руководства. И первое и второе потерпело неудачу, закончившись увольнением стачечников, и не имело еще большого влияния на остальную массу рабочих.

О работе Каменской организации РСДРП в 1901 году в архивах сохранилось мало данных. Есть лишь указания, что Каменским комитетом РСДРП распространялись прокламации и воззвания, имевшие большое влияние на рабочих.

Из воспоминаний известного с.-д., работника Шелгунова, видно что Каменской комитет и в этом году поддерживал попрежнему связь с Екатеринославским комитетом РСДРП [1]).

ПЕРЕХОД К МАССОВОЙ РАБОТЕ

1903 год проходит под знаком широкой агитационной работы, захватывающей не только рабочих Днепровского завода, но рабочих и служащих мелких мастерских села Каменского. Вопросы не разрешаются уже в кружках, а выносятся и разбираются на сходках. Каменской комитет не ограничивается распространением прокламаций, а, получая нелегальную литературу из-за границы, прорабатывает ее на рабочих собраниях.

Так, 6-го августа 1903 г. в леваде Горба во время чтения газеты «Искра» была арестована сходка, на которой присутствовало 16 человек.

В архивных делах мы находим указание, что в Каменском в 1903 году была тайная партийная типография. 15-го октября 1903 года начальник охранного отделения, донося в департамент полиции о Екатеринославской организации «искровцев», писал, что «по агентурным сведениям «искровцы» имеют в своем распоряжении две типографии: из них одна, более основательно устроенная, находится в селе Каменском, другая же, летучая, в Екатеринославе. В этих типографиях изготовляются воззвания к рекрутам, новобранцам, солдатам и отдельные воззвания к рабочим по поводу фабричных старост [2]).

Оживление в работу Каменского комитета вносили посещения видных екатеринославских социал-демократов. 30 ноября 1903 г. в Каменском состоялась сходка, на которую в целях пропаганды приезжал Коростелев, видный агитатор, составлявший и редактировавший прокламации [3]). Через две недели, т.-е. 14 декабря на вновь состоящуюся сходку прибыли из Екатеринослава и другие видные работники, «члены Екатеринославского комитета», как говорится в материалах охранки: Кременчужский, Образцов, Фельдман, Шнеерсон, а также социал-демократка «Шикарная» [4]), прибывшая из Ростова, за которой была установлена усиленная слежка и которая впоследствии была арестована [5])...

[1]) „История Екатеринославской соц.-дем. организации", т. I, стр. 267, изд. Екатеринославского Истпарта.

[2]) Арх. Днепропетровского Истпарта, 1903 г. дело № 219.

[3]) Арх. Днепропетровского Истпарта, 1903 г., дело № 308 а).

[4]) Раскрыть эту жандармскую кличку не удалось. Очевидно, кличка «Шикарная» была дана охранкой какой-то видной эсдечке, так как за ней во время ее поездки производилась непрерывная слежка.

[5]) Арх. Днепропетровского Истпарта, 1904 г., дело № 243, стр. 60.

В конце 1903 г. на Днепровском заводе вспыхнула забастовка. Промышленный кризис, охвативший всю Россию, на Днепровском заводе дал себя почувствовать уже в 1901 году, когда, вследствие отсутствия правительственных заказов на чугун и рельсы, заводоуправление предполагало остановить две доменные печи и расчитать 1800 рабочих. После запроса о заказах была остановлена в 1902 г. одна из доменных печей и началось сокращение рабочих. В 1901—1902 производственном году число рабочих уменьшилось с 7157 до 6300, а в 1903 году было сокращено еще 300 человек. В общем было расчитано 850 человек рабочих[1]). Заработная плата, стоявшая раньше на уровне 450—460 руб. в год, в 1903 г. пала до 410—420 рублей.

В течение всего 1903 года среди рабочих замечалось глухое брожение. Безработные толпились у ворот завода, ожидая получения работы. Грубое обращение администрации в лице нового директора и постоянные штрафы подготовляли почву для возмущения рабочих. 17 декабря для рабочих доменного отделения были введены новые расценки, по которым заработная плата была уменьшена до 20%. Этот факт, естественно, еще усилил брожение в рабочей массе. Инженеры, соприкасавшиеся с рабочими, чувствуя, что может вспыхнуть забастовка, обратились к директору с просьбой дать директивы на случай стачки. Директор считал, что для таких опасений нет оснований... Рабочие доменного отделения, узнав о понижении заработной платы, заявили протест...

20 декабря заработная плата была выдана уже по пониженным расценкам и неполностью. Часть заработка администрация предложила получить товарами из потребительской лавки[2]). Это еще больше взволновало рабочих. В тот же день во время обеда рабочие вывесили об'явление, приглашавшее директора завода и начальника отделения придти к 6-ти часам вечера в контору доменного цеха для переговоров. Директор не явился. Собравшиеся рабочие дневной и ночной смены, не дождавшись директора, начали волноваться и потребовали остановки остальных цехов. Дежурный инженер старался успокоить рабочих, уверяя их, что плата будет оставлена прежняя. Но рабочие доменного отделения настойчиво требовали директора завода. Когда площадь вблизи доменных печей была заполнена полуторатысячной толпой, директор, наконец, явился. Приказав инженеру прекратить разговоры с рабочими, так как через два часа из Екатеринослава прибудут солдаты — и тогда увидим, «что заблеют эти бараны», директор заявил рабочим, что расценки останутся прежние, если рабочие приступят к работам, и собрался уходить. Рабочие, видя, что директор не желает говорить с ними, стали бросать вслед ему камни и палки. Администрация приказала потушить электричество на заводе. Тогда толпа рабочих из доменного отделения двинулась в другие цеха, где к ним примкнули остальные рабочие. Потом рабочие направились к контрольным воротам... Они оказались запертыми. Требование рабочих открыть ворота не было удовлетворено. Разбив ворота и будки сторожей, толпа рабочих сорвала двуглавый орел и с криками: «долой проклятого орла» разошлась. Часть несознательных рабочих стала грабить и поджигать

[1]) Арх. бывш. Горн. Упр. Южн. России, рапорт окр. инженера.

[2]) „Революционная Россия“ 15/II 1904г., №. 41, стр. 18.

магазины о-ва потребителей и другие заводские здания. Несколько заводских зданий было сожжено...

Вызванные директором два батальона солдат заставили рабочих 23-го декабря приступить к работам [1]).

Расследование по делу о забастовке 1903 г. было передано судебному следователю по важнейшим делам. Забастовка эта имела большое значение. Это было первое совместное выступление рабочих всего завода, встряхнувшее массы, задавленные жестокой нуждой. Вот что писал корреспондент «Революционной России» по поводу забаставки 1903 г.: «Многие из нас считают, что безнравственно жечь и грабить заводское добро. Это не заслуживает похвалы; но таких была только кучка — 50 человек. Они слишком темны, неразвиты для того, чтобы бороться за общие интересы. Они грабили заводское добро и считали, что тем изменят свое бедственное положение. Мы рады тому, что эти угнетенные и задавленные, тянувшие на себе с кровавым потом так долго ярмо, начали выпрямлять свои усталые спины и стараются сбросить с себя это проклятое ярмо кровопийц» [2]).

Имелось ли руководство этой забастовкой со стороны Каменской с.-д. организации? Вот что писал по этому поводу начальник охранного отделения: «Из противоправительственных организаций на Днепровском заводе функционирует незначительная группа социал-демократов. Беспорядки произошли для этой группы совершенно неожиданно без всякой с ее стороны подготовки. Настоящий случай является иллюстрацией того, насколько тяжело положение рабочих на Днепровском заводе. Это (т.-е. тяжелое положение. — Ред.) заставило рабочих даже без противоправительственных элементов устроить беспорядки с целью улучшения положения. После происшедших беспорядков в селе Каменском неблагонадежные лица воспользуются приподнятым настроением рабочих и поведут деятельную пропаганду» [3]).

А вот что писала «Искра» по поводу забастовки: «Екатеринослав. Надних недалеко от Екатеринослава (в Каменском) произошло изрядное волнение среди рабочих. Отсюда был послан туда человек, чтобы на месте ознакомиться с делом и собрать материал. Оказалось, что возмущение рабочих по поводу понижения расценок проявилось в чисто стихийной форме: они подожгли завод, поломали несколько машин, разрушили потребительскую лавку и, кажется, порядком побили директора завода. Рабочие об'явили прекращение работ на заводе, но, повидимому, стачка продолжалась недолго, так как там полное отсутствие сознательных рабочих и организации, которая бы взяла на себя руководство стачкой. Вокруг завода расставлены патрули, полиция врывается во все дома и производит повальные обыски. Арестовано много рабочих.

Литературы совсем нет. «Искра» получается чуть ли не в одном экземпляре на весь город...

---

[1]) Арх. бывш. Горн. Управл. Южн. России, дело № 336 — 21, отнош. № 3201

[2]) «Революц.» Россия, 15/II 1904 г., № 41, стр. 19

[3]) Архив Днепропетр. Истпарта 1903 г.

... В частном письме о тех же беспорядках сообщают следующее. Беспорядки произошли 20 декабря, в субботу, при расчете. Причина — понижение расценок, которое должно было вступить в силу с 1 января. Повидимому, рабочие, бросив работу и пред'явив директору Гужевскому свои требования, были выведены из себя его грубостью и перешли к разгрому. Пострадали квартиры директора и двух лиц из администрации, две лавки общества потребителей, две заводские конторы. Директор и полицейский пристав ранены. В 3 часа дня прибыл екатеринославский губернатор с войском, но улицы уже были пусты.

Понижение расценок было не единственной причиной неудовольствия рабочих. Администрация в лице нового директора грубым обращением и постоянными штрафами подготовила возмущение. Говорят, что 20 декабря при расчете рабочим был недодан заработок, а из выданной доли (вопреки закону) часть было велено получить товаром из потребительской лавки. Это и вызвало, по слухам, беспорядки, при чем директора хотели даже бросить в реку. Большинство здешних рабочих поляки» [1]).

Несмотря на то, что 1904 год на Днепровском заводе прошел без рабочих волнений, работа партийной ячейки оживилась. Был выпущен ряд воззваний с призывом не идти на войну, в которых рабочим раз'яснялись причины и цели империалистической русско-японской войны. В 1904 году установились более тесные связи с Екатеринославом, откуда Каменской комитет регулярно и в большом количестве получал литературу. Об этом свидетельствует следующий факт. 14 марта 1904 года на ст. Запорожье был задержан Абрам Жмудин. При осмотре имевшейся у него в руках небольшой плетеной корзины в ней оказались разные нелегальные издания — около 3000 экземпляров. Среди этого транспорта литературы, предназначенного для села Каменского, были брошюры и воззвания: «Всеобщая стачка на юге» — 130 экз., «Сердечный циркуляр» — 31 экз., «Речь Гольдблата» — 38 экз., «Кто чем живет» — 95 экз. и прокламации: «Товарищи» — 1611 экз., «Для чего должен умирать русский солдат» — 95 экз., «Извещение об очередном с'езде РСДРП» — 15 экземпляров.

Путем расследования охранка установила, что Абрам Жмудин жил исключительно на средства Екатеринославского социал-демократического комитета и все свободное время посвящал систематическому выполнению конспиративных поручений и заведывал снабжением провинции революционной литературой [2]).

Произведенные в январе и апреле 1914 г. аресты екатеринославских социал-демократов ослабили работу в Каменской социал-демократической организации. Вместе с другими в Екатеринославе был арестован Зиновий Щап, заведывающий доставкой в провинцию шрифта и литературы, от которого Жмудин получал литературу для Каменского. Одновременно с арестами в Екатеринославе в Каменском были произведены обыски у Сенкевича, Закжевского и Воробьева [3]).

---

[1]) «Искра» от 15 января 1924 г. № 57 «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов».

[2]) Архив Днепропетр. Истпарта, дело № 136, 1904 г.

[3]) Там же, дело № 2, 1904 г., стр. 21.

1905 ГОД НА ДНЕПРОВСКОМ ЗАВОДЕ

В конце 1904 г. на заводе снова замечается глухое брожение, а в 1905 г., как и по всей России, возникает ряд стачек, которые проходят под прямым и непосредственным руководством Каменского комитета РСДРП. Все требования рабочих к администрации составлялись комитетом.

В начале 1905 года для руководства забастовочным движением была организована стачечная комиссия. Первая стачечная волна в 1905 г. поднялась в конце января в ответ на петербургские расстрелы... Носила она характер политического протеста против расправы над петербургскими рабочими. Одновременно были выставлены требования экономического характера. Основными требованиями были: повысить заработную плату и ввести восьмичасовый рабочий день. Каменская организация с.-д. послала адрес петербургским рабочим, в котором днепровцы приветствовали питерских пролетариев с вступлением на путь освободительного движения. «Застигнутые врасплох, оглушенные непривычным движением в либеральном мире — пишут в адресе днепровцы — мы, рабочие, не должны вдаваться в обманчивые иллюзии, — мы должны помнить, что вся эта оглушительная фразеология рассеется, как дым, при первом благоприятном дуновении ветерка. Мы должны помнить, что все эти красивые речи кроют за собою самое бедное содержание и суть речи либеральных буржуа, стесненных самодержавным игом. Дайте им ту свободу, которая нужна им, и посыплются в таком же изобилии такие же громоносные статьи, речи, протесты, резолюции, петиции и т. д. против «проклятых», «ненавистных» рабочих, которые «ничем не удовлетворяются», которые требуют все больше и больше свободы, т.-е. по-нашему свободы, которая нам необходима. Не о рабочем классе заботятся все эти либеральные земцы, требующие «привлечения местных людей для обсуждения государственных нужд», а только о себе. Мы, рабочие, освободимся не через мирное соглашение с нашими политическими противниками, а только путем народной революции. Мы призываем вас — стойте дружно за наше родное рабочее дело, не поддавайтесь сладким песням либеральных сирен, будьте уверены, что вся рабочая Россия поддержит вас в нашей общей великой борьбе» [1]).

11 января волнение среди рабочих усилилось. Встревоженный директор завода сообщил окружному инженеру и губернатору, что на заводе могут возникнуть беспорядки [2]).

Губернатор 11 января вечером созвал совещание по вопросу предупреждения стачек на екатеринославских заводах. На этом совещании окружному инженеру было предложено ехать в Каменское.

12 января вечером некоторые цеха прекратили работу и приступили к переговорам с администрацией завода. В это время среди рабочих были разбросаны прокламации с извещением о забастовках кавказских и петербургских рабочих. В них рабочие призывались к поддержке бастующих.

---

[1]) «Вперед» 1905 г. 14/II, № 6.

[2]) Арх. бывш. Горн. Упр. Южн. России, дело № 339 — 21, отн. № 1171.

Прибыв в Каменское 12 января утром, окружной инженер установил, что в течение трех дней, с 12 по 15 января, ничего определенного по поведению и настроению рабочих нельзя было заметить. Но администрация завода ожидала вспышки изо дня в день. Полиция была того же мнения...

15-го января снова были разбросаны прокламации, призывающие к стачке. Рабочие быстро подобрали их и унесли. Желающих получить прокламации было так много, что для всех не хватало [1]).

Прокламации эти имели большое влияние на рабочих. Они волновались и готовы были ежеминутно оставить работу во всех цехах. В 7 часов вечера, после смены, в контору прокатных отделений было сообщено, что кочегары центральной группы котлов оставили работу, а в новых прокатных отделениях какие-то люди остановили электрические двигатели, потушили освещение и побежали в доменное отделение. Об этом сообщили по телефону начальнику доменного отделения. Окружной инженер и начальник прокатных отделений направились к электрической станции, чтобы помешать остановить отделение... Благодаря принятым администрацией и полицией мерам, начать забастовку 15-го января не удалось.

16-го января брожение среди рабочих усилилось. А 17-го января рабочие оставили работу и об'явили забастовку. Несмотря на сильное возбуждение, провести организованно всеобщую забастовку однако не удалось...

Часть доменных рабочих была подкуплена начальником доменного отделения, который раздавал им деньги, приписывал лишние дни и спаивал водкой...

Когда часть рабочих явилась в доменное отделение и потребовала остановки работ цеха, пьяные рабочие по приказанию начальника цеха начали избивать пришедших товарищей.

18-го января рабочие вынуждены были стать на работу, хотя упорно ходили слухи, что стачка опять возобновится. Директор завода Гужевский спешно

---

[1]) Вот текст прокламации:

«Российская социал-демократическая рабочая партия»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим Днепровского завода

Товарищи, бросайте работу. Не довольно ли терпеть сей разнузданности нашей администрации, не пора ли понять, что и мы люди, что нам невозможно больше жить, как до сих пор каменские рабочие? Вот уже две недели, как телеграммы нам каждый день приносят известия, что все больше и больше рабочие восстают против гнета капиталистов и самодержавия. Начиная с Баку, стачка перекинулась в Тифлис, Батум, Петербург, Москву и т. д. Русский рабочий восстал на своих притеснителей. Сотни тысяч пролетариев требуют себе человеческой жизни и необходимой нам свободы. Довольно же и нам молчать, когда вся Россия шумит, довольно же спать, когда уже проснулся к жизни и борьбе всероссийский рабочий класс, довольно бездействовать, когда петербургские рабочие проливают свою кровь на мостовых нашей столицы за рабочие интересы. Бросайте же, товарищи, и вы работу, пусть наша стачка будет первым сознательным выражением сочувствия российскому пролетариату. Никто ничего не должен трогать. Не ломайте машин, не грабьте магазинов, об'ясняйте всему каменскому населению, что ему нечего бояться, — мы боремся не ни с чем не повинными людьми, а с нашими врагами-капиталистами за человеческую жизнь и с царским правительством за политическую свободу. Отнимите у правительства повод сваливать всю вину за пролитую кровь на нас. По первому сигналу бросайте работу, бросайте все как один человек и пусть нашими требованиями у завод-

вызвал из Петербурга в Каменское директора-распорядителя Ясюковича. По приезде Ясюкович 30 января вывесил об'явление, в котором предлагал рабочим, если они имеют претензии или просьбы, выбрать из своей среды по 3—4 человека от мастерской и пред'явить письменно свои требования.

Рабочие выбрали депутатов и 1 февраля в 2 часа дня явились с письменными требованиями. В основу этих требований были положены пункты прокламации, выпущенной 15 января. Кроме этих был выставлен еще ряд требований: 1) выдавать зарплату 1 и 15 каждого месяца, 2) предоставление бесплатных квартир или квартирных денег, 3) расширить здание и программу заводского училища с введением польского языка и обучения техническим ремеслам, 4) уволить тех рабочих, о которых будет доказано, что они доносчики, и назначить судебное следствие о подкупе рабочих с целью избиения 17 января забастовавших товарищей, 5) чтобы полиция и священники не имели ничего общего с заводскими рабочими и не заявляли заводоуправлению для выдачи расчета, 6) каждый рабочий, прослуживший более года, должен беспрепятственно пользоваться месячным отпуском с сохранением половины месячного заработка и по возвращении не подвергаться медицинскому осмотру... Кроме этих шести был пред'явлен еще ряд мелких требований[1]).

Обсуждение требований совместно с администрацией завода продолжалось несколько часов. В результате администрация об'явила, что письменный ответ на требования будет вывешен 4 февраля, до того же времени просила рабочих продолжать работу. Работа продолжалась ночью и следующие сутки.

3 февраля рабочие, не ожидая ответа, прекратили работу по всему заводу. Стачка началась очень организованно. Рабочие предложили администрации поручить им охрану завода; заводская стража была удалена и все выходы охранялись сменами рабочих по их выбору. На завод не пропускали никого. Внутри завода поддерживался полный порядок: у доменных печей дежурили рабочие, поддерживая огонь, возле котлов, на электрической станции, у водокачки и в пекарне

ской администрации будут: 1) восьмичасовый рабочий день, 2) увеличение расценок, 3) удаление инженеров Хорошего и Болеховского за самое наглое урезывание расценок и грубое обращение, 4) образование постоянной комиссии из выборных рабочих и представителей администрации для рассмотрения рабочих претензий — рабочий может быть уволен только по разрешению этой комиссии, 5) уничтожение подрядческих работ и замена их заводскими, 6) нормальная плата для чернорабочих должна быть не ниже рубля, 7) устройство во всех отделениях удобных помещений для завтраков и обедов, а также баков для чая, 8) устройство удобных бань для рабочих и их семейств, 9) цены на уголь должны быть не выше 9-ти копеек, а кокс не выше 6-ти коп. пуд, 10) улучшение санитарных условий мастерских, устройство вентиляции, увеличение света и проч., 11) двойная плата за сверхурочные работы, 12) за брак, не зависящий от рабочих, завод должен уплачивать полностью, время, потраченное по вине администрации, должно оплачиваться полностью, 13) прекращение работ в праздничные дни в 2 часа, 14) полторы платы за воскресную и праздничную работу всем рабочим, 15) полная плата всем рабочим, получившим ушибы за все время лечения, полплаты заболевшим вне завода, 16) плата малолетним не ниже 70 коп., 17) за все дни стачки рабочие получают полную плату и никто не должен быть расчитан за участие в стачке, 18) вежливое обращение администрации с рабочими.

Стачечная комиссия Днепровского завода» (Архив Днепропетр. Истпарта 1905 г.).
Архив б. Горн. Управл. Южн. России, дело № 33621.

потребительского общества работа продолжалась попрежнему. Порядок был образцовый. На улицах было совершенно спокойно: ни пьянства, ни буйства. Рабочие держали себя сдержанно и вежливо...

4 февраля, когда администрация вывесила ответы на требования рабочих, депутаты заявили, что, продолжая охрану завода, ответы доложат всем рабочим. В своих ответах администрация обещала удовлетворить самые мелкие требования рабочих (о выдаче платы 1 и 15 числа, об устройстве баков для чая и обращении на «вы»), в основных же — категорически отказала, а по некоторым ограничилась «резонными» рассуждениями и неопределенными обещаниями сделать кое-что в будущем.

В 4 часа дня депутаты явились в главную контору и потребовали директора. Явившемуся директору они заявили, что на своих требованиях, особенно на 20% прибавке к заработной плате, рабочие настаивают. Переговоры, длившиеся около двух часов, не привели ни к каким положительным результатам. Директор-распорядитель об'явил делегатам, что больше того, что обещал, он не может дать и не даст. Депутаты ушли. Через несколько часов рабочие сняли свою охрану.

Около 7 часов вечера по всему заводу потухло электричество. Настроение рабочих стало более решительным, но поведение оставалось спокойным и корректным.

Несмотря на это, екатеринославский губернатор 3-го февраля вызвал на Днепровский завод из Симферополя 2 роты Литовского полка, а до приезда их послал на завод из Екатеринослава 2 роты Симферопольского полка. Исправнику губернатор рекомендовал использовать солдат для охраны имущества завода, а для репрессий против стачечников применять только казаков, но не озлоблять народ. Губернатор предложил заводоуправлению об'явить рабочим, что желающие могут стать на работу. Работающих будут охранять две роты солдат[1]). Но, несмотря на сигналы заводского гудка, рабочие на завод не явились. Делегаты рабочих и сами рабочие собирались на сходки и обсуждали ответы заводоуправления. Рабочий-днепровец Вишневский в своих воспоминаниях[2]) так характеризует настроение рабочих во время забастовки: «Стачечная комиссия собирала общие собрания рабочих на плацу между базаром и кладбищем. Члены комиссии докладывали о результатах переговоров с администрацией и обращались к собравшимся: «Ну-ка, будем продолжать бастовать или пойдем на работу?» Собравшиеся кричали: «Бастовать до победы». Тут же докладывали о нуждающихся, особенно их было много среди тех рабочих, кои работали поденно за 70—80 коп. в день. Тут же происходил сбор денег для помощи остро нуждающимся».

С 8 по 11 февраля рабочие продолжали спокойно и дружно бастовать. Местные полицейские и заводские власти были недовольны единством рабочих. Они стремились нарушить эту спайку и организованность. Для этой цели екатеринославский губернатор предложил им следующий рецепт: если работы по первому приглашению не возобновятся, то необходимо приступить к более

[1]) Арх. Днепропетровского Истпарта, дело № 326 от 1905 г., отн. 1413 от 4/II.

[2]) Арх. Днепропетровского Истпарта.

энергичному средству — принуждению, но при этом все же нужно избегать угроз и запугивания [1]). Наряду с применением рецепта губернатора, местные власти изобрели и свой: они распространяли слухи, что в виду продолжительной забастовки завод будет остановлен на целый год, рабочие будут расчитаны, если в скором времени не станут на работу. Но оба рецепта не помогали — забастовка продолжалась и шла по восходящей линии.

12 февраля ночью по улицам села Каменского были разбросаны в большом количестве прокламации. В руки полиции попало 455 экземпляров [2]).

13 февраля было вывешено об'явление, в котором администрация указывала, что удовлетворение обещанных требований увеличит расходы общества на 262 т. рублей в год [3]).

14 и 15 февраля, по просьбе заводоуправления, окружной инженер вел переговоры с делегатами рабочих. В переговорах он призывал выйти на работу хотя бы рабочим доменного цеха, но получил ответ, что, пока не будет обещано увеличение расценок, выдача полного заработка за ушибы, отпуск угля по 9 и кокса по 6 копеек и предоставление каждому рабочему отпуска один раз в год, на работу никто не пойдет.

Заводоуправление отказалось выполнить эти требования.

Вскоре солидарность рабочих дала трещину... 18 февраля пять делегатов пришли к губернатору с ходатайством принять на себя посредничество в примирении их с заводоуправлением. Администрация, видя, что рабочие начинают колебаться, поспешила вывесить об'явление, призывающее рабочих возобновить работы, угрожая в противном случае завод закрыть и всех рабочих расчитать. Часть рабочих приступила к работам 19 февраля, остальная же продолжала бастовать.

21 февраля к директору и вице-губернатору явились еще три делегата и просили снять с них обвинение, что будто бы они подкуплены заводоуправлением и рекомендуют рабочим возобновить работу. Директор-распорядитель заявил делегатам, что напечатает в газете опровержение. Всем же нуждающимся обещал выдать авансы с рассрочкой платежа в течение 5 месяцев и устроить родильный приют. После этого рабочие начали постепенно приступать к работам... Остальная же часть делегатов, состоящая из наиболее выдержанных рабочих, продолжала настаивать на своих требованиях.

Спешно ликвидируя стачку, администрация об'явила, что полномочия прежних делегатов потеряли силу.

Февральская забастовка окончилась.

Каменская организация РСДРП в прокламации «Ко всем рабочим Днепровского завода» дала оценку февральской стачке. Констатировав, что администрация удовлетворила лишь самые незначительные требования, прокламация призывала к борьбе с правительством и заводчиками [4]).

---

[1]) Арх. Днепропетр. Истпарта, дело № 326, 1905 г., отнот. № 1054 от 5/II.

[2]) Там же, дело 246, отн. 1091 от 15/II 1905 г.

[3]) Арх. бывш. Горн. Упр. Южн. России, дело № 336 — 21, об'явл. 13/II 1905 г.

[4]) Арх. Днепропетр. Истпарта. Прокл. «Ко всем рабочим Днепровского завода». 1905 г.

Работы на заводе возобновились 22 февраля, но рабочие находились в возбужденном состоянии. Глухое брожение не прекращалось. Наконец, недовольство вылилось в общий протест против рабочих и мастеров, которые работали или вообще вредили чем-нибудь во время забастовки. Почти две недели рабочие вывозили на тачках всех, против кого были враждебно настроены. 28 февраля вывезли на тачке из завода рабочих Красинского, Коноплева и Дем'яненко, ходивших во время забастовки на работу, а 1 марта пред'явили требование уволить 104 рабочих, которые работали во время стачки. В этом требовании рабочим было отказано.

2 марта около 6-ти часов вечера, возле конторы бессемеровского цеха рабочие окружили директора и трех инженеров и вновь пред'явили те же требования. Директор упорно отказывался удовлетворить их. Тогда к конторе прикатили несколько тачек с намерением вывезти директора и нескольких инженеров. Собралась огромная толпа рабочих. Директор поспешил скрыться в контору бессемеровского отделения. В это время прибыл отряд казаков... Хотя рабочие, чтобы помешать сговориться с казачьей сотней, перерезали телефонные провода, но пристав все же успел вызвать отряд. Казаки начали окружать рабочих. Рабочие схватились за куски железа, обрезки толстых листов жести и заняли позицию за сложенными невдалеке бандажами и болванками. Из толпы рабочих послышались выкрики: «Уезжайте! Мы имеем дело с администрацией!»

Момент был напряженный. Все ждали кровавой развязки. Директору рабочие кричали: «Давай расписку! Обещаниям не верим. Долой казаков!..» Казаки дали несколько выстрелов... В ответ в них полетели камни и куски железа... Пристав получил удар в бок, городовой — в голову. Тогда офицер, командующий отрядом, сойдя с лошади, стал просить рабочих разойтись по домам. Толпа оставалась на занятой позиции. В это время директор вынес расписку, в которой требование увольнения 104 рабочих отклонил, но обязался немедленно устроить выборы делегатов от рабочих для сношения с заводоуправлением. Рабочие разошлись.

2 марта в вывешенном об'явлении директор гарантировал рабочим полную свободу выборов без участия полиции и войск. А екатеринославский губернатор, отправляя в Каменское войска, приказал исправнику принять решительные меры и арестовать главных виновников сопротивления директору и полиции [1]).

Обеспечив таким образом «свободу» выборов, администрация через несколько дней назначила выборное собрание. Перед дирекцией завода стал вопрос, какими законодательными положениями следует в данном случае пользоваться. Делегаты рабочих во время забастовки заявили, что они не желают производить выборы по закону 10-го июля 1903 г. (закон о старостах [1]), по которому староста и собрание старост являются как бы передаточной инстанцией от рабочих к предпринимателю и местному начальству, и сфера деятельности старост ограничивалась очень скромными рамками. По этому закону старосты не могли возбуждать вопросов о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня...

[1]) Арх. бывш. Горн. Упр. Южн. России, дело 336 — 21, отн. № 1491 от 7/III 1905 г.

[2]) Архив Днепр. Истпарта, дело № 326, телеграмма от 2/III 1905 г.

Обсудив вопрос, согласились производить выборы на следующих условиях: выборные от рабочих являются не только посредниками между рабочими и начальниками данного цеха, но они выступают в качестве посредников между рабочими и администрацией всего завода. Ответы администрации должны передаваться только через выборных на общем собрании всех рабочих завода или цеха. Выборными и избирателями могут быть рабочие не моложе 21 года и независимо от времени службы на заводе; списки избирателей и выборных составляют рабочие, а не начальники цехов. Организация избирательных собраний решается всеми рабочими, принимающими участие в выборах. Присутствие на выборных собраниях заводской администрации не допускается. Способ избирания должен быть предоставлен всецело на усмотрение самих рабочих. Выборные избираются не на год, а на неопределенное время. Новые выборы производятся лишь по желанию самих рабочих... После упорной борьбы за условия выборов было избрано 82 человека выборных [1]).

В конце апреля, в виду отсутствия заказов и постоянных волнений рабочих, администрация хотела было остановить завод, но вскоре получен был от управления ж.-д. большой заказ и завод снова расширил выплавку чугуна и стали.

Спадающая стачечная волна начала вновь подниматься и к 15-му апреля среди рабочих было заметно сильное брожение. К этому времени на заводе, как видно из донесения охранки, появилось много партийцев-агитаторов, которые вели широкую политическую агитацию и распространяли в большом количестве прокламации. Каменская организация к этому времени уже распространила свое влияние на окружающие завод села, в которых жили рабочие завода. В деревне Куриловке, где почти две трети населения работало на Днепровском заводе, был организован революционный кружок, который собирался у сапожника Карпа Дружины для чтения нелегальной литературы [2]).

Рабоче-крестьянская масса начинала просыпаться от политической спячки и все больше и больше интересоваться политическими вопросами. Революционность масс росла. Шла подготовка к вооруженной борьбе...

В первых числах апреля в селе Каменском был арестован с 13 револьверами и 17 коробками патронов Иван Карнеев [3]).

В конце апреля прошли забастовки по отдельным цехам Днепровского завода. 25-го апреля рабочие листопрокатного цеха самовольно бросили работу, но после угрозы директора дать всем, в случае невыхода на работу, окончательный расчет, они 26-го работу возобновили. Тем не менее революционное движение на заводе, руководимое социал-демократами, приобретало массовый характер.

Вот что писал о движении на Днепровском заводе и в с. Каменском за время с апреля по август 1905 г. корреспондент «Искры»: «Революционная волна, охватившая все крупные центры России, затронула и глубоко всколыхнула широкие массы рабочих с. Каменского. Мы воспользовались этим возбу-

---

[1]) Арх. бывш. Горн. Упр. Южн. России, дело № 336 — 21 1905 г., об'явление от 3/III (вывешенное на заводе. — Т. С.).

[2]) Там же, дело № 306, отн. № 1537 от 7/IV 1905 г.

[3]) Там же, отнош. 101 от 14/III 1905 г.

жденным настроением и на почве всех событий, переживавшихся в тот момент Россией, и, в частности, на почве тех событий, которые имели отношение только к заводу, повели усиленную агитацию. За три месяца нам удалось устроить три организованных массовки, на которых в общем было человек 700 — 800, и несколько митингов в заводе и около завода, на которых было по 1000 и по 3000 человек. Кроме того, мы организовали регулярно функционирующие летучки и т. д. В середине мая устроили на острове массовку, на которой было около 200 человек. После речей двух ораторов публика с пением «Марсельезы», «Варшавянки» и других революционных песен двинулась в село. Импровизированная демонстрация прошла удачно и подняла настроение массы. Через некоторое время мы устроили у ворот завода митинг, который закончился демонстрацией. Настроение публики было сильно приподнятое. На 7 июня мы назначили демонстрацию с музыкой. На условном пункте собралось несколько сот человек и с пением и возгласами пошли по улицам. Толпа ежеминутно увеличивалась и к середине пути возросла до 2 — 3 тысяч человек. Когда демонстрация кончилась и почти все участники разошлись, на улицу высыпала различная публика, не принимавшая участия в демонстрации. В это время нагрянули конные городовые и нагайками начали избивать публику. Пострадали, главным образом, посторонние, из участников демонстрации избито всего 3 — 4 человека. На 23 июня мы решили устроить однодневную политическую забастовку для выражения своей солидарности с одесскими, лодзинскими и екатеринославскими товарищами. Утром несколько наиболее сознательных отделений бросили работу и пошли снимать с работы другие цеха, но в доменном и мартеновском отделениях, где работает самая темная масса, наших товарищей встретили валиками и кирпичами. Руководил этим начальник Семашко. Некоторые из наиболее горячих товарищей не выдержали и ответили тем же. В результате с обеих сторон оказалось несколько раненых. К полудню не работал весь завод, и мы организовали митинг, на котором было около 1000 человек. После получасовой речи оратора митинг окончился демонстрацией, число участников которой достигало 2000 человек. В последнее время, особенно после политической забастовки, полиция стала организовывать черную сотню. На заводе распространяются антисемитские газеты (особенно «Дело»). На базаре какие-то темные личности ораторствуют о необходимости «бить поляков, жидов и демократов». К празднику «Петра и Павла» 29 июня деятельно мобилизовались все темные силы реакции; все время ждали погрома. Сознательные рабочие решили дать организованный отпор громилам, но день прошел спокойно. Агитация не прекратилась и велась даже с особой интенсивностью.

В последнее время на заводе пошли новые притеснения; в некоторых отделениях понизили расценки; некоторые из них несколько раз собирались бастовать, но ждут приезда директора. Настроение приподнятое как у сознательных, так и несознательных. С одной стороны притеснения администрации и наша агитация, с другой — агигация полиции. 10 июля ждут патриотической манифестации, которая может превратиться в погром. Область нашей деятельности быстро расширяется, чувствуется громадный недостаток в литературе.

Вчера (8 июля) распространили 1000 экземпляров листка «Искры»: «Первая победа революции» (о переходе войск на сторону народа)»[1]).

Характеризуя тот же период, екатеринославский губернатор в докладе министру внутренних дел писал, что «рабочие Днепровского завода чутко прислушиваются к событиям на Брянском заводе. 23 июня под влиянием агитаторов из их же среды оставили работы. В виду мирного характера забастовавших я счел возможным имеющуюся там военную охрану (1 сотня казаков) оставить без усиления, командировав для наблюдения уездного исправника. Сегодня же, 23-го, часть рабочих возвратилась к работам, остальные бастующие ведут себя пока спокойно. 23 июня было произведено несколько арестов агитаторов, из коих некоторые не раз нарушили обязательные постановления. Полагаю применить 16 статью, воспрещая отдельным личностям пребывание в пределах Екатеринославской губернии»[2]).

В июле м-це усилилось волнение среди машинистов заводских паровозов. 9 июля помощниками машинистов было пред'явлено начальнику требование о повышении заработной платы. При этом его предупредили, что в случае отказа они об'явят забастовку.

11 июля забастовали рабочие механического, модельного и паровозного цеха, а 12 июля, перед началом ночной смены, рабочие доменного, бессемеровского и чугунно-литейного цехов. К ним вскоре присоединились и помощники машинистов. Все паровозы были отведены в депо. Вследствие прекращения движения паровозов, прекратили работу и другие цеха.

12 июля рабочие забастовавших цехов собрались возле конторы начальника механического цеха для выработки требований. Обсудив требования, они обратились с просьбой к начальнику цеха Мокшанскому оставить прежние расценки. Мокшанский отклонил их требование до приезда директора завода. Озлобленные рабочие решили наказать его традиционным способом — вывезти на тачке. Узнав об этом, начальник дал знать по телефону полиции, которая не заставила себя долго ждать. В завод явился помощник исправника, пристав и несколько городовых. Требование пристава разойтись не было исполнено. Завязалась перестрелка. Под градом камней и выстрелов полиция принуждена была оставить завод...

Тогда помощник исправника вызвал квартирующий в с. Каменском отряд казаков. Казаки прискакали и офицер с 2 казаками, в'ехав в завод, приказал разойтись. В ответ в него полетели куски железа, гайки и раздалось несколько выстрелов. Тогда офицер, выстроив остальных казаков, приказал стрелять в рабочих. Двумя залпами рабочие были рассеяны. На месте осталось 2 легко и 1 тяжело раненый. Раненые были отправлены в заводскую больницу. Тяжело раненный, рабочий Школяренко умер в больнице. Рабочие при похоронах его организовали траурное погребальное шествие. На могилу убитого возложили венки с красными лентами и надписями: «Екатеринославские и каменские

---

[1]) „Искра" № 107, 29/VII 1905 г., лист 7.

[2]) Архив Днепропетр. Истпарта, отн. № 2612 от 24/VI — 1905 г.

социал-демократы» и «Каменские рабочие погибшему товарищу — жертве российского произвола» [1]).

Заводская администрация об'явила расчет сорока машинистам.

12-го июля рабочие всего завода собрались для обсуждения положения дел. На этом собрании решено было пред'явить выработанные требования.

13-го июля в главную контору явились выборные от рабочих. Каждый цех пред'являл свои требования. Все они носили, главным образом, экономический характер. Общими пунктами требований были — повышение заработной платы от 20 — 25 процентов, выдача месячных отпусков проработавшим на заводе около года и увольнение нескольких инженеров за грубое обращение и чрезмерные штрафы. Кроме этого, каждый цех выставлял целый ряд своих специфических требований. Так, рабочие литейного цеха особенно настаивали на двойной оплате сверхурочных, обязательной оплате брака и лопнувших форм, уничтожении вычетов на церковь и костел, усовершенствовании вентиляции и уплате за 17 дней февральской забастовки.

Администрация отказалась удовлетворить требования, предложив рабочим приступить к работе. Выборные, видя, что требования не будут удовлетворены, пред'явили администрации условие: рабочие станут на работу только в случае приема уволенных накануне помощников машинистов. На это администрация согласилась. Рабочие были приняты обратно и 13-го июля паровозы вышли под руководством обычного персонала. Завод начал работать за исключением рабочих доменного цеха, которые отказались возобновить работы и потребовали расчета.

15-го июля они снова сняли с работы рабочих остальных цехов и только 16-го июля забастовка закончилась.

Отказались возобновить работу на прежних условиях плавильщики железопрокатного цеха. Всем им в количестве 54 человек был выдан окончательный расчет. Забастовка эта была сорвана благодаря тому, что администрация применила свой обычный способ борьбы со стачечниками — распространяла слухи, что завод закрывается и рабочие будут расчитаны. Вызвав войска, заводоуправление под их охраной приступило к массовому увольнению.

К 18-му июля большинство рабочих доменного цеха были расчитаны [2]).

В июле и августе 1905 г. Каменская организация РСДРП широко разворачивает свою работу. К этому времени она имела в своем распоряжении уже некоторые суммы денег (408 р. за 2 месяца), которые собирались путем взносов, подписных листов и организации платных рефератов. Как видно из отчета за июль и август, Каменская организация широко практиковала сбор денег по подписным листам. Так, в июле по подписному листу за № 40 было собрано 13 руб. 50 к., а в августе было выпущено уже около 60 подписных листов. Организованный платный реферат дал организации 28 р. 50 к.

Личные взносы составляли также значительную сумму; так, например, от неизвестного «Глобуса» было получено на вооружение 60 рублей [3]).

[1]) Арх. Днепр. Истпарта, отнош. № 5503 от 21/VII — 1905 г.

[2]) Арх. бывш. Горн. Упр. Южн. России, дело № 336 — 21, отнош. № 4481 от 20/VIII 1905 г.

[3]) Арх. Днепропетр. Истпарта, отчет каменской организации РСДРП за июль и август 1905 г.

Собранные деньги Каменская организация расходовала на пропаганду, покупку оружия и посылку отдельных товарищей на конференции. Каменская организация чутко реагировала на все правительственные распоряжения. По поводу опубликованного 6-го августа положения о Булыгинской думе Каменская организация выпустила прокламацию, раз'ясняющую смысл «положения».

Выпуском целого ряда воззваний Каменская организация привлекает на свою сторону все более широкие массы рабочих не только Днепровского завода, но и мелких предприятий села Каменского.

Октябрьская стачка начинается на Днепровском заводе 4-го октября. В этот день рабочие механического и котельного цехов прекратили работу и об'явили политическую забастовку [1]).

10-го октября поездом на станцию Запорожье прибыла (очевидно, из Екатеринослава) партия в 150 — 200 забастовщиков. Были произнесены речи. Забастовщики хотели двинуться со всеми железнодорожными рабочими в Каменское, но узнав, что там есть казаки, поездку отложили [2]).

10-го же в 9 часов утра выборные от рабочих Мартеновского цеха явились к директору с требованием отменить штрафы за прогул и назначить 3 смены. После отказа директора удовлетворить требование выборные предупредили директора о возможности забастовки. В 4 часа дня бастующий механический цех потребовал остановки работ в остальных цехах. Вечером, после заседания делегатов, все цеха постепенно прекратили работу и рабочие спокойно разошлись. По донесению исправника Корнилова, забастовка была об'явлена под общими лозунгами всероссийской политической забастовки и с целью оказать поддержку бастующим железнодорожным служащим.

12-го октября в 6 часов утра большинство рабочих явилось на завод, но к работам не приступили, а, поставив в цехах дежурных, разошлись. В 2 часа дня возле механического цеха собрался огромный митинг, на который, кроме рабочих заводов, пришли приказчики и ремесленники Каменского. Собравшиеся сопровождали речи ораторов криками «ура». Митинг перешел в демонстрацию. В 3 часа дня рабочие вышли из заводских ворот и с красным флагом и пением марсельезы двинулись на площадь. Пройдя к новому базару, они повернули обратно на завод. Демонстрация была многолюдна, на всех улицах были толпы народа. По донесению пристава, участие в демонстрации принимали «буквально все». После демонстрации рабочие собрались группами и оживленно обсуждали текущие события. При появлении конных городовых они обращались к ним с просьбой никого не трогать, когда же раз'езд удалялся, ему вдогонку кричали: «присоединяйтесь к нам».

13-го октября митинг опять повторился. В 11 часов утра на территории завода собралось большое количество рабочих. Выступавший учитель Обухов призывал бороться за свержение самодержавия и политическую свободу; в ответ на его призыв рабочие кричали: «Долой самодержавие!» Митинг носил исключительно политический характер. После полуторачасового митинга рабочие вышли из завода

[1]) Там же, дело № 332, 1905 г.

[2]) Арх. Днепр. Истпарта, дело № 332 11/X 1905 г.

и направились по Церковной улице в село; собравшиеся возле сельского правления местные крестьяне присоединились к рабочим... Демонстранты, проходя по улице, заставляли всех прохожих снимать перед красным флагом шапки. Когда рабочие стали входить в нижнюю колонию, казаки встретили их выстрелами. Рабочие ответили им тем же. Казаки спешились и дали еще залп, которым были убиты рабочий Сладченко и мальчик 9—10 лет [1]). После непродолжительной перестрелки демонстранты рассеялись, оставив раненными 3-х мужчин и 2-х женщин.

Черная сотня, видя, что движение разрастается, стала действовать более активно. 13-го октября утром по Каменскому были вывешены белые флаги с надписями: «Да здравствует самодержавие! Смерть демократам! Да здравствует русский народ!»

Черносотенцы устроили молебствие, организовали монархические демонстрации, начали погромы.

14-го октября в 10 часов рабочая демонстрация, выйдя из заводских ворот № 1, пошла по Садовой улице возле нижней колонии, а потом направилась обратно в завод. В это же время черносотенцы организовали монархическую демонстрацию. Собравшись в сельской церкви и отслужив молебен, они с пением «боже, царя храни» двинулись к заводу. Рабочие, узнав об этом, встретили их и разогнали, царские портреты попортили. Другая группа черносотенцев собралась у дома пристава. Она состояла из торговцев (мясников) и небольшого количества рабочих. Главарями этой группы были мясник Бубликов, пристав Сытин и казаки. Разогнанные участники черносотенной демонстрации соединились с группой Бубликова и Сытина. Казаки начали стрелять в воздух, а пристав дал выстрел в один из магазинов (Ерака). Этот выстрел послужил сигналом к погрому. Под звуки «боже, царя храни» начали громить лавки. Казаки пиками и винтовками помогали громилам ломать железные шторы и оберегали их от рабочих, которые хотели прекратить погром. В погроме приняли участие и «блюстители порядка»— городовые, уничтожая по пути еврейские лавки, громя кварталы и избивая евреев.

В толпе погромщиков мелькали белые и национальные флаги... Какой-то пьяный тащил царский портрет... По селу раз'езжал полицейский пристав Сытин, поощряя грабежи и убийства... К бушевавшей толпе присоединились новые городовые и стражники с криком: «Кто верует в крест — за нами» бросились во главе дикой толпы громить еще уцелевшие магазины и здания.

На следующий день погром продолжался. В 7 часов утра под предводительством Бубликова, Петренко и городового Борща, взломавшего двери, толпа ворвалась в винно-бакалейный магазин Ерака и стала пьянствовать.

Всего во время погрома было разграблено 18 лавок и убито около 30 человек [2]). Рабочие организовали боевую дружину, которая оказывала помощь евреям, спасавшимся от погрома.

После погромов полиция принялась восстанавливать порядок. Производились повальные обыски в квартирах рабочих. Рабочие волновались и требовали

---

[1]) Днепропетр. Истпарт, дело №№ 334 и 332 за 1905 г.

[2]) «Приднепровский Край» № 2626, 1/XI 1905 г. Сведения взяты из статьи, составленной по данным консультационного бюро присяжных поверенных и показаниям очевидцев. — Т. С.

удаления казачьих отрядов из с. Каменского. Пешие городовые, боясь рабочих, отказывались нести полицейскую службу, и губернатор принужден был послать новые части войск, а на заводе расквартировать казачий отряд.

Волнения продолжались и во второй половине октября и весь ноябрь.

В ноябре на заводе было еще несколько забастовок. Общее революционное настроение к этому времени захватило и служащих завода. 13 ноября в помещении яхт-клуба состоялось собрание служащих, на котором был организован союз служащих Днепровского завода. В конце ноября союз приступил к работе. Союз ставил следующие цели: улучшение быта служащих, улучшение правового положения членов, устройство собеседований и рефератов, самозащита и взаимопомощь. Средства союз получал из членских взносов. В первое время союз насчитывал 200 человек и имел избранный комитет из семи человек.

И в декабрьские дни 1905 г. пролетариат Днепропетровского завода не отставал от рабочего движения крупных центров. В начале декабря был организован боевой стачечный комитет, в который входили, как видно из воспоминаний рабочих Днепровского завода [1]) и архивных документов, Васильев, Зиновьев, Кордовский, Яндовский, Денисов, Мейлетович, Обухов, Беседов.

Боевой стачечный комитет издавал приказы и постановления, регулирующие жизнь села, выявляя тенденцию стать органом власти.

14-го декабря комитет об'явил, что всеобщей забастовкой в Каменском руководит боевой стачечный комитет и что только распоряжения стечечного комитета обязательны для всех граждан.

Боевой стачечный комитет состоял из депутатского собрания рабочих Днепровского завода, Каменской организации РСДРП и депутатов служащих завода.

В тот же день, 14 декабря, было опубликовано постановление боевого стачечного комитета о присоединении к всероссийской политической забастовке, об'явленной 7 декабря. В постановлении этом боевой стачечный комитет об'являет, что в интересах населения не будут бастовать пекарни, мелочные лавки, водопровод, электрическое освещение на улицах, больницы, лечебницы и аптеки, что он берет на себя организацию помощи нуждающимся стачечникам и облагает для этой цели всех граждан села Каменского налогом, что он организует «самооборону для защиты личности и имущества граждан против могущих произойти полицейско-хулиганских покушений», что «против торговцев, повышающих цены на продукты первой необходимости, будут приняты самые решительные меры, при чем обязательной ценой являются цены не выше цен лавки общества потребителей». Кроме вышеприведенных в постановлении имеется еще ряд пунктов, а также обращение ко всем почтово-телеграфным служащим с призывом присоединиться к всеобщей политической забастовке [2]).

---

[1]) Арх. Днепропетр. Истпарта, дело 228, 1906 г.

[2]) Архив Днепропетр. Истпарта. Постановление боевого стачечного комитета с. Каменского 13/XII — 1905 г.

Полный текст постановления стачечного комитета помещен в сборнике «Материалы по истории Екатеринославской социал-демократической организации большевиков и революционных событий 1904—1905—1906 г.г.», вышедшем к 20-тилетнему юбилею революции 1905 г. — Р е д.

В связи с железнодорожной забастовкой уменьшился подвоз продуктов и перед стачечным комитетом возник вопрос о снабжении продовольствием рабочих. Было созвано заседание делегатов от рабочих, на которое были приглашены представители крестьян соседних сел, и совместно был разрешен вопрос об организации продовольственного дела. Были организованы центральная и цеховые продовольственные комиссии. Центральная продовольственная комиссия вырабатывала общие директивы, а цеховые комиссии, обследовав положение нуждающихся рабочих, выдавали пособия. Помощь выдавалась не деньгами, а продуктами, хлебом, крупой и т. д. Средства на это поступали из отчислений от жалования служащих завода по постановлению боевого стачечного комитета. Отчисления производились в следующем порядке: получающие до 30 руб. освобождались от взносов, все же остальные должны были отчислять пропорционально размеру получаемого жалования, так что отчисления высших служащих достигали до 90% их заработка.

В своих донесениях губернатору полиция сообщала, что стачечный комитет проводит широкую работу.

14-го декабря члены стачечного комитета «ворвались» в местную типографию и заставили отпечатать свои постановления, об'явления и воззвания. Постановления стачечники расклеивали и разбрасывали по селу и заводу, а воззвания подбрасывали отряду нижних чинов армии, убеждая их прекратить выступления против рабочих-революционеров. Солдат удалось не только сагитировать, но и установить с ними связь. Исправник Воеводин в рапорте губернатору писал, что «нижние чины расквартированной роты имеют тесное общение с рабочими», и, считая явление это безусловно угрожающим, указывал на необходимость немедленной посылки свежей и сильной воинской части [1]).

Находя, что вооруженное столкновение с полицией неизбежно, боевой стачечный комитет принял меры к обороне и к разоружению полиции. В 11 часов вечера 20 декабря, как сообщает исправник губернатору, группа революционной самообороны обезоружила стоявшего на посту городового и, встретив полицейский обход, потребовала сдать оружие. Пристав Сытин, узнав об этом, отправился с конными городовыми в об'езд. В одной из улиц оказалось проволочное заграждение, из-за которого революционеры открыли огонь по раз'езду из ружей и револьверов. Пристав обратился к командиру роты Бердянского полка с просьбой оказать помощь, но тот ответил, что нижние чины его роты категорически отказались принимать участие в подавлении забастовки, заявив, что будут стрелять только при нападении на них.

Через полчаса командир роты прибыл с тридцатью нижними чинами к квартире пристава, но, «не приступая к действию оружием, ограничился только наблюдением» [2]). Положение полиции с. Каменского вообще было критическим, так как «большая часть рабочих сочувствовала революционным партиям».

Выросшая политическая активность и сознательность рабочих масс позволяли боевому стачечному комитету широко развить работу. Стачечным комитетом

[1]) Архив Днепропетр. Истпарта, рапорт уездного исправника № 5001 от 16/XII 1905 г.

[2]) Арх. Днепропетр. Истпарта, дело № 334, отнош. № 5160 от 20/XII 1905 г.

был организован целый ряд митингов и собраний. На одном из них «18 декабря на Базарной площади в 8 часов утра агитаторы, пользуясь большим стечением приехавших крестьян, стали произносить политические речи и собрали огромную толпу слушателей. Митинг продолжался до $10^1/_2$ часов утра. В час дня в народной аудитории митинг повторился, здесь также были призывы к единению с революционерами и организации помощи им оружием и деньгами.

К 5 часам вечера со станции Верховцево приезжал поезд с делегатами железнодорожников, которые совместно с боевым стачечным комитетом открыли совещание. После этого совещания между комитетом и железнодорожниками была установлена тесная связь. Сносились они между собой по телеграфу через станцию Тритузную. По примеру Екатеринославского комитета, Каменский боевой стачечный комитет отпечатал и распространил бюллетень № 1-й»[1]).

Общее боевое настроение передавалось и детям рабочих. Член стачечного комитета, учитель заводской школы Обухов, 13 декабря отпустил из школы учащихся, которые сейчас же организовали уличные демонстрации и присоединились к рабочим. Демонстрация учащихся повторилась 14 декабря. Заводоуправление, видя, что возбуждение среди детей растет, постановило учеников распустить на зимние каникулы и предложить родителям удерживать детей дома, не допуская, чтобы они бегали по улицам и устраивали уличные демонстрации. Заведующему школой Обухову, как оратору, организовавшему подряд около 10 собраний, заводоуправление предложило передать заведывание школой другому[2]).

В конце декабря в Каменском замечается распространение контр-революционной агитации. Агитация эта особенно усилилась со времени появления слухов о введении военного положения и появления в Каменском значительного количества войск[3]).

25 декабря в Каменское прибыли новые воинские части. По пути они арестовывали революционно-настроенных рабочих. Так, например, 25 декабря полковник Будянский арестовал на станции Запорожье трех делегатов-железнодорожников — Квашука, Камоцкого и И. Сизонова.

К 31-му декабря забастовка прекращается. Щупальцы черной реакции захватывают и днепровский пролетариат. Администрация наглеет, эксплоатация усиливается... Начинаются массовые аресты...

Однако, несмотря на массовые аресты, волнения среди рабочих не прекращаются и в годы реакции.

В первую годовщину январских событий в некоторых цехах утром были вывешены красные флаги...[4]).

Движение днепровского пролетариата в годы реакции и нового революционного под'ема будет темой отдельного очерка.

---

[1]) Арх. Днепр. Истпарта, дело № 334, отнош. № 281.

[2]) Архив Днепр. Истпарта, дело № 334, отнош. 929, л. 99.

[3]) Там же, д. № 334, отнош. № 101, лист 64.

[4]) Архив Днепрои. Истпарта, дело № 334, отнош. № 289 от 10/1 1906 г., л. 97.

А. КОСМИНСКИЙ

С.-д. организация Вознесенского рудника [1])

(Воспоминания)

I.

Основание нашей организации следует отнести к 1903 г., когда на нашем руднике появился тов. Курлов, которому удалось заложить фундамент нашей организации созданием ячейки, связавшейся с Юзовским комитетом, а через него и с ЦК. Был ли Курлов тогда революционным марксистом или оппортунистом — сказать трудно, но факт тот, что ему первому удалось организовать ячейку, которая проводила работу, намечавшуюся центром рабочего движения в России. Ячейка на первых порах состояла из трех человек: Курлова Михаила, Юдина и Заикина. Работа ими велась путем распространения листовок и литературы, а также путем устной агитации среди наиболее развитых рабочих.

В 1904 году организация значительно расширилась с появлением новых товарищей в лице студента Порошина, монтера Дебелова, Гробинштейна Виктора и Михайличенко М. Но наладить массовую партийную работу не представлялось возможным как по причине большого полицейского нажима и провокации, так и потому, что часто порывалась связь с районной организацией, вследствие постоянных провалов в Юзовке.

Только в начале 1905 года, и особенно после январских забастовок по всей России, в Донбассе удалось развернуть широкую работу в рабочих массах. К этому времени в нашей организации появились новые активные товарищи: Костылев, Золотов, Садовой, Мешковский и тов. Николай. Организация росла и становилась массовой и революционной [2]).

Главное внимание всей организации после января было направлено на подготовку отсталых масс шахтеров к предстоящей забастовке. Для этого разбрасывались в большом количестве листовки и устраивались часто, но небольшими

---

[1]) Редакция, помещая эти воспоминания, считает необходимым отметить, что Вознесенская организация на протяжении многих лет была единственной большевистской ячейкой в Юзрайоне, отличавшемся до 1912 года меньшевистским засилием. Следовало бы ее прошлое осветить в ряде воспоминаний.

[2]) В 1905 году Вознесенская организация входила в большевистский «Рудничный союз», создававший свои ячейки на рудниках наряду с меньшевистским «Донецким союзом». «Бюро шахтеров», так именовалась организация, с успехом руководило июньской стачкой шахтеров Вознесенского рудника («Искра», № 106). — Прим. ред.

группами собрания, на которых проводилась политическая обработка уже более широкого, чем прежде, круга рабочих.

К июню положение шахтеров значительно ухудшилось, и организация решила начать экономическую забастовку. Первыми выступили лучше других организованные рабочие шахты № 21. Затем в тот же день после большого митинга прекратили работы все шахты нашего рудника. Выступал на митинге т. Николай, а забастовкой руководил стачечный комитет. Забастовка была упорная, но непродолжительная, так как управляющий рудником, опасаясь затопления шахт, вызвал казаков, которые насильно принудили рабочих вернуться на работу.

После этого организация еще с большим напряжением принялась за работу в массах, выдвигая постепенно на первый план политические требования. Все чаще и все более широкие массовки стали собираться в балке за рудником, пока в октябре не перешли к открытым митингам и демонстрациям. После опубликования манифеста на одну такую нашу демонстрацию напали черносотенцы и при поддержке полиции многих рабочих избили.

Все это очень помогало успеху политической агитации среди рабочих. К декабрю организации удалось запастись кое-каким оружием и взрывчатым материалом, которым снабжал нас сочувствующий инженер Кондратьев, и организовать боевую дружину.

После усмирения декабрьского восстания, в январе 1906 г. проводились выборы в Государственную Думу. Наша организация выдвинула уполномоченным от шахтеров в губернию Михайличенко, которого губерния послала депутатом в Думу.

Затем мы приступили к подготовке празднования первого мая. Разбрасывали листовки, сорганизовали несколько массовок, на которых призывали забастовку завершить демонстрацией. Демонстрация на нашем руднике удалась лучше, чем у наших соседей на других рудниках нашего района. На митинг собралось более трех тысяч народа. После речей ораторов, говоривших о значении первого мая, о Государственной Думе и Учредительном Собрании, рабочие с красными флагами и революционными песнями торжественно двинулись по руднику. Показался отряд казаков, но разогнать демонстрацию не посмел.

Летом бывали часто многолюдные митинги, на которых принимались постановления о поддержке наших рабочих депутатов в Думе. В июле возникла на всех шахтах нашего рудника забастовка, которая дала нам кое-какие культурные завоевания — народный дом и библиотеку. Митинговая пора кончилась 1-го августа, когда появилась в Донецком бассейне и явилась на наш рудник карательная экспедиция. Как раз в это время происходил митинг. Наш депутат Михайличенко докладывал о Государственной Думе. Наскочили драгуны и силой оружия разогнали митинг. В результате — один убитый и много раненых. Убитым оказался старик-рабочий Лазаренко, которого потом хоронили с почестями, как борца за свободу. После этого усилились преследования и аресты и 1906 г. закончился разгромом нашей организации. Арестованы были самые революционные товарищи: Костылев, Золотов, Мешковский, Бродский и др. При обыске полиция захватила гектограф, партийную печать, литературу и другое имущество организации. Год закончился жестокой реакцией.

В начале 1907 года организация по числу членов была еще солидная, но в связи с арестами количество революционных марксистов значительно уменьшилось. Поэтому сторонники меньшинства, во главе которых стоял довольно сильный рабочий — Петр Орлов, стали захватывать руководство. И эта группа вскоре добилась того, что начала вершить судьбы нашей организации. Работа подвигалась очень вяло. На одном из заседаний организации группой меньшевиков был поставлен вопрос о реорганизации коллектива и создании нового коллектива, который бы занялся легальной работой. Но провести это в жизнь не удалось, так как ряд товарищей во главе с Сениным выступил против ликвидаторов. Эти первые ликвидаторские выступления начались в связи с выборами на Лондонский с'езд, на который от нашей организации были посланы: тов. Пивоваров и студент Александр. Добраться на с'езд удалось только студенту Александру, а Пивоваров был арестован в пути.

В дальнейшем в организации разногласия все усиливались. Новые коллективы, в которые вошли слабые работники, попали под влияние ликвидаторов. Революционные марксисты остались за бортом. Их было мало. Это были т. т.: Сенин, Евдокимов [1]), Власов и др. Им пришлось подчиниться, скрепя сердце. В это время появились еще новые работники: Ростифеев и Андрей Орлов. Это были меньшевики, но более энергичные, чем наши местные. Орлов был сторонник подпольной работы и всегда твердил, что в рабочих и молодых товарищах нужно видеть будущих представителей нашей партии, а потому их нужно воспитывать в непримиримом революционном духе.

Несмотря на вылазки ликвидаторов, нами регулярно поддерживалась нелегальная связь с Юзово-Петровским Комитетом, выпускались листовки и отчеты организации. Легальная работа проводилась в направлении осуществления требований июльской забастовки 1906 г. Чувствовалось, что работа налаживается.

Но это продолжалось недолго. Летом 1907 года провалилась одна из крупных конференций Юзовского района на Смоляниновском руднике. 30 человек лучших товарищей были арестованы и отправлены в Екатеринославскую тюрьму. Наша организация лишилась тогда самых энергичных т. т.: Андрея Орлова и Кузнецова.

II

В 1908—1909 году работа велась в том же направлении, но со значительным преобладанием легальной работы. Была организована библиотека, оборудован Народный дом, организован и открыт кооператив, устроены курсы, читались лекции. Наряду с этой работой велась и нелегальная партийная работа, но уже отдельной группой членов организации, в которую вошли т. т. Ростифеев, Гробинштейн, Ярцев, Горбоконь, Ляпин, Шурыга, Подолякин, Алехин, Евдокимов и я. Остальные товарищи попали под влияние учителя Зеленкевича, который организовал любительский кружок и ставил концерты и спектакли. На этой почве у нас были постоянные споры.

[1]) Евдокимов впоследствии оказался провокатором. — Ред.

Наша группа избрала комитет из товарищей Ростифеева, Гробинштейна и Шурыги, который вел партийную работу и держал связь с ЮПК. Работа заключалась в следующем: мы созывали массовки, распространяли прокламации и брошюры, получавшиеся нами тогда в большом количестве из Петрограда от т. Курлова[1]).

Были организованы конспиративные квартиры для скрывающихся партийных товарищей, которые присылались из ЦК. Работа была тяжелая, реакция торжествовала, средства были скудные, а нужда была огромная. Было время когда чуть ли не на каждого члена организации приходилось по одному приезжему товарищу, да к тому же разутому и раздетому. Производились сборы по подписным листам среди рабочих и либеральной публики. Благодаря сочувствию интеллигенции, удавалось устраивать в больнице вполне здоровых товарищей, так, например, был случай с тов. Василием, который готовился в партийную школу в Париж, и наш врач ему предложил лечь в больницу, где тот пробыл целую зиму.

Было организовано бюро по изготовлению паспортов и удостоверений от предприятий для нелегальных товарищей. Все документы выдавались товарищам по указанию ЮПК.

Опасаясь провокации, мы работали с большой осторожностью и поэтому часто начатую работу не кончали. С большой энергией мы принимались за работу, когда к нам приезжал кто-нибудь з центра... Так работала наша организация до конца 1910 года.

В 1911 году все наши товарищи уехали, и нас в организации осталось 3 человека. Мы начали привлекать новых работников, вербуя их из группы Зеленкевича. Таким образом в нашу группу вступили: Сенин, Юкельзон и Дзюба. Провели несколько собраний и массовок, на которые приглашались и ликвидаторы. На этих массовках больше, чем когда-либо, наблюдались самые непримиримые разногласия. Споры доходили до такого обострения, что работать вместе стало новозможно.

В 1912 году осенью наша организация подкрепилась двумя активными большевиками — приехали Рыбенок и Вениамин Ермощенко. Им вскоре удалось возобновить прервавшуюся вследствие арестов в Юзовке связь с Юзово-Петровским Комитетом[2]). Но организация была еще слаба и поэтому трудно было развернуть массовочную работу. Ограничивались вербовкой подписчиков на легальные рабочие газеты и журналы.

В 1913 году старая организация пополнилась еще Пряжниковым, Лядновым и др. Работа стала развертываться не в пример прошлым годам. В течение

[1]) По полицейским агентурным данным в сентябре 1909 г. и в начале 1910 г. Виктор Гробинштейн (или Грибенштейн) входил от Вознесенской организации в Юзово-Петровский Комитет. По тем же данным у Алексея Ростифеева была явка в механической мастерской. Что касается нелегальной литературы, то она действительно получалась от Курлова во второй половине 1908 г. А в январе 1909 г. И. И. Евдокимов донес полиции о месте хранения литературы и к дознанию были привлечены Подолякин и Алехин. (Центр. Архив Рев., дело № 547). Прим. ред.

[2]) Работа Вениамина Ермощенко в Юзовском районе отражена в его переписке с Г. И. Петровским. См. № 5 (20) «Л. Р.» — Ред.

года было организовано несколько собраний и массовок. Одна из таких массовок, состоявшаяся в годовщину Ленского расстрела, приняла резолюцию протеста, напечатанную потом в «Правде».

Впервые в этом году за время реакции нашей организации удалось подготовить и провести первомайскую однодневную забастовку. Бастовали рабочие шахт № 16, 18 и 21 — всего больше 2.000 человек. К празднованию примкнули рабочие Трудовского рудника.

К лету положение шахтеров нашего рудника настолько ухудшилось, что в воздухе запахло забастовками. Наша организация принялась за подготовительную работу. Выработала требования из нескольких десятков пунктов, которые были пред'явлены рабочими администрации, не прекращая работы. Администрация быстро ответила многоречивыми обещаниями и этим сорвала забастовку.

После этого работа организации немного ослабела. Некоторые товарищи, как Пряжников и Ляднов, стали частенько выпивать, а другие, как Дзюба и Никитин, являлись на собрания только тогда, когда приезжал кто-либо з центра. В это время, поздней осенью, к нам заехал Г. И. Петровский. Он сделал доклад по текущему моменту на партийном собрании и дал новую зарядку для работы организации на ближайший период. К концу года организация вновь стала расширяться и крепнуть[1]).

Мы установили контакт с ранее неизвестной нам группой Михаила Холявкина и Григория Коноваленко, получавшей и распространявшей литературу и газеты и самостоятельно связанной с Юзовкой.

Следует отметить, что в этом году ликвидаторы почти не появлялись на нашем руднике. Вся наша организация, за исключением одного-двух товарищей, была однородной, правдистской. Работа наша заключалась в проведении небольших массовок, распространении «Правды» (до 100 номеров в день[2]) и подготовке к страховой кампании. «Луч» тоже распространялся, но не больше 20 номеров в день.

В начале 1914 года и летом к нам приезжал т. Харечко, которого мы все знали как хорошего товарища и который пользовался у нас авторитетом. Ему

---

[1]) В ноябре Вознесенская организация большинством 15 против двух определила свое отношение к расколу с.-д. думской фракции принятием большевистской резолюции, в которой заявлялось: «Находя, что шесть рабочих депутатов поступили правильно, мы заявляем протест против семи депутатов, как нежелающих считаться с желанием передового элемента пролетариата и случайным большинством одного голоса подавляющих шесть рабочих депутатов, являющихся выразителями наших стремлений в области наших требований защиты старого пролетарского знамени и неурезанных лозунгов». («За Правду», № 41. 1913 г.) — Прим. ред.

[2]) Вознесенская организация не только распространяла «Правду», но и весьма активно сотрудничала в ней через своих рабкоров. Кроме того, вознесенцы первые в декабре 1913 г. обратились с призывом к шахтерам Донбасса об издании при «Правде» «Шахтерского Листка». В этом обращении говорилось: «Мы, рабочие Вознесенского рудника, обращаемся ко всем сознательным товарищам-шахтерам немедленно отозваться и создать при газете «Пролетарская Правда» фонд нашего шахтерского листка». Призыв был поддержан шахтерами Донбасса и других угольных районов. Через два месяца был сколочен фонд и 16 марта 1914 г. вышел первый «Шахтерский Листок». («Пролетарская Правда», № 5, 1913 г.) Переписку юзовцев и вознесенцев по поводу «Шахт. Листка» см. в письмах к Петровскому № 5 (20) «Л. Р.». — Прим. ред.

удалось наладить занятия марксистского кружка по политэкономии и проработке партийной программы. Но эта новая наша работа продолжалась недолго, потому что Харечко уехал в Питер и, главным образом, потому, что с об'явлением войны полицейские репрессии значительно усилились и ряду товарищей пришлось «подбить подметки», т.-е. под нажимом пристава оставить рудник. Работа нашей организации стала сокращаться и замирать. Такое состояние постояннного полицейского разгрома и слабой активности наша организация переживала во второй половине 1914 года и почти весь 1915 год.

В начале 1916 года приехал к нам на некоторое время из Петрограда товарищ Ермощенко. Он удивлялся, как мы из большой организации снова превратились в маленькую группу. Помню, собрались мы в квартире т. Юкельзона обсудить создавшееся положение и дальнейшие наши задачи и здесь-то нам бросил т. Вениамин справедливый упрек в отсталости. Он заявил: «Где ваша нелегальная организация? Где ваши завоевания? Товарищи, пока не поздно, стройте свою революционную партию».

Это же нам говорил и т. Харечко, приехавший к нам летом того же года. В связи с коротким заездом этих гостей работа нашей организации опять было зашевелилась[1]), но затем снова за отсутствием энергичных работников затихла. Накануне Февральской революции почти никакой партийной работы у нас не велось и громадные события 1917 года захватили нас врасплох.

---

[1]) В июне-июле 1916 г. Вознесенская группа, а в том числе Харечко и Алексеев (Гирчак), выпускали на гектографе газету «Правда Труда». Вышло всего два номера (см. об этом ст. Зайцева о революционной печати Юзрайона — «Диктатура Труда» за май 1923 года). На этом же гектографе печатались Циммервальдский манифест, ст. Ленина «Социальная революция или защита отечества» и другие листки. — Прим. ред.

ОТДЕЛ III

БИБЛИОГРАФИЯ

Т. ХАРЕЧКО

И. НИКОЛАЕНКО. — Революционное движение в Луганске. 1926 г., изд. «Укр. Раб.». Ц. 70 коп.

Рассматриваемая брошюра, хотя и обработана по внешности под стиль исторического очерка, представляет собой воспоминания участника революционного движения за период с начала 900 г.г., когда возник Гартмановский паровозный завод, а с ним и начало организованного рабочего движения в Луганске, — до февральской революции 1917 г.

Если оценивать брошюру т. Николаенко только как воспоминания революционера, то следует признать, что они стоят гораздо выше появившихся до сих пор в печати воспоминаний луганских товарищей. Они широко захватывают и рабочее движение, и партийную организацию, и профсоюзы, и рабочий быт на фоне общей политической обстановки в стране. Воспоминания эти весьма богаты новыми фактами и политическими эпизодами, преподнесенными читателю в живом, занимательном изложении. Этими похвалами следовало бы и ограничиться, если бы речь шла только о воспоминаниях. Но так как автор оказался посмелее и на основании одних только своих воспоминаний написал «историю», то к рецензируемой работе необходимо отнестись построже. Как известно, мемуары, даже самые лучшие, никогда и ни одним историком не возводились в ранг основного и единственного исторического источника. Прежде всего для того, чтобы признать за брошюрой значение исторического очерка, не хватает основного: документальной проверки (а без этого только мемуары пишутся) и анализа и оценки описываемых событий. Попытаемся это доказать фактами, чтобы помочь читателям разобраться в ошибках исторического очерка т. Николаенко. Это необходимо сделать еще и потому, что Луганску отводится почетное место в истории революционного движения, как единственной в прошлом крепости большевизма в Донецком Бассейне.

За ограниченностью места отметим самые существенные недочеты, искажающие историю революционного движения в Луганске.

Начнем с событий 1905 г. Автор совершенно правильно заявляет, что в Луганске революционное движение началось февральской стачкой рабочих Гартмановского завода, развернувшейся на следующий день во всеобщую забастовку. Но совсем не верно, что эта стачка по своим требованиям была чисто экономической. Будто бы «выяснилось, что политических требований сейчас пред'являть не следует — ими можно отпугнуть часть рабочих, которые не смогут в них разобраться, а, кроме того, этим могут воспользоваться для спровоцирования

стачечников». Совершенно другое нам говорят листовки Луг. Ком. РСДРП, призывавшие рабочих к стачке. Листки начинаются политическими требованиями всех свобод, созыва выборных от народа представителей и скорейшего окончания войны с Японией. Кроме того, в листках можно прочесть самые решительные призывы к борьбе с правительством и капиталистами. Луганская февральская стачка тем и замечательна, что она была первой стачкой в Донбассе с открытыми и определенными политическими требованиями. Была она кратковременной и закончилась частичным успехом только для гартмановцев. При этом не был введен, как утверждает автор, девятичасовый рабочий день для всего завода. Сокращение рабочего дня получила только одна третья категория рабочих.

После февральской стачки автор переходит прямо к октябрьским событиям, как будто в течение нескольких месяцев жизнь Луганскап ротекала безмятежно. Поэтому представляется непонятным, почему «октябрьские события как-то внезапно разрослись и луганская организация была неподготовлена к активному выступлению». А суть в том, что автор пропустил весьма важное событие —поражение в июле неорганизованно вспыхнувшей стачки на Гартмановском заводе. За ликвидацией забастовки последовал жестокий полицейский разгром луганской организации, от которого она не могла оправиться до октября. Вот почему для Луганска октябрьские события разразились внезапно. Кстати автор па 52 странице дает описание июльской стачки, но ошибочно относит ее к 1906 году.

Октябрьский революционный под'ем освободил из тюрьмы руководителей луганской организации и вернул на завод десятки лучших активистов, расчитанных с завода и высланных из Луганска после июльской стачки. Организация быстро восстанавливала свои силы и к декабрю, когда наростал новый под'ем революционного движения в стране, даже значительно умножила свои ряды. В это время в организации работало несколько человек приезжих, весьма активных профессионалов-большевиков. Казалось, что теперь декабрьские события не застанут Луганскую организацию врасплох. Однако, автор на 35 странице отводит декабрю в Луганске всего несколько строчек с указанием, что в организации «шли споры с меньшевиками о том, — стачкой ли надо бороться с самодержавием или вооруженным восстанием». И только? Это в то время, когда во многих рабочих центрах страны и в Донбассе вокруг Луганска пылало рабочее восстание, когда в течение двух недель декабря рабочие захватили власть по всей сети Екатерининской жел. дороги, в таких промышленных пунктах, как Горловка, Енакиево, Юрьевка, Гришино, и вели вооруженную борьбу с войсками. Кажется невероятным, чтобы в такой исключительный момент, когда уж совершалось вооруженное восстание по призыву нашей партии, большевистская луганская организация занималась только спорами. Но в действительности это было, вероятно, так, а не иначе, потому что все луганские воспоминания, появившиеся в печати, почти ничего не сообщают о декабрьском движении Луганске. Только т. Шкловский («Пролетарская Революция» № 1, 1926 г.) пишет о декабре в Луганске несколько больше других. Но эти добавления сводятся к области только споров или дискуссий между Луганской организацией и городским самоуправлением по двум вопросам: о выдаче Городской Думой средств на вооружение рабочих и о

демократических перевыборах городского самоуправления. Таким образом, луганчане дискуссировали с местной властью по вопросу о необходимости «демократических перевыборов» в то время, когда вокруг Луганска тысячи рабочих Донбасса, вооруженных пиками и охотничьими ружьями, свергали старую власть. Почему луганские рабочие, руководимые наиболее крепкой в Донбассе большевистской организацией, не поддержали активно восстания? Ни один из луганских мемуаристов, и в том числе тов. Николаенко, не задавались этим вопросом. А на него следовало бы дать ответ.

По имеющимся материалам этот ответ заключается в следующем: в основном причина пассивности рабочих Луганска в декабре об'ясняется слабостью луганской организации. Все луганчане, и в том числе автор брошюры, чрезвычайно переоценивают влияние луганской организации в рабочих массах города и за его пределами. В действительности же в конце 1905 года организация пользовалась безраздельным влиянием лишь среди рабочих паровозного завода. А такой важный участок, как железнодорожные мастерские, даже в январе 1907 г., когда луганская организация насчитывала до тысячи членов, находился больше под влиянием черносотенцев. Лучшим доказательством тому является избрание мастерскими во вторую Думу правого уполномоченного. За пределами Луганска по району шахт и заводов Луганский Комитет имел крайне слабые связи и только в конце 1906 года «в этом направлении, как отмечается в отчете 5-му партийному с'езду о деятельности Луганского Комитета, были сделаны луганской организацией некоторые подготовительные шаги, были завязаны связи с наиболее крупными рудниками»... Следовательно, Луганский Комитет в декабре 1905 г. мог попытаться поднять на вооруженное восстание только рабочих паровозного завода. Но это, пожалуй, сделать было труднее, чем завоевать железно-дорожные мастерские.

И вот почему. В то время Гартмановский завод еще не был втянут в общий промышленный кризис, поэтому. заводская администрация имела широкие возможности при малейшем нажиме рабочих в достаточной мере удовлетворять их требования, отрезая тем самым гартманцам пути не только к восстанию, но даже к стачке.

Весьма спорным в истории 1905 года в Луганске является вопрос о Луганском Совете Рабочих Депутатов. К сожалению, его приходится решать, за отсутствием документов, только на основании воспоминаний. По некоторым воспоминаниям Совет возник в период октябрьского под'ема и об'единял рабочих всех предприятий города. По другим воспоминаниям возникновение Совета относится к первой половине 1906 года, при чем этот Совет об'единял только рабочих паровозного завода. Автор брошюры пишет только о «Совете заводских цеховых депутатов» 1906 года. По описанию деятельности этого Совета видно, что его компетенция не распространялась за пределы Гартмановского завода и не выходила из круга профессионально-экономических вопросов. Поэтому Луганский Совет в изображении тов. Николаенко больше похож на заводской совет старост, чем на боевой политический орган, каким были Советы Рабочих Депутатов 1905 года в других городах.

В 1906 году Луганская организация провела успешно бойкот выборов в первую Гос. Думу, послала делегатов на об'единительный партс'езд, организовала в апреле — мае боевую дружину. Но в центре внимания организации еще с конца 1905 года стояла задача создания профессиональных союзов. Однако, несмотря на громадные усилия, только в октяре 1906 года удалось оформить организацию профессионального общества рабочих Гартманского завода. Автор ошибочно относит возникновение союза к февралю — марту. По данным корреспонденции журнала «Вестник Труда» (от 23 декабря 1906 года) Гартмановский союз был основан 1 октября и уже к половине декабря развернулся в большую организацию с 2.000 членов, т.-е. почти половина всех рабочих (4.200 чел.) завода записалась в союз. В профдвижении Донбасса того времени Гартмановский союз занимал первое место как по организованности, так и по количеству членов.

Из истории 1907 г. следует отметить два момента: выборы во вторую Гос. Думу и локаут на паровозном заводе. Картина выборов по главным предприятиям Луганска в действительности была несколько иной, чем это вспоминается т. Николаенко. По газетному отчету «Донецкого Колокола» (от 17 января 1907 г.) уполномоченными на первой стадии «были избраны по паровозному заводу все крайние левые: Фридкин — единогласно, Волошинов — единогласно, Буров — большинством всех против 10; по патронному заводу избран рабочий Иванов (с.-д.) и по жел.-дор. мастерским — рабочий Зерченко, беспартийный правый». Среди избранных самым популярным в рабочих массах был Фридкин. Его-то и наметила Луганская организация кандидатом в думские депутаты, а вовсе не Нагих, как утверждает т. Николаенко. Нагих был выдвинут после того, как Фридкина забаллотировали на губернском собрании уполномоченных. Автор брошюры заявляет, что кандидатура Фридкина даже не могла быть выдвинута, потому что он «человек, держащий нос по ветру», и положиться на него было рисковано.

Совсем другое нам говорит отчет Луганского Комитета об итогах избирательной кампании («Красная Летопись» № 8, 1923 г.): «Избирательная Луганская комиссия предложила ему (Фридкину) выставить свою кандидатуру от с.-д., на что тот и согласился. Пройдя таким образом в курию уполномоченных, он, как наиболее выдающийся рабочий курии, был снова выдвинут Луганским Комитетом, а потом и общегубернской конференцией кандидатом в Гос. Думу. На заводе Фридкин прошел единогласно, а когда гартмановцы узнали, что его кандидатура выдвинута в члены Думы, они прислали ему приветственную телеграмму». Вот как действительно обстояло дело с выборами в Думу.

Теперь несколько слов о локауте на паровозном заводе. На этом знаменательном локауте необходимо остановиться потому, что он был для Луганска тем же, чем несколькими месяцами позже стал для всей революционной России третьеиюньский манифест; локаут положил начало разгрому и разложению организованного рабочего движения в Луганске. Как описание локаута, так и оценка причин поражения и роли профсоюза в брошюре значительно расходятся с тем, что сообщает большевистская газета «Наше Эхо» (от 29 марта 1907 г.). Корреспонденция из Луганска написана во время локаута, и в ней, надо полагать, дано точное его описание. Конфликт начался с вывоза

на тачке начальника цеха. Администрация расчитала «виновных». На это рабочие ответили забастовкой. Но дирекция завода этого только и ждала и об'явила локаут с немедленным расчетом всех рабочих. Предстояла упорнейшая борьба. «И здесь — отмечает газета «Наше Эхо» — при первом серьезном столкновении рабочих с капиталом резко проявилась неспособность луганских рабочих к серьезной борьбе, недисциплинированность и боязнь лишиться условий, в которых привык жить гартмановский рабочий... Рабочие стали втупик и нашли единственный (странно ошибочный!) выход — послать депутатов к генерал-губернатору». При от'езде делегатов рабочие единогласно постановили не брать расчета до их возвращения. Но на другой же день единогласное решение было сорвано, так как рабочие панически, массами, за исключением нескольких сотен, повалили за расчетом. Начался еще невиданный развал и разложение. Профсоюз с каждым днем терял влияние на массы. Почему так произошло с лучшей, казалось, наиболее крепкой организацией? «Наше Эхо» отвечает: «Случай этот, несомненно, глубоко поучителен. Он подчеркивает необходимость организовывать профессиональные союзы не по-гартмановски. Гартмановский союз все время вел примирительную, улаживающую политику; администрации он был не менее полезен, чем рабочим. Но как только союз вступил в столкновение с ней, она тотчас выпустила свои скрытые когти».

Локаутом заканчивается революционный период в истории луганского рабочего движения и наступает многолетняя полоса реакции. В брошюре отведено только несколько страниц целому десятилетию реакции. Здесь следует остановиться на первом, самом мрачном этапе реакции за 1908 — 12 г.г. По описанию т. Николаенко, в эти годы в Луганске партийная жизнь совершенно замерла, и не существовало не только оформленной организации, но даже никаких групп. Это не совсем так. Нельзя историку пройти мимо той большевистской группы, которая об'единялась редакцией «Донецкая Жизнь». Эта группа возглавлялась Гибшманом, Юдовским и Файнштейном (Горским). Даже самая газета в те тяжелые годы представляла исключительное явление в такой провинции, как Луганск. «Донецкая Жизнь» возникла в октябре 1909 г., как либеральная газета. Несколько месяцев спустя редакция газеты перешла к большевику Гибшману (кличка «Лева»). С начала 1910 г., за год до выхода «Звезды», в центре Донбасса небольшая группа товарищей пыталась создать, и не без успеха, рабочую газету, преодолевая ценой многочисленных штрафов и тюрьмы неслыханно тяжелые условия столыпинской цензуры. «Донецкая Жизнь», на каком бы эзоповском языке она ни печаталась, выполняла большую культурно-политическую задачу пробуждения рабочих масс от гипноза реакции. В 1911 г. большевистская группа при газете достаточно окрепла, связалась с рабочими на предприятиях и принялась за оживление профсоюзов. Наладилась связь группы с Екатеринославом и Питером через членов Гос. Думы. Группа даже пыталась наладить выписку нелегальной большевистской «Рабочей Газеты» из Парижа. Развернувшаяся к моменту под'ема рабочего движения работа группы лучшим образом доказывает, что именно группа «Донецкой Жизни» подготовила возрождение луганской большевистской организации.

На этом можно закончить критические замечания касательно основных недочетов брошюры, как исторического очерка. Ошибки об'ясняются тем, главным образом, что очерк написан не спецом-историком, а рабочим-революционером.

Брошюра т. Николаенко все же содержит много весьма ценных данных, которые будут использованы историком и с интересом прочитаны рабочими.

А. О.

Б. САВИНКОВ. — Воспоминания террориста. Предисл. Ф. Кона, «Пролетарий», 1926 г., стр. 373. Ц. 2 р. 25 к.

Выпуская настоящую книгу, представляющую перепечатку очерков Савинкова, в свое время помещенных в «Былом», издательство не удосужилось сказать об этом хотя бы в двух словах петитом. Читатель не искушенный в исторических и литературных тонкостях, из-за этой небрежности издательства приходит в недоумение: откуда, мол, взялась сия книга, да еще после смерти Савинкова.

За исключением этого недостатка, издательство сделало очень хорошо, выпустив «Воспоминания террориста». От них веет здоровым революционным ароматом. Это настоящая революционная романтика, в хорошем смысле слова. Книга читается с захватывающим интересом, она увлекает читателя.

В значительной мере все это об'ясняется тем, что написана она Савинковым первой эпохи его революционного развития, когда он еще был настоящим революционером. В этом смысле настоящая книга интересна и как документ биографического характера, как один из ключей к психологии Савинкова.

Ведь нужно помнить, что непосредственно вслед за наступлением реакции Савинков выступил со своим романом «Конь бледный». Этот роман — полная противоположность «Воспоминаниям», вернее, он отвергает «Воспоминания», начисто уничтожает их революционный смысл, их идею. История развития Савинкова выпукло-диалектична: начав с пылкой революционности, которая сбивалась даже на анархизм, Савинков в эпоху реакции произвел «переоценку ценностей», особенно по части террора; идя по этому пути, он докатился, как известно, до своеобразного социал-патриотизма и социал-фашизма; наконец, пройдя через горнило белогвардейщины он, видимо, стал возвращаться на позиции революции, обогащенный всем опытом предыдущих двадцати лет. Смерть помешала завершиться этому циклу...

И вот настоящая книга относится как раз к первому периоду Савинкова,— хотя, как и должно быть при всяком процессе развития, в ней уже пробиваются ростки будущих изменений и превращений взглядов и идей автора.

Основная идея — террор, как единственное и основное оружие в революционной борьбе. Савинков неоднократно повторяет, что террор для него основа основ революции, что в массовое движение он не верит (книга писалась в середине 1909 г.). И автор рисует нам практическую организацию террора. Шаг за шагом показывает он, как подготовлялись и осуществлялись удачные и неудачные покушения эпохи расцвета эсеровского террора 1904 — 05 г. г. Эти страницы наиболее интересны и ярки. С присущим ему литературным талантом

Савинков выпукло рисует и дела террористов и их самих. Перед нами проходят герои и мученики Сазонов, Покотилов, Каляев, Зильберберг, братья Вноровские, Дора Бриллиант и многие другие.

Одна только особенность бросается в глаза: Савинков вкладывает в уста почти всем виднейшим деятелям террора те колебания и сомнения, которые зародились в нем самом как раз ко времени писания воспоминаний. У него и Каляев, и Сазонов, и Бриллиант мучаются мыслью: как примирить греховность убийства с чистотою и идейностью революционного дела. После убийства великого князя Сергея Дора Бриллиант разрыдалась, повторяя: «Я его убила». — Кого? — спросил Савинков, — Каляева? — Нет, великого князя.

Эта мысль об отвлеченной моральной и даже религиозной стороне террора и вообще революции красной нитью проходит через всю книгу, тесно ее связывая с «Конем бледным» и с Савинковым следующей эпохи.

Как ни интересно и увлекательно написаны страницы, посвященные борьбе и работе террористов, все же они не смутят, не собьют с толку нынешнего читателя. Книга в целом — *обвинительный акт* против террора, как революционного метода.

Против воли автора книга осуждает террор. Не только политически, показывая воочию, что террор никаких решительно результатов не дал. Савинков дал осуждение террору и в техническом смысле: он подробно и убедительно рассказал и доказал, что длительный и планомерный террор невозможен по техническим причинам. Боевую организацию нельзя уберечь от провокаторов (пример Азефа достаточно говорит за себя). Но даже и без провокаторов она легко становится добычей правительственной слежки: все ее мероприятия слишком легко парализовать контр-мерами и усилением охраны; наконец, непосредственно техническая сторона—характер оружия террористов (разрывные снаряды) и трудности изготовления и пользования ими также в сильнейшей степени ограничивают возможности террора.

Недаром и Савинков в результате своей террористической деятельности пришел к твердому убеждению, что дальше ее продолжать немыслимо,—и отстранился от дела.

И хотя книга кончается словами — «я стал готовиться к новой террористической кампании» (после окончательного розоблачения Азефа), однако, как известно, террору больше возродиться не было суждено.

Специальный раздел посвящен разоблачению Азефа, ничего нового, понятно, тут нет, но зато дана цельная и вполне убедительная сводка доказательств провокаторства Азефа.

Самое слабое место в книге — это попытки теоретизировать: обосновать теорию террора и программные воззрения автора. Глава, посвященная партийному с'езду 1905 г., в силу этого легко могла бы быть выпущена из *настоящего* издания.

И. Ф. СОРОКИН. — По большевистскому пути. «Московский Рабочий», 1926 г., стр. 72. Ц. 60 к.

А. ПИРЕЙКО. — В тылу и на фронте империалистической войны. «Прибой», 1926 г., стр. 63. Ц. 45 к.

Эти две небольшие книжечки представляют собой живые страницы недавнего прошлого, одушевленные документы ушедшей и уходящей эпохи. Ценность их в том, что они являются революционными автобиографиями, рассказами о революции рядовых ее участников. Поэтому они типичны.

Сорокин дает полную свою революционную автобиографию. Его путь отмечен тремя крупными вехами: текстильный Серпухов (1905—1909 г. г.), судостроительный Николаев (1910 — 14 г. г.) и Херсон (1914 — 18 г. г.). Революционный путь тов. Сорокина типичен для старого большевика — уже подростком он вовлекается в революционную работу; 1905 год делает его активным партийным работников. На немногих страницах живо и обстоятельно рассказывает автор, как в действительности совершалась первая революция и как она потерпела поражение.

К моменту нового под'ема революционной волны автор перекочевывает в Николаев. Здесь, в этом крупнейшем южном рабочем пункте, он снова попадает в самый центр партийной работы. С началом войны он перебирается в Херсон, где проделывает Февральскую революцию. И об этих двух этапах рассказано также очень живо и, вместе с тем, ясно и подробно. В целом книжечка дает нам достаточно полную и увлекательную картину жизни рабочей массы, ее борьбы, ее революционного воспитания.

Тов. Пирейко в своих воспоминаниях охватил значительно более узкую тему—царскую армию во время войны. Но эта тема до сих пор еще мало освещена, а воспоминаний есть еще меньше. Тем более работа тов. Пирейко заслуживает внимания. Он активный партийный работник, рабочий. После об'явления войны ему, несмотря на все ухищрения, все-таки пришлось пойти в царскую армию. С начала 1915 года он и провел в ее рядах всю войну вплоть до Октябрьской революции.

Автору удалось дать очень яркую картину настроений царской армии и внутренней жизни солдатской массы в первый период войны и нарисовать постепенный ход изменения в этих настроениях, просветления темного мужицкого сознания. На первых порах это сознание у всех без исключения солдат представляло собой, что называется, дремучий лес: никаких размышлений о цели войны, о ее характере, тупая и нерассуждающая покорность. Но вот поражения пробивают первую брешь: солдаты, по-прежнему не вдаваясь в политические рассуждения, начинают все упорнее и упорнее мечтать и говорить о мире. С этого момента, по наблюдениям автора, появилась возможность заводить хотя бы робкие и отдаленные разговоры на политические темы: их начинают слушать, они находят отклики, но все же ни о какой подлинной революционно-пропагандистской работе говорить не приходилось.

Тов. Пирейко дает целый ряд очень интересных картинок из жизни офицерства и взаимоотношений его с солдатской массой; у него попадаются

любопытные зарисовки погромно-бандитских деяний «славного царского воинства».

В главах, посвященных эпохе Февральской революции, отчетливо показано, как совершался перелом настроений от эсеровско-оборонческих к большевистским.

В. ЛЕВИЦКИЙ (В. О. Цедербаум). — **За четверть века**. Революционные воспоминания. Т. I. Ч. I. ГИЗ, 1926 г., стр. 168. Ц. 1 р. 35 к.

Эта книжка, как явствует из ее заголовка, — начало большой и интересной работы. Первое ее достоинство, сразу бросающееся в глаза, это живая и занимательная полубеллетристическая форма. Автор — старый участник революционной работы с самого момента оформления рабочего социал-демократического движения. Он — член видной революционной семьи, из которой вышел Мартов (брат автора). Это предопределяет характер если не всей работы, то вышедшей первой части, которая захватывает детство и юность автора. Так и пишет т. Левицкий в предисловии, что посвящает свои страницы б ы т о в о й стороне революции.

Эта бытовая сторона нашла свое выражение в рассказе о жизни типичной революционно-интеллигентской семьи Цедербаумов. Тов. Левицкий рассказывает, как он, его братья и сестры, их друзья и товарищи становились революционерами-марксистами и социал-демократами — как формировались руководящие революционные кадры из интеллигенции; тут же показано, как эти вновь создающиеся молодые кадры смыкались с массовым рабочим движением.

Помимо этой основной темы, в первой части дана еще широкая картина гимназического и студенческого движения 90-х г. г. в Петербурге. Автор, как младший сын в семье, получив боевое революционное крещение во время арестов старших братьев, сам окунулся в общественную работу еще в гимназии; он и рассказывает о большой гимназической организации, которая была создана в 97 г., о гимназических кружках и собраниях. Эти кружки занимались самообразованием, и вместе с тем давали своим участникам навыки общественной работы.

Во главе о студенческом движении дан достаточно подробный рассказ о развитии движения и о знаменитых волнениях 1899 — 1901 г. г. Особенно подробно рассказано о забастовке и беспорядках конца 1900 года.

По вполне естественным причинам, очень много внимания уделено Мартову и его революционной работе, — эта тема фактически является основным стержнем книги.

Особенно ценна книжка тем, что она дает характеристики и биографии или, по крайней мере, краткие сведения не только о видных участниках революционного движения, но и о многих десятках рядовых: автор поставил своей целью не пропустить никого из тех, с кем он сталкивался. Следуя этой цели, он вводит до известной степени новую традицию, которую нужно горячо приветствовать: на полотно исторической картины попадают не одни только единицы, но и основная масса тех, кто на заре нашей революции создавал рабочее движение и активно участвовал в нем.

В общем нужно признать работу тов. Левицкого заслуживающей полного внимания, как вносящую немалый вклад в нашу литературу по истории рабочего движения и партии.

Опыт библиографии по истории революции на Украине

ПЕРИОДИКА

(Окончание)

XI. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ ТОВАРИЩЕЙ, ПОГИБШИХ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ НА УКРАИНЕ [1])

АЛЯБЬЕВ

337. **Ворошилов, К.** Памяти красных героев, коммунистов Алябьева и Рудя. «Ком - ст» (ЦК Чернигов) 1919 г., № 1, стр. 14.

Погибли на укр. фронте в борьбе с Деникиным.

АРСЕНИЧЕВ

338. **Потураев, С.** Память т. Арсеничева. «Звезда» 1924 г., № 2, стр. 43 — 47.

Член Каменской организации компартии, расстрелян добровольцами в 1919 г. Краткая биография; гл. о. описывается его работа в различных городах Украины в период 1917 — 19 г.г.

АРТЕМ

339. **Из недр охранки.** 1. Переписка об Артеме. «Пути Рев.» 1925 г., № 1, стр. 79 — 81.

Попытки жандармского управления установить личность т. Артема и арестовать его в 1905 г. в Харькове, куда он прибыл для работы из Петербурга.

340. **Котов, Гр.** Из воспоминаний о т. Инессе и т. Артеме. «Прол. Рев.» 1921 г., № 2, стр. 115 — 122.

II. О т. Артеме — стр. 119 — 122.

О работе т. Артема в 1906 г. на Урале; арест его; встреча с Артемом в 1917 г. на VI партс'езде в Питере.

341. **Кристаловский, И.** Мои встречи с т. Артемом (воспоминания). «Ком - ст» (Одесса) 1923 г., № 25, стр. 148 — 157.

О совместной работе с т. Артемом («Виктором») в Елисаветградской организации б - ков в 1904 г.

342. **Наседкин, В.** Воспоминания о т. Артеме. «Пути Рев.» 1925 г., № 1, стр. 87 — 90.

О пребывании т. Артема в эмиграции в Китае в 1907 г. и об от'езде его в Австралию.

343. **Письма Артема.** «Лет. Рев.» 1924 г., № 4 (9), стр. 211 — 223.

Письма относятся к 1909 — 10 г.г., переданы редакции Ивашкевич, которой они были адресованы. Приведены письма из след. мест: 1) письма из харьковской тюрьмы; 2) письмо т. Артема из иркутской тюрьмы (с этапа); 3) письмо Артема из ссылки; 4) письмо т. Артема с дороги (во время побега из ссылки), 5) письмо Артема из Австралии.

---

[1]) В этот отдел указателя вошли те статьи и материалы, которые специально посвящены отдельным революционным деятелям, работавшим на Украине. Не ставя ни в коей мере своей целью дать словарь работников революции на Украине, мы, за небольшими исключениями, не вводили сюда ссылок на статьи, в которых попутно с основной темой, сообщаются биографические сведения о том или другом товарище.

В отношении тех лиц, которые более или менее тесно связаны с революцией на Украине, мы даем указания на все биограф. материалы, хотя бы они и выходили за пределы рассматриваемого хронологического периода или за пределы революции на Украине (напр., т. т. Фрунзе, Артем, Владимиров и др.).

Считаем нужным отметить, что и этот отдел указателя составлен по тем же 60 журналам, список которых приведен в «Лет. Револ.» № 3 — 4 за этот год.— Составители.

344. **Серешининов, А.** Тов. Артем (Сергеев) за работой в Австралии. «Прол. Рев.» 1921 г., № 2, стр. 122 — 126.

Воспоминания о работе т. Артема в 1911 г. в Австралии (Брисбейн) по организации союза русских эмигрантов.

345. **Френкель, Ар.** Старый солдат революции (встреча с т. Артемом). «Прол. Рев.» 1921 г., № 2, стр. 126 — 129.

Воспоминания о встречах с т. Артемом в начале 1918 г. в Ростове, когда он работал по организации отступления, и в конце 1918 г. в Курске — в составе укр. рев. правительства.

346. **Холмская, Е.** Еще о т. Артеме. «Парт. Раб.» 1922 г., № 11—12, стр. 186 — 187.

Воспоминания об Артеме перед эвакуацией Харькова в 1918 г., перед занятием Харькова большевиками в 1918 — 19 г.г., и когда он был секретарем МК РКП в 1920 г.

БАГЛЕЙ, Г.

347. **Булат, А.** Памяти друзей и товарищей по работе. «Зв. Зоря» 1921 г., № 29, стр. 53 — 54.

Баглей, Гавриил—б-к; работал в Екатеринославской организации среди жел. дор.; после наступления немцев переехал в Москву, где и умер от тифа в 1919 г.

БАЛАБАНОВ, Леонид

348. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5—7, стр. 170.

Л. Б. был членом ЦК КСМУ, секретарем Подольского губкома КСМУ, член губкома КП(б)У и губисполкома Подолии; умер в Виннице в 1922 г. от сыпного тифа.

БАРМАШЕВА, Ф. М.

349. **Ленау, М.** Ф. М. Бармашева. «Парт. Вестн.» 1922 г., № 2, стр. 45 — 46.

Крестьянка, член КП(б)У; убита в селе Заселье Херсонского у.; вступила в партию 67 лет в 1920 г., работала на селе. В статье приведены отзывы «Правды» о Бармашевой и стихотв. Д. Бедного «Героический образ».

БЕЛАН

350. **Гурза, Г.** Памяти крестьянина Белана. «Кат. и Ссыл.» 1925 г., № 7 (20), стр. 271 — 272.

В 1905 — 6 г.г. работал в Лубенской группе крестьянского союза партии соц.-рев.; после 1917 г вновь работал на Украине среди своих односельчан; умер в 1919 г.

БОШ, Евгения

351. **Ауссем, В.** Евгения Бош (1879 — 1924 г.). «Лет. Рев.» 1925 г., № 2 (11), стр. I — VII.

Автор дает характеристику Е. Бош, как политического борца и человека.

Особенно подробно останавливается на ее деятельности в Киеве в период 1917 — 18 г.г.

351а. **Ауссем, В.** Письмо в редакцию редактору «Летописи Революции». «Лет.Рев.» 1925 г., № 3 (12), стр. 248.

По поводу изменений, сделанных редакцией журнала в его статье о Е. Бош.

352. **Ауссем, В.** Ответ О. Шахрай. «Лет. Рев.» 1925 г., № 4 (13), стр. 187.

Письмо в ред. журн. «Летопись Революции» по поводу открытого письма В Ауссему.

353. **Ответ редакции** «Лет. Рев.» 1925 г., № 3 (12), стр. 248 — 250.

Ответ редакции журнала «Летопись Революции» В. Ауссему по поводу сделанных редакцией изменений в его статье о Е. Бош.

354. **Преображенский, Е.** Евгения Богдановна Бош. «Прол. Рев.» 1925 г., № 2(37), стр. 5 — 16.

Подробная биография Е. Бош; детально освещает все моменты ее жизни и деятельности.

355. **Шахрай, О.** Открытое письмо т. Ауссему. «Лет. Рев.» 1925 г., № 4 (13), стр. 182 — 186.

Письмо в ред. журнала «Летопись Революции» по поводу имеющихся в статье т. Ауссема о Е. Бош сведений о В. М. Шахрае.

БУГОВ, И. (Натанзон)

356. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5—7, стр. 170.

Краткая биографическая заметка, автор которой не указан. И. Б. работал на Подолии; был дунаевецким райпродкомиссаром; убит бандитами в 1921 г.

БЫКОВ

357. **Уралец**. Виктор Михайлович Быков (некролог). «Прол. Рев.» 1925 г. № 11 (46), стр. 301 — 304.

В рев. движении участвует с 1904—1905 г.г., с 1917 года большевик. В 1919 г. работал на Украине в качестве председателя упр. рудниками Криворожского и Никопольского районов; уехал с Украины в 1920 г.; умер в Ленинграде в 1925 г.

ВЛАДИМИРОВ, М.

358. **Футорян. Е.** Мирон Константинович Владимиров. «Кат. и Ссыл.» 1925 г., № 4 (17), стр. 232—237.

В 90 г. г. работал в Херсоне в гимназич. кружке с.-д., в 1903 г. работал в Гомельском (Полесском) комитете; в 1905 — 6 г.г. в Одессе, потом в Екатеринославе. Луганске.

359. **Черкасский, М** Памяти Мирона Константиновича Шейнфинкель-Владимирова (товарища Левы). «Канд. Звон», 1925 г., № 2, стр. 142 — 147.

С.-д., работал в Одессе до 1907 г., В статье описывается пребывание М. Ш. в одесской тюрьме в 1907 — 8 г.г. и встреча с ним (когда он был уже наркомпродом) в 1920 г. в Одессе на совещании Губэкосо.

ВОРОНКОВ, Д.

360. **Алисов, Пл.** Памяти товарищей. I. Даниил Воронков. «Кат. и Ссыл.» 1925 г., № 1 (14), стр. 261 — 262.

Краткая биография. Д. В. в 1918 г. был членом Бердянского совета раб. деп. и исполкома; расстрелян белыми.

ВОРОНЦОВ, П.

А. Булат. Памяти друзей и товарищей по работе. См. № 347.

Петр Воронцов — большевик; чл. организации с 1911 г.; все время активно работал на Екатеринославщине; погиб на фронте во время наступления Деникина на Украину.

ГОЙХЕР

361. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5—7, стр. 169.

Краткая биографическая заметка. Автор не указан Гойхер — чл. Винницкого губкома; погиб в августе 1919 г. под Калиновкой (на Подолии) в бою с петлюровцами.

Гольберштат, Давид. См. № 375.

ГОРЕЛОВ, К.

362. **М. С.** Кирилл Степанович Горелов. «Канд. Звон» 1925 г., № 3, стр. 199 — 201.

С 1903 по 1908 г. работал в Одессе в организации с.-д. большевиков; после революции работал также в Одессе в период 1917 — 1919 годов; умер в Одессе в 1925 г.

ГУРЕНШТЕЙН, Лазарь

363. **С. И.** Лазарь Гуренштейн (памяти подпольщика-революционера). «Лет. Рев.» 1925 г., № 4 (13), стр. 99 — 103.

Л. Г.— большевик с 1904 г. В статье рассказывается его революционная биография; особенно подробно автор останавливается на его работе после революции в Екатеринославе; погиб в деникинской контр-разведке в 1919 г.

ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ

364. **Савельев, М.** Памяти тов. Довнар-Запольского. «Ком-ст» (ЦК Чернигов) 1919 г., № 2, стр. 13.

Погиб в гражданской войне на Украине.

ДНИСТРЕНКО

365. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5—7, стр. 170.

Краткая биографическая заметка. Автор не указан. Д. работал в Каменецком подполье в 1920 г. арестован и убит петлюровцами.

ЕРМАН (Самарий)

366. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5—7, стр. 170.

Краткая биографическая заметка, автор которой не указан. Е.— чл. Могилевской организации; погиб вместе с т. Селянином. См. № 398.

ЖИВОДЕР, М.

Булат А. Памяти друзей и товарищей по работе. См. № 347.

Максим Живодер — б-к, чл. Екатериносл. организации; с 1914 г. работал все время на Екатеринославщине; погиб на фронте в конце 1918 г.

ЗАЛИВЧИЙ, А.

367. **Яловий, Мих.** Перші хоробрі. «Черв. Шл.» 1923 г., № 9, стр. 111 — 119.

Статья посвящена памяти погибших в борьбе против гетманщины в Чернигове — А. Заливчого; в деникинской охранке в Киеве — Г. Михайличенко и Чумака. Статья говорит о роли погибших, как представителей украинской интеллигенции в борьбе за диктатуру пролетариата.

КАВЕРИН

368. **Луговой, А.** Памяти друга, борца и товарища, А. А. Каверина. «Зв.-Зоря» 1921 г., № 29, стр. 24.

Воспоминания о жизни и революционной деятельности Каверина на Екатеринославщине, гл. о., после Февр. революции до 1919 г.; погиб на деникинском фронте.

КЛОЧКО, В.

Булат А. Памяти друзей и товарищей по работе. См. № 347.

Клочко — чл. Заднепровской большевистской организации; активно работал с 1912 — 13 г.г., все время на Екатеринославщине; погиб во время австро-германского подполья. Предполагают, что был пойман петлюровцами и брошен в Днепр.

369. **Заднепровец, Д.** Кое-что из прошлого (памяти чистого идеалиста, любимого товарища, павшего жертвой петлюровских палачей, Володи Клочко). «Лет. Рев.» 1923 г., № 2, стр. 277 — 278.

Общая характеристика т. Клочко, как революционера и человека.

370. **Равич-Черкасский, М.** Володя Клочко. «Лет. Рев.» 1923 г., № 2, стр. 279 — 280.

Краткий очерк по личным воспоминаниям.

Суханов, А. Заднепровье (1913 — 1917 г.г.). См. № 39.

КОЗИЦКИЙ, Николай

371. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5 — 7, стр. 163.

Краткая биография. Автор не указан. Н. К. — сын крестьянина; с 1903 г. соц.-дем.; работал на Подолии и в Киеве; в 1907 г. был сослан в Якутскую область; в 1913 г. руководил забастовкой шахтеров в с. Первозвановке Екатер. губ.; в 1920 г. был переброшен на Украину и работал предгубревкомом Подолии; убит бандитами в октябре 1920 г. в с. Каменке Киевск. губ.

КОТОВСКИЙ, Г. И.

372. **Барсуков, М.** Коммунист-бунтарь (Григорий Иванович Котовский). «Красная Новь» 1925 г., № 8, стр. 199 — 223.

Статья описывает революционно-бунтарскую деятельность Котовского в Бессарабии до революции 1917 г. и его работу после революции в рядах Кр. армии.

Дегтярев Л. С. Октябрь румынского фронта (стр. 233 — 239). См. № 153.

373. **К. Дическу-Дик.** Григорий Иванович Котовский (памяти товарища и друга). Некролог (1887 — 1925 г.). «Прол. Рев.» 1925 г., № 10 (45), стр. 5 — 10.

Краткая биография. Особенно подробно автор останавливается на послереволюционной деятельности Котовского во время гражданской войны и по созданию автономной советской Молдавии.

374. **Рубель.** Г. И. Котовский. «Канд. Звон» 1925 г., № 3, стр. 182 — 185.

Краткая биография. Описывается встреча с Г. И. в 1906 г. и пребывание его в тюрьме в 1906 — 7 г.г.

КРАСНЫЙ, Гр.

375. **Рубель, Е.** Григорий Красный (Давид Гольберштат). «Канд. Звон» 1925 г., № 1, стр. 140 — 143.

Краткая биография. К. Г. в рев. движении с 1904 г.; работал в Одессе, был

анархистом; в 1917 г. вернулся с каторги в Одессу; в октябре стал б-ком; погиб в 1919 г. в борьбе с восставшими немцами-колонистами.

КРУЧИНИН, А.

376. **Дубина**. Анатолий Кручинин. «Лет. Рев.» 1923 г., № 5, стр. 241 — 242.

Большевик; с 1917 г. работал в Екатеринославе, потом в Красной армии и с 21 г. работал на Волыни в Старо-Константинове, где и умер в 1922 г.

Ласточкин, Николай. См. Смирнов, Иван.

ЛЕВИЦ Р.

377. **Покко, С.** Роберт Левиц. «Прол. Мысль» 1923 г., № 2, стр. 34 — 35.

Большевик; работал в Харькове с 15 г.; участвовал в гражданской войне; умер в 19 г. Воспоминания охватывают период 1915 — 19 г. г.

ЛЕВИЦКАЯ

378, **„Наша Кузн."** 1922 г. № 5—7, стр. 170.

Крестьянка, волженорганизатор; убита бандитами в Летичевском у. Подольской губ.

ЛИТВИНЕНКО, Николай

379. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5—7, стр. 165 и 169.

Краткая биография. Автор не указан. Н. Л. с 1915 г. работал на Украине (был у. с.-р. боротьбистом), затем большевик, с 1921 г. работал на Подолии; убит бандитами в июле 1921 г., во время поездки по парт. делам,

ЛОБОВА, В.

380. **Бубнов, А.** Валентина Николаевна Лобова. «Прол. Рев.» 1924 г., № 7 (30), стр. 166 — 168.

Некролог. Старая большевичка. От ноября 1918 г. по февраль 1919 года вела подпольную работу в Киеве (период гетьманщины и петлюровщины); во 2 периоде Соввласти в Киеве — чл. губисполкома. Остальное время работала не на Украине.

381. **Преображенский, Е.** В. Н. Лобова. «Прол. Рев.» 1924 г., № 7 (30), стр. 166 — 168.

Общая характеристика.

ЛУТОВИНОВ, Ю.

382. **„Каторга и Ссылка"** 1924 г., № 4 (11), стр. 271.

Краткая биографическая хроника.

383. **Николаенко, И.** Памяти товарища (материалы к биографии Юрия Лутовинова). «Лет. Рев» 1925 г., № 3 (12), стр. 181 — 188.

Воспоминания о работе т. Лутовинова в Луганске в 1915 — 17 и 1919 — 20 г.г.

МАКСИМОВИЧ

384. **„Наша Кузн."** 1922 г., № 5—7, стр. 161 и 169. (Тов. Максимович — член коллегии губчека и председком губревтрибунала 1919 г.).

Краткая биография. Автор не указан.

М. работал на Подолии; при отступлении деникинцев был ими увезен и убит на ст. Жмеринка.

МЕНИН, Д.

385. **Ф. Фибих.** Памяти Давида Менина. «Кат. и Ссыл.» 1923 г., № 5, стр. 242 — 243.

М. работал в Одессе с 1905 г. (меньшевик); в 1919 г. в период деникинщины вновь вернулся в Одессу (к тому времени был большевиком); погиб на польском фронте в 1920 г.

МИЗИКЕВИЧ, П.

386. **Кристаловский.** Павел Мизикевич (к трехлетию со дня смерти). «Ком-ст» (Одесса) 1922 г., № 22, стр. 100 — 107.

Большевик; вступил в партию в 1904 г. с начала революции, активно работал в Одессе; работал по организации повстанчества во время австро-германской оккупации. В 1919 г.; погиб во время восстания немцев-колонистов в Одессе.

МИНАЕВ, Ив. Ив.

387. **Автобиография рабочего революционера.** «Кат. и Ссыл.» 1923 г., № 7, стр. 91 — 111.

В конце 90 г.г. работал в с.-д. кружках в Харькове; в 1905 г. в Александровске; в 1919 г. вступил в компартию и работал почти без перерывов на Украине (Запорожье) до 1922 г.

МИРИНГОФ, И.

388. **Магри.** И. Д. Мирингоф. «Парт. Вестн.» 1922 г., № 6. стр. 76 — 77.

В 1904 г. член РС-ДРП(б) в Николаеве; после июльских дней 1917 г. б-к; с октябрьского переворота почти все время работал в Николаеве; погиб в августе 1919 г. в борьбе с кулацким восстанием в селе Червоном (Николаевщина), за несколько дней до прихода белых.

МИХАЙЛИЧЕНКО

Яловий, Мих. Перші хоробрі. См. № 367.

МОГИЛЕВСКИЙ, С. Г.

389. **Автобиография С. Г. Могилевского.** «Кат. и Ссыл.» 1925 г., № 4 (17), стр. 238 — 239.

В 1902 г. работал в Екатеринославской организации РС-ДРП; в 1905 г. работал там же и в Донбассе; в 1919 г. работал в Киеве в НКЮ.; погиб в 1925 г. во время катастрофы с аэропланом около Тифлиса.

Натанзон. См. № 356.

ОНИЩЕНКО, Коля

390. **Янковский, З.** Лазарь Фельдман и Коля Онищенко. «Парт. Вест.» 1922 г., № 6., стр. 78.

Оба работали в ком. союзе молодежи и погибли в числе 16 в с. Козлове (Николаевщина) в середине 1919 г.

ОСТРОВИДОВ, Д.

391. **Ильницкий.** Красный батюшка (памяти Василия Островидова.). «Ком-ст» (Одесса), 1921 г., № 15, стр. 10 — 11.

Священник одесской Свято-Духовской церкви; убит 9/IV-21 г. в Балтском у. С начала революции стал на сторону Сов. власти; работал среди крестьян в качестве уполномоченного лескома и боролся с контр-революционным духовенством; был убит на работе.

ПИНСКИЙ, М.

392. **М. Ленау.** М. И. Пинский. (В. Е. Рунин). «Парт. Вестн.» 1922 г., № 2. стр. 46.

Большевик; в рабочем и революционном движении с 17 лет; с начала революции работал в николаевских и херсонских «Известиях»; умер в 1922 г.

ПЯТАКОВ, Л.

393. Еще и еще... «Ком-ст» ЦК Москва, 1918 г., № 3 — 4.

О гибели Рошаля, Подтелкова, Леонида Пятакова и Володарского.

РОВНЕР

394. **Козловский.** Ровнер (Аким). «Парт. Вест», 1923 г., № 6, стр, 73.

Начал принимать участие в рев. движении в Николаеве в 1902 г.; с 1903 г. член РС-ДРП(б); работал с перерывами в Николаеве; после Октября опять в Николаеве; погиб в 1919 г.

РОЗЕНТАЛЬ, П. И.

395. **Лурье, Г.** Ушедшим «Романовцам» (П. Рольт Анман.)

Павел Исаакович Розенталь (1872 — 1924). «Кат. и Ссыл.» 1925 г., № 2 (15), стр. 235 — 244.

Член партии «Бунд» (лев.); работал в Киеве в 1919 г. во время деникинщины; умер в Вильно в 1924 г.

РУДНЕВ

396. **Глаголев, Н.** Памяти товарища Руднева (краткая биография). «Лет. Рев.» 1923 г., № 5, стр. 242 — 246.

Большевик; в 1917 — 18 г. работал в Харькове, был зам. наркома по военным делам в республ. Донецкого и Криворожского бассейна; погиб на фронте в 1918 году.

РУДЬ

Ворошилов, К. Памяти красных героев, коммунистов Алябьева и Рудя. См. № 337.

Рунин. См. № 392.

САФРОНОВ, П.

397. **Из воспоминаний т. С. Макарова.** «Парт. Вестн.» 1922 г., № 6, стр. 71.

Начал рев. деятельность в Николаеве в 1903 г.; был членом РС-ДРП(б) до 1906 г. и с 1907 г. опять в Николаеве: умер в 1919 году.

СЕЛЯНИН, М.

398. **„Наша Кузн.“** 1922 г., № 5—7, стр. 170.

Краткая биографическая заметка. Автор не указан.

С. работал на Подолии; убит бандитами в 1921 г. во время служебной поездки.

СЕРГЕЕВ, М.

399. **Сидоров, Ал.** Ушедшие соратники. М. В. Сергеев. «Парт. Вест.» 1922 г., № 3, стр. 68.

Большевик; принимал участие в рев. движении до революции; на Украине работал с 1920 г. в качестве военкома ГВИД'а Николаевской губ.; умер 23/VII 1922 г.

СКЛЯР, И.

400. **Янковский, З.** Иосиф Скляр. «Партийный Вестник.» 1922 г., № 6, стр. 74—75,

Воспоминания посвящены, главным образом, работе Скляра в Николаеве и Херсоне в качестве уполномоченного Совнаркома УССР. Убит во время кулацкого восстания в Козлове в начале 1919 г.

СКОРОХОД, А.

401. **Гулый.** Алексей Скороход. «Парт. Вест.» 1922 г., № 11—12, стр. 182.

Большевик; рабочий-токарь депо Харьков-пассажирский; принимал участие в револ. движении до революции; с начала революции играл видную роль на железной дороге; умер до занятия города деникинцами (в начале 1919 г.).

СЛИНЬКО, П.

402. **Петр Слинько** (материалы к биографии). «Лет. Рев.» 1923 г., № 3, стр. 82—90.

Крестьянин; с 1915 г. член У.С.-Д.; после Февральской революции работал в Лубнах; в ноябре 1917 г. порвал с У.С.-Д.; при наступлении немцев эвакуировался с Сов. властью; в мае 1918 г. вступил в РКП и вернулся на Украину для подпольной работы; II период Сов. власти работал в Киеве (член губревкома); Слинько — член I и II созыва ЦК КП(б)У; при наступлении Деникина остался на Украине для подпольной работы; был расстрелян деникинцами в Харькове 30 ноября 1919 года

403. Поправка к ст. о П. Слинько, помещенной в журн. «Лет. Рев.», № 3, стр. 88 (опечатка).

«Лет. Рев.» 1923 г., № 5, стр. 279.

СМИРНОВ, И. Ф. (Николай Ласточкин)

Анулов, Ф. Союзный десант на Украине (гл. 7). См. № 246.

Балкун, Ф. Интервенция в Одессе. См. № 238.

404. **Ракис, А.** Николай Ласточкин — Иван Смирнов (воспоминания). «Ком-ст». (Одесса) 1922 г., № 23, стр. 77—80.

Большевик; работал в одесском гетманском и деникинском подполье; был арестован контр-разведкой; погиб (утоплен) в 1919 г.

405. Иван Федорович Смирнов. Жизнь и деятельность. «Ком. Мысль» 1922 г., № 7 (19), стр. 101—102.

Большевик; работал в Киеве с 14 г. и в 17 г.; в 18 г. командирован в Одессу, где вел рев. работу среди десантной армии Антанты; был арестован французским командованием и погиб.

СОКОЛОВ

406. **„Наша Кузн.“** 1922 г., № 5—7, стр. 169.

Краткая биография. Автор не указан.

С.—председ. губчека Подолии; погиб вместе с т. Козицким. См. № 371.

СТРЕЛКОВ

407. **„Наша Кузн.“** 1922 г. № 5—7, стр. 170.

Краткая заметка. Автор не указан.

С. работал на Подолии; убит бандитами в 1921 г.

ТАРАНЮК, И.

408. **„Наша Кузн.“** 1922 г., № 5—7, стр. 167 и 170.

Краткая биография. Автор не указан.

Т.— крестьянин-незаможник; был с 1918 г. в Кр. армии; коммунист; работал на Подолии: остался для подпольной

работы во время польско-петлюровского наступления (октябрь 1920 г.); был убит петлюровцами вблизи Бара.

ФЕЛЬДМАН, Л.

Янковский, З. Лазарь Фельдман и Коля Онищенко. См. № 390.
Филиппов. См. №№ 433, 434.

ФРУНЗЕ, М. В.

410. **Белицкий, С.** М. В. Фрунзе — командующий южной группой восточного фронта в 1919 г. «Война и Рев.» 1925 г., № 7—8, стр. 17—31.

«Стенограмма доклада, сделан. на траурном заседании Центр. Сов. ВНО, ОБВНО дома РВС и ОВНО Воен. Ак. Статья посвящена деятельности т. Фрунзе на восточном фронте.

411. **Биография т. М. В. Фрунзе.** «Война и Рев.» 1925 г., № 1, стр. 3—6. Краткая биография написана по поводу назначения т. Фрунзе нар. ком. по военным и морским делам и председателем РВС СССР.

412, **Гусев, С.** М. В. Фрунзе и Красная армия. «Ком. Интерн». 1925 г., № 11 (48), стр. 26—35.

Автор говорит о роли Фрунзе в строительстве Кр. армии, останавливаясь попутно на основных моментах развития Кр. армии от 1919 по 1925 г.

413. **Клочко, И.** Михаил Васильевич Фрунзе. «Война и Рев.» 1925 г., № 7—8, стр. 3—10.

Краткая биография М. В., в которой автор, гл. о., останавливается на роли т. Фрунзе в гражданской войне и в строительстве Кр. армии.

414. Памяти политического каторжанина и пролетарского полководца т. Михаила Васильевича Фрунзе. Президиум всеукраинского совета всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев. «Шути Рев.» 1925 г., № 2, стр. 9.

415. **Самойлов, Ф.** Михайло Васильевич Фрунзе (некролог) «Прол. Рев.» 1925 г., № 11 (46), стр. 5—8.

Краткая биография; автор останавливается на работе т. Фрунзе на Украине по ликвидации Врангелевского фронта.

416. **Скобенников, А.** М. В. Фрунзе. (Арсений) на каторге и в ссылке. «Кат. и Ссыл.» 1925 г., № 7 (20), стр. 250—254.

Воспоминания о пребывании товарища Фрунзе на каторге в 1907—14 г. г.

417. Михайло Васильевич Фрунзе. «Ком-р» (укр.) 1925 г., № 15, стр. 73—76.

Некролог.

418. **Эйдеман, Р.** Вождь-полководец. «Война и Рев.» 1925 г., № 7—8, стр. 11—16.

Автор дает характеристику т. Фрунзе, останавливаясь особенно подробно на роли его в ликвидации Колчаковского фронта и в борьбе на Украине.

ХВОРОСТИН, А.

419. **Ингулов, Сергей.** Александр Хворостин. Расстрелян белогвардейцами 26 декабря 1919 г.. «Ком-ст» (Одесса) 1921 г., № 8—9, стр. 18—21.

Работал в деникинском подполье в Одессе; чл. областкома.

ХИНЕВ, И. С.

420. **Сибиряков, С. (Браверман)** Памяти Ивана Степановича Хинева. «Кат. и Ссыл.» 1925 г., № 6 (19), стр. 239—242.

Чл. РС-ДРП(б); работал в Бессарабии; арестован в 1918 г.; после революции вновь работал в Бессарабии.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ, А. И.

421. **Памяти А. И. Хмельницкого.** «Ком-ст» (Одесса) 1921 г., № 8—9, стр. 15—17.

Воспоминания: А. Рекис, Кристаловского, Н. Матяш.

Хмельницкий до Февральской революции — меньшевик; потом член РС-ДРП(б); работал, гл. об., в Одессе, член ЦК КП(б)У и наркомюст в 1919 г.; умер 7/XII-19 г. в Москве от воспаления легких.

ХОПЕРСКАЯ, Г.

422. **Брат Ганны Федор.** Воспоминания о т. Ганне Хоперской.

«Парт. Раб.» 1922 г., № 11—12, стр. 183—185.

Краткая биография; даны основные моменты ее жизни и деятельности; работала в подполье в Харькове в 1918 г. и в наробразе в начале 1919 г.

423. **С. З.** Ганна Хоперська. «Лет. Рев.» 1925 г., № 3 (12), стр. 188—192.

Работала с 1912 г. в Харькове в укр. соц. студенческих кружках; в 1917 г. член УС-ДРП; накануне Окт. рев. стала большевичкой; работала в Харькове; была в деникинском подполье; умерла в 1920 г.

424. **Покко.** Воспоминания о т. Ганне. «Парт. Раб.» 1922 г., № 11—12, стр. 186.

Работа Г. Хоперской в 1917—20 г. г. в Харькове.

ХРУСТАЛЕВ-НОСАРЬ

425. **Канторович, В.** Хрусталев-Носарь. «Былое» 1925 г., № 4 (32), стр. 117—153.

Политическая биография. В послед. XIII главе — о Хрусталеве Носаре в Переяславском совете рабочих депутатов в 1917 г.

426. **Сверчков, Дм.** Т. С. Хрусталев-Носарь. Опыт политической биографии. «Кр. Нов.» 1914 г., № 3 (20), стр. 145—167.

Содержание: В те годы... (необходимое предисловие). 1. Рыба ищет, где глубже... II. На пути к славе. III. Политическое кредо Носаря. IV. На вершине славы. V. По наклонной плоскости. VI. Мы и Хрусталев. VII. Носарь-эмигрант. VIII. Хрусталев и война. IX. Хрусталев и революция. X. Конец Хрусталева.

В IX и X гл., посвященных деятельности Хрусталева после Февр. рев., автор рассказывает об организации Хрусталевым Переяславской республики (Полт. губ.) и его деятельности там в период 1917—18 г. г. в союзе с гетманом. Хрусталев был расстрелян красными.

ЧЕРНЫЙ, Р.

427. **Вайсберг, Р.** Тов. Михаил («Рафаил Черный»). «Лет. Рев.». 1923 г., № 4, стр. 155—165.

Работал на Украине с 1903 г.; анархо-синдикалист; потом бундовец; большевик с 1918 г.; работник гетманского и деникинского подполья; казнен деникинцами в Харькове в октябре 1919 г.

Леонов, Л. Харьковское подполье во время деникинщины. См. № 293.

428. **Рафаил Черный** (биографический очерк). «Ком. Мысль» 1922 г., № 8 (20), стр. 101—102.

ЧИГРИН, И.

429. **Из воспоминаний т. Макарова и Ситникова.** «Парт. Вест.» 1922 г., № 6, стр. 72.

Начал принимать участие в рев. движении в Николаеве с 1898 г.; с 1903 г. член РС-ДРП(б); в 1906 г. был выслан; работал также в других городах; с 1917 по 19 г. опять в Николаеве.

ЧУДНОВСКИЙ, Г. И.

430. **Н. Г.** Революционный романтик, (памяти Г. И. Чудновского). «Зв.-Зоря», 1922 г., № 11 (40), стр. 53—55.

Участвовал в рев. движении (с.-д. большевик) с 1903 г.; с 1903—1905 г. в Екатеринославе; потом был заграницей в эмиграции; с начала 1918 г. на Украине ведет борьбу с украинской контрреволюцией; погиб в бою с немцами под Полтавой в 1918 году.

431 **Мануильский, Д.** Памяти Г. И. Чудновского. «Лет. Рев.» 1922 г., № 1, стр. 229—233.

Воспоминания о работе т. Чудновского, главным образом, в Ленинграде в 1917 году.

ЧУМАК

Яловий, Мих. Перші хоробрі. См. № 367.

Шахрай, В. См. №№ 352, 355.

ЩЕПКИН, Е. Н.

432. **А. Осипович.** Памяти Е. Н. Щепкина. «Ком-ст» (Одесса) 1920 г., № 6—7, стр. 19—20.

Профессор, чл. одесской организации КП(б)У, умер 13/XI-20 г. В 1917 г.

левый с.-рев., в 1918 г. перешел в КП(б)У, работал в Одессе, участв. в гражданской войне, был в деникинском подполье.

ЭДЕЛЬШТЕЙН, Е.

433. **Тарногродский, Н.** Евгений Эдельштейн (воспоминания о его жизни и работе). «Лет. Рев.» 1922 г., № 1, стр 242—246.

Работал в большевистских организациях Киева с 1915 г. Погиб в бою с бандитами в 1919 г.

434. **Эдельштейн (Филиппов), Евгений.** «Наша Кузн.» 1922 г., № 5—7, стр. 169.

Краткая биография. Автор не указан.

Э. погиб в мае 1919 г. во время защиты Винницы от шепелевских банд.

ЭТНЕРОВИЧ, Г. С.

435. **Григорий Семенович Этнерович.** «Пути Рев.» 1925 г., № 2, стр. 23–24.

В 1905 г. чл. УС-ДРП, работал среди крестьян на Лубенщине, потом перешел в партию с.-р., последнее время был коммунистом.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Аболин, А. № 320.
Аверин, В. № 72.
Авксентьев № 276.
Алексеев, Н. № 263.
Алисов, Пл. № 360.
Анулов, Ф. № 246.
Артем № 343.
Аршинов № 262.
Ауссем, В. № 351, 351а, 352.
Ачканов, Ф. № 137, 237.
Б. С. см. Бакинский, Сергей.
Баглай, Г. № 157.
Бакинский, Сергей № 1, 41.
Балкун, Ф. № 238.
Бальзак, С. № 294.
Барсуков, М. № 372.
Бела-Кун № 168.
Белицкий, С. № 410.
Бессонов, Владимир № 239.
Бинштok, М. № 309.
Бирзнек см. Силин.
Борисов № 124.
Боровой, С. № 2.
Бош, Е. № 42, 90.
Бубнов, А. № 170, 216, 217, 218, 380.
Будовский, И. № 152.
Буздалин, С. № 54, 55.
Булат, А. № 347.
Бутков № 224.
Буценко, А. № 120.
Быструков № 118.
В. М. см. Волохов, Марк.
Вайнерос, И. № 139.
Вайсберг, В. № 427.
Веденский, В. № 91.
Винниченко, В. К. № 323.
Витек № 321.
Волкац, С. № 165.
Волохов, Марк № 264, 265, 266.
Ворошилов, К. № 337.
Гамарник, Ян № 93.
Гамбаров, Александр № 32.
Гарин, Б. (Линде) № 151.
Гендлер, М. № 125.
Глаголев, П. № 396.
Гладкий № 138.
Гопнер, С. № 73.
Горбань № 310.
Горелик, С. № 171, 321а.
Горелов, Кирилл № 140.
Грабовский, Макс № 322.
Гринько, Г. № 441.
Грищута см. Коневец.
Грязев № 223.
Гулый, К. № 56, 401.
Гурза, Г. № 350.
Гусев, С. № 412.
Гутман, М. № 313.
Д. В. № 141.
Давиденко, С. № 222.
Дегтярев, С. № 142, 153.
Дегтяренко № 94.
Десняк, В. № 43.
Дическу-Дик № 373.
Долгин, П. № 295.
Дробнис № 3.
Дубина № 376.

Есаулов № 314.
Железнодорожник № 126.
Жернов № 230.
Жуков № 224.
З. А. № 267.
Заднепровец см. Лебедь.
Зайцев, Ф. № 80, 81.
Затонский, Вл. № 44, 95, 252.
Зонненберг см. Щербина.
И. М. см. Иванов, М.
Иванов, А. № 96, 97.
Иванов, К. № 436.
Иванов, М. № 35, 174, 225.
Ильницкий № 391.
Ингулов, Сергей № 306, 419.
К. П. см. Пятаков, Г.
Кабанцев № 138.
Каган, И. № 158.
Казимирчук, П. № 82.
Кантор, Р. М. № 38.
Канторович, В. № 247, 425.
Капуловский, И. № 232.
Карташев, Н. № 289, 290.
Касяненко, Евг. № 99.
Каушан, В. И. № 164.
Каховская, И. № 175.
Квиринг, Э. № 74, 75, 76.
Киевский, П. см. Пятаков, Г.
Кин, Д. № 70, 284.
Клименко, И. № 100.
Клочко, И. № 413.
Ключ см. Давиденко.
Козельский, Б. В. № 259, 324.
Козлов, И. № 292.
Козловский, Б. № 159, 394.
Козырев, Г. № 36.
Коломиец № 245.
Кондурушкин, Иван № 154.
Коневец № 297.
Кононов № 223.
Котов, Гр. № 340.
Красноленский, В. № 127.
Красноперов, В. № 164.
Кристаловский, И. № 143, 341, 386, 421.
Кубанин, М. № 315.
Кудрин № 101.
Ку-ев № 128.
Кузьковская, Б. № 102.
Кукель, В. № 220.
Кулик, И. Ю. № 4, 103, 104, 248, 325.
Лапчинский, Г. № 123.
Лебедь, Д. № 6, 34, 316, 369, 437.
Левик, Р. № 5.
Левко № 298.
Лейбельман, И. № 129.
Ленау, М. № 349. 392.
Леонов, Л. № 293.
Лидов, С. № 179.
Лимоне № 160.
Линде см. Гарин.
Логинов, В. (Павел) № 226.
Локатош, И. № 59.
Луговой, А. № 77, 368.
Лурье, Г. № 395.
Любченко, М. № 8, 326.
Любченко, Панас № 7.
Лялин, Н. № 182, 183.
М. С. № 362.
Магри № 388.
Мазлах, Сергей № 121.
Мазуркевич, Г. № 9.
Майоров № 105.
Макаренко, Г. № 249.
Макаров, С. № 397, 429.
Макотинский, М. № 161.
Максименко. № 228.
Мальт, М. № 269, 285.
Манилов, В. № 106, 107.
Маниловский № 234.
Мануильский Д. № 430.
Марин, Н. № 45.
Марти, Андрэ, № 250.
Маргынов, А. № 185.
Матяш, Н. № 421.
Медне, Эд. № 83.
Межлаук, И. № 186.
Мещеряков, Н. № 187.
Мизерницкий № 10, 11.
Мильничук, Ст. № 188.
Минаев, И. И № 387.
Миронов, Е. № 229.
Мирошевский, В. № 299.
Мищенко, С. № 108.
Могилевский, С. Б. № 389.
Моргунов, В. № 60.
Мороз, Ф. см. Ярошевский.
Мотузка, М. №, 251.
Мстиславский, С. Д. № 270, 271, 301, 302, 303.
Н. Г. № 430.
Наседкин, В. № 342.
Немоловский, Ив. № 327.
Николаенко, И. № 383.
Ольшевец, М. № 328.

Осипович, А. № 432.
Осипович, Н. № 145, 146.
Павлович, М. № 12.
Паплов, № 61.
Пархоменко, М. № 37, 260.
Патлах № 109. 110.
Петинский, И. № 227.
Петлюра № 195.
Петровский, Г. № 84.
Петровский, Д. № 233.
Пилипенко, С. № 13, 330.
Пионтковский, С. № 276.
Погребной, С. № 85, 86, 231.
Познер, С. № 144.
Покко, С. № 62, 63, 377.
Покровский, М. № 194.
Поляков, И. А. № 64.
Полярный, Л. № 46.
Попов № 47.
Попов, Н. № 65.
Попов, П. № 14.
Порайко, В. № 331.
Потураев, С. № 338.
Преображенский, Е. № 354, 381.
Пулеметчик № 219.
Пятаков, Г. (Ю.). № 48, 176, 177, 178, 213.
Пятаков, Л. № 115.
Р. М. № 198 см. Рубач, М.
Р. М. № 438 см. Равич-Черкасский, М.
Равич-Черкасский, М. № 79, 370, 438.
Райченко, И. № 241.
Ракис, А. № 308, 404, 421.
Раковский, Х. Г. № 15, 156, 200, 253.
Раскольников, Ф. № 221.
Роз-в, Г. № 279.
Рубач, М. № 49, 198, 201, 254, 261.
Рубель, Е. № 374, 375.
Рябинин-Скляревский, А. № 155.
Ряппо, Анфиса № 242.
Ряппо, Я. № 162, 243.
С. В. № 255.
С. З. № 423.
С. И. № 363.
Савельев, М. № 280, 281, 364.
Савицкий, Г. № 67.
Савченко № 311.
Сак-Саковский № 282.
Самойлов, Ф. № 415.
Сахновский № 163.
Сверчков, Дм. № 426.
Серешининов, А. № 344.
Сибиряков, С. (Браверман) № 420.
Сидоров, Ал. № 399.
Силин (Бирзнек) № 68.
Симкин № 68.
Ситников № 429.
Скобенников, А. № 416.
Скрыпник, Н. А. № 16, 50.
Слепов № 147.
Слинько, Ив. № 402.
Смагин, Григорий № 148.
Сметанич № 122.
Соколовский, А. № 87.
Сокульский № 138.
Солтанов, М. № 244.
Степняк, Л. № 294.
Суханов, А. № 39.
Сухоплюев, Ив. № 17.
Табаков, З. № 119.
Тарногродский, Н. № 134, 433.
Терехов, Р. Я. № 40.
Ткалун № 332.
Топольский, А. № 202.
Трошин, А. № 88.
Турчинский № 135.
Уралец № 357.
Фарбман, Р. № 203.
Федор (Хоперский) № 422.
Федоряченко № 51.
Фибих, Ф. № 385.
Филиппов, Б. М. № 295.
Флоровский, Иван. № 114.
Френкель, Ар. № 345.
Футорян, Е. № 358.
Хаскин № 240.
Хейфец, Л. № 18.
Хименко, Гр. № 19, 20, 21.
Холмская, Е. № 89, 346.
Христев см. Раковский, Х. Г.
Чебан № 236.
Черкасский, М. № 359.
Четолин см. Левко.
Ш. С. см. Шрейбер, С.
Шахрай, О. № 355.
Шкреба, А. № 33.
Шрейбер, С. № 52, 53, 300.
Штелок № 117.
Шубин П. № 206, 333.
Шульгин, В. В. № 192.
Шумский, А. № 23.
Шустер, А. № 305.
Щербина № 278.
Щирый № 180, 181.
Щупак, С. № 24.

Эйдеман, Р. № 418.
Ю. № 136.
Югов, М. № 31.
Юрченко № 334.
Я. Я. см. Яковлев.
Яглов, С. № 207, 256.
Яковлев, Я. А. № 25, 286, 287, 319, 335, 336.
Якир № 26.
Ялов, М. № 149.
Яловий, М. № 304, 367.
Янковский, А. № 27.
Янковский, З. № 390, 400.
Янова, А. М. № 295.
Ярошевский, Ш. № 150, 151.
Яценко № 312.

ДОПОЛНЕНИЯ

К № 12. **Павлович, Мих.** Украина, как об'ект международной контр-революции.

Пропущено указание на то, что эта-же статья помещена по частям в «Ком-сте» (ЦК) 1920 г. № 1, стр. 13—14, под заглавием «Украина, как об'ект международной контр-революции и международного империализма» и в № 2, стр. 23—24 под заглавием «Роль Украины в мировом хозяйстве накануне войны».

К отд. III. Февраль—октябрь на Украине (Екатеринославщина), следует добавить:

436. **Иванов, К.** Железнодорожники в екатеринославский Октябрь. «Зв. Зор.» 1920 г., № 16, стр. 28—30.

Статья рисует декабрьские бои между большевиками и гайдамаками в Екатеринославе, останавливаясь, главным образом, на тактике железнодорожных рабочих.

К № 75. **Квиринг, Э.** Екатеринославский совет и Октябрьская революция.

Пропущено указание на то, что часть этой статьи была напечатана в журнале «Зв.—Зор.» 1920 г., № 16, стр. 7—8, под заглавием «Наша национальная политика в октябре—декабре 1917 года».

437. **Лебедь, Д.** Маленький штрих большой картины (посвящается коммунистической ячейке нижнеднепровских мастерских). «Зв. Зор.», 1920 г., № 16, стр 25—27.

Автор дает картину нароставшего революционного движения на Екатеринославщине, начиная от февраля по декабрь 1917 г., гл. обр., останавливаясь на настроениях и деятельности рабочих нижнеднепровских мастерских.

438. **Р., М.** Побеждающая революция. «Зв. Зор.» 1920 г., № 16, стр. 31—32.

Автор рисует соотношение сил на Екатеринославщине от февраля по декабрь 1917 г., постепенный рост большевистских настроений и победу в декабре 1917 года.

К отд. IV. 5. Киевщина (№ 3—4, стр. 261). См. также № 94.

Там же. Одещина (№ 3—4, стр. 262), также № 155.

Там же. Николаевщина (страница 262). См. также № 164.

К отд. V (№ 3—4., стр. 264). См. также №№ 171, 172.

К отд. VI. Второй период Соввласти на Украине (стр. 265). См. №№ 46, 125, 137, 164, 188, 200, 241, 286.

439. **Бражнев, Евгений.** Котел кипящий. Фронтовые воспоминания. «Нов. Мир» 1925 г., № 2, стр. 53—71. (Отрывок из книги «Стучит рабочая кровь»). Воспоминания относятся к весне 1919 г.; автор воспоминаний путиловский красногвардеец работал по образованию революционного военного совета второй украинской армии. Автор рисует положение на Украине, описывает разруху на Украине (в различных городах и районах), измену Григорьева, наступление его на Екатеринослав.

440. **Бражнев, Е.** Партизанщина (из книги «Стучит рабочая кровь»). «Нов. Мир.» 1925 г., № 7, стр. 61—84. См. предыдущую аннотацию. Воспоминания о борьбе Советской власти с наступающими деникинскими войсками в рай-

оне Донбасса и Екатеринославщины, о махновской бригаде, которая открыла фронт деникинцам.

Воспоминания заканчиваются описанием поражения сов. войск наступающими на Украину деникинцами.

К отд. VII. Григорьевщина. См. № 439.

К отд. IX. Махновщина. См. № 440.

К отд. X. Украинская мелкобуржуазная контр-революция после австро-германской оккупации.

На стр. 208 ошибочно дана ссылка на статью **Гринько**, № 340.

К тому же отделу (стр. 206) следует добавить.

№ 441. **Гринько, Г.** Национально-культурные задачи Советской Украины в борьбе с польско-петлюровским нашествием «Ком — ст» (Ц. К.) 1920 г., № 3, стр. 29 — 30.

ОТДЕЛ IV

ХРОНИКА

По окристпартотделам

Из полученных с мест отчетов и в результате обследования работы некоторых окристпартотделов видно, что все Истпартотделы в данное время заняты подготовкой и собиранием материалов к X годовщине Октябрьской революции. Некоторые из них приступили к этой работе недавно и поэтому сильно отстают в отношении выполнения заданий в срок, остальные работают по плану.

Более детальное рассмотрение работы каждого из нижепоименованных Окристпартотделов дает следующую картину:

СТАЛИНСКИЙ ИСТПАРТ

(отчет с 1 января по 1 октября 1926 г.)

До 1926 г. вся истпартовская работа в Сталинском округе проводилась уполномоченным ОПК. В начале 1926 г. бюро Окружкома постановило организовать Истпартотдел. Был назначен заведующий отделом, который работает по совместительству, выполняя испартовскую работу в порядке партнагрузки. Аппарат Истпарта состоит из заведующего и секретаря. При Истпартотделе организовано совещание (коллегия) из 7 человек.

В ряде районов выделены райуполномоченные. При некоторых райкомах организованы группы участников ревдвижения. К каждому району прикреплен для руководства работой член совещания (коллегии) Окристпартотдела. Кроме этого, руководство работой райуполномоченных и групп участников ревдвижения осуществлялось путем рассылки инструктивных материалов и выездов членов совещания Истпарта на места.

В первой половине ноября Окристпартом предполагалось созвать совещание райуполномоченных для обсуждения дальнейшего порядка и методов работы [1]).

За отчетный период внимание Истпарта было направлено, главным образом, на организационную работу. Что касается исследовательской работы и собирания исторических материалов — воспоминаний, очерков, документов и т. п., то эта область значительно отставала.

За весь отчетный период Истпартом собрано небольшое количество материалов; это — преимущественно, воспоминания активных работников ревдвижения, но

[1]) Состоялось ли это совещание, и каковы его результаты, сведений в Истпарте ЦК КП(б)У пока нет.

имеются также и исторические документы, протоколы заседаний Комитета РСДРП, воззвания к рабочим, полицейские документы за время с 1905 г. по 1917 г. Весь этот материал, а в особенности воспоминания, требует тщательной проверки и обработки.

Для этой цели постановлением бюро Окружкома организована редколлегия, которая к моменту составления отчета к работе еще не приступила.

Сталинским Истпартом приведен в порядок находящийся в его ведении партархив с 1920 г. по 1925 г., и им теперь можно пользоваться для работы.

С целью извлечения материалов, характеризующих революционное движение в Сталинском округе, предполагаются выезды в другие округа Украины.

Сведений об основных отраслях работы Истпартов на ближайший период в отчете Сталинского Истпарта нет. Неизвестно, например, проводится - ли работа по составлению хроники периода 1917—1921 г. г., которая должна быть выполнена к установленным срокам.

Нет ни слова о руководстве работой Истпрофа, Истомола; неизвестно, организованы ли и как работают группы участников ревдвижения...

Подобное составление отчетов не дает никакой возможности судить о работе в целом. Необходимо, чтобы в дальнейшем Сталинский Окристпарт давал в отчете полную картину состояния работы, останавливаясь в первую очередь на основных ее отраслях.

ПОЛТАВСКИЙ ИСТПАРТ

За отчетный период Полтавским Окристпартом проводилась, главным образом, организационная работа. Городским партячейкам и всем райпаркомам были даны соответствующие указания относительно необходимости собирания материалов подпольных организаций (документов, газет, листовок и пр.), находящихся у отдельных товарищей. Райпаркомам были разосланы циркуляры о выделении во всех районах райуполномоченных и о порядке хранения партийных и советских архивов.

Для райуполномоченных была выработана и разослана специальная инструкция. При 3 крупных производственных партячейках выделены уполномоченные по истпартовской работе, которым даны практические указания. Произведен учет участников революционного движения. Ведется подготовительная работа по организации их в группы.

Полтавским Истпартом ведется работа по подбору и разработке материалов, необходимых для составления очерков, статей и воспоминаний. В эту работу втянуты следующие учреждения: ГПУ, ОИК, ОФО, ОЗУ и др., а также отдельные товарищи активно участвовавшие в революционном движении на Полтавщине.

Ведется также подготовительная работа по фотографической с'емке квартир и мест, где происходили основные революционные события на Полтавщине...

Истпартом проводится работа по составлению краткой хроники революционных событий на Полтавщине за 1916 — 1921 годы.

Все мероприятия Полтавского Окристпартотдела проводятся при непосредственном участии ОПК.

Основным препятствием в работе Полтавского Истпарта является отсутствие заведующего, который занимался бы исключительно истпартовской работой. Необходимых технических работников также не имеется.

Отсюда и значительное запаздывание в составлении хроники, очерка по истории Полтавской организации, в работе по организации групп участников ревдвижения.

С редакцией журнала «Летопись Революции» у Полтавского Истпарта нет никакой связи. За весь отчетный период не прислано ни одного воспоминания, ни одной исследовательской работы, в то время как почва для работы Полтавского Окристпарта, работающего в б. губернском центре, имеется: в Полтаве сконцентрированы богатые революционные архивы.

Полтавскому Истпарту, по примеру других окружных Истпартов, необходимо добиваться усиления своего аппарата и расширения работы за счет средств ОИК'а, в частности Полтавской Октябрьской Комиссии.

КИЕВСКИЙ ИСТПАРТ

(по отчету за май — сентябрь 1926 г.)

За отчетный период необходимо отметить значительное замедление темпа работы Киевского Истпарта, об'ясняющееся, преимущественно, отпусками.

В области организационной у Киевского Истпарта за этот период имеются следующие достижения:

а) Организованы группы Киевских участников ревдвижения в Харькове и в Москве. Работа этих групп за отчетный период сводилась к регистрации участников ревдвижения, разбивке их на секции по соответствующим периодам и в намечении схем для составления воспоминаний. Киевский Истпарт снабжал эти группы вспомогательным фактическим материалом в виде хроники событий на Киевщине за 1917 год и краткой хроники событий за 1918 год. Однако, несмотря на то, что обе хроники представляют собой большой материал, на основе которого можно приступить к составлению воспоминаний, и что организационное оформление групп почти закончено, работу указанных выше групп участников ревдвижения приходится признать слабой. Причина слабости работы этих групп кроется, очевидно, не только в отпускном периоде, но и в недостаточно энергичном содействии со стороны Истпартов, при которых эти группы организованы.

б) Большое внимание Киевским Истпартом за отчетный период было уделено оформлению института (сети) райуполномоченных Истпарта, состоящего сейчас из 5 райуполномоченных в г. Киеве и 25 райуполномоченных в сельских районах округа. Сельским райуполномоченным Истпартом послан через райнаркомы инструктивный материал по собиранию воспоминаний и учету участников ревдвижения, а также некоторый материал фактического характера, касающийся событий 1918—1919 г. г. На основании этих указаний часть районов уже приступила к работе.

в) С целью вовлечения советской общественности и, в первую очередь, студенчества в работу по собиранию материалов гражданской войны на селах Киевщины Истпартом была проведена специальная кампания. В местной газете была напечатана статья, распространены обращения к студенчеству, зачитывавшиеся на отпускных собраниях, даны схемы и инструкции для собирания материалов. Предварительные результаты этой кампании дали двух «истпартселькоров», которые приступили к описанию гражданской войны на территории знакомого им района. От одного «истпартселькора» уже получена рукопись, которая просмотрена и переслана автору для исправления.

г) В самом Киеве Истпартом проведено совещание городских уполномоченных Истпарта. Совещание разобрало ряд вопросов о методах работы Истпарта в ячейках.

Кроме того, Истпартом велась подготовительная работа по организации с'езда участников Октябрьской борьбы.

В области научно-исследовательской работы Истпартом за отчетный период проделано следующее:

а) По заданиям Истпарта Киевским Окрархом составлены описи архивных фондов (около 300) периода 1917—1921 г. г. как находящихся в хранилищах Окрархa, так и разбросанных по территории Киевского Округа. Эти материалы, судя по описям, представляют большую ценность, главным образом, потому, что в них хотя и несколько отрывочно, но отражена жизнь отдельных сел и районов б. Киевской губернии периода 1917 — 1921 г. г.

б) По указанию Истпарта историко-революционный архив на протяжении отчетного периода продолжал работу по разборке, регистрации и комплектованию печатных материалов периода 1917 — 1921 г. г. (газеты, листовки, брошюры и пр.) и приведению в порядок архива губревкома.

Отправка архивных материалов центрального значения в Укрцентрархив несколько нарушила плановость работы историко-революционного архива в отношении выявления архивов местного значения. С другой стороны, эта отправка на значительное время (три отчетных месяца) отвлекла работников Истпарта от другой работы, т. к. нужно было произвести соответствующий отбор материалов. Было просмотрено до 1000 дел, 617 отдельных документов скопировано (1041 страница) и составлено 423 карточки для хроники.

в) С целью выявления материалов, относящихся к Киевщине, была использована поездка представителя Киевского Истпарта в Харьков на совещание Истпартов и в Москву. Просмотрены: в Москве архивы т. т. Подвойского, Антонова-Овсеенко и др., в Харькове — архив ЦК КП(б)У за 1919—20 г. г. и ряд других материалов.

г) За отчетный период Истпартом закончена работа по составлению хроники рев. событий 1917 г., составлена краткая хроника революционных событий 1918 г., подобрана часть материалов для составления более полной хроники по 1918 г. Составлена также краткая хроника повстанческого и антисоветского движения по уездам б. Киевской губернии за период 1918 — 1919 г. г. Заполнено около 450 карточек. Закончена работа по составлению хроники 1906 года.

В области редакционно-издательской работы:

Истпартом издан сборник «1905 рік на Київщині». Сборник содержит 402 страницы; тираж 3.000 экземпляров. Подготовлен и сдан в печать сборник периода 1918 года. Заканчивается подготовка к сдаче в печать сборника 1909—1912 г. г.

С рядом товарищей ведется переписка по поводу составления статей для сборника «Вооруженная борьба за Киев» и ряда других намеченных к изданию сборников по истории Октябрьской борьбы на Киевщине.

Несмотря на замедление темпа работы Киевского Истпарта, об'ясняемого, как сказано выше, отпускным периодом, им все же проделана большая работа. Интересен опыт с «истпартселькорами». Несомненно, надо всячески поощрять и прививать этот новый тип истпартовской общественности.

Но наряду с значительными достижениями нужно снова отметить недостаточную органическую связь Киевского Истпарта с Истпартом ЦК КП(б)У.

КРЕМЕНЧУГСКИЙ ИСТПАРТ

(по отчетам с февраля по октябрь 1926 г.)

Центр внимания в работе Окристпартотдела за отчетный период был обращен, главным образом, на организационную сторону, а затем было приступлено (август — октябрь) к научно-исследовательской работе.

За указанное время Кременчугским Окристпартотделом реорганизовано совещание (коллегия), состав которого стал более работоспособным, чем раньше.

На всех крупных предприятиях гор. Кременчуга были выделены уполномоченные, в задачи которых, в первую очередь, входил учет участников в Октябрьской революции и гражданской войны. Для руководства их работой, а также работой районных уполномоченных по округу, Истпартом были разработаны специальные инструкции и созваны 2 городских совещания уполномоченных Истпарта. Организованы 4 группы участников ревдвижения. Одна из них периода 1917—1921 г.г., сгруппировав вокруг себя активных участников в революционной борьбе, ведет свою работу очень активно. Поступающий от членов группы материал проверяется и обрабатывается бюро.

В области научно-исследовательской работы Окристпартотделом производилось собирание и приведение в порядок пригодных для пользования материалов, освещающих революционную борьбу на Кременчугщине периода 1917—1921 годов.

Был организован вечер воспоминаний, на котором стенографировались воспоминания о революционных событиях 1917 года. Кроме того, Истпартом собрано за отчетный период 73 воспоминания. Большинство из них еще не проработано.

В виду того, что материал от райуполномоченных до последнего времени поступал слабо, Окристпарт, не имея необходимых средств на раз'езды, давал задания каждому райуполномоченному в отдельности, в которых указывал, каким образом им необходимо подходить к собиранию материалов и воспоминаний.

К составлению хроники революционных событий на Кременчугщине Окристпартотдел приступил очень поздно (15 октября). Основной причиной такого опоздания послужило отсутствие подходящих работников. Потом эти работники были найдены из числа слушателей РПШ. В виду отсутствия на первых порах необходимых для составления хроники материалов, в первую очередь, газетного и партийного архива (газеты имеются полностью лишь за 1919 — 1920 г. г., партийный архив почти совсем отсутствует), хроника составляется по частям и будет пополняться по мере выявления нужных для ее составления материалов.

В данное время часть карточек по хронике рассмотрена в Истпарте ЦК КП(б)У. По ним можно судить о качестве составленной хроники. В значительном большинстве карточки заполнены неудовлетворительно. Видно, что работники, принимавшие участие в составлении хроники, подошли к работе непродуманно, а Окристпарт работы не проверял. Окристпарту даны соответствующие указания, которые ему необходимо учесть в дальнейшей работе над хроникой.

ОДЕССКИЙ ИСТПАРТ

Одесский Окристпартотдел, работающий в условиях более благоприятных в смысле активно-документальной базы, чем ряд других Окристпартотделов, допустил в своей работе ряд крупных дефектов, главным образом, организационного характера.

Заведующий Окристпартотделом, несущий фактически ответственность за всю работу отдела, работал по совместительству и уделял Истпарту очень мало времени, а заместитель заведующего, работавший в Окристпартотделе постоянно, оказался не на месте. Основные работники истпарта, заведующий и секретарь, в штат ОПК не были включены.

Несмотря на существующее «Положение об Истпартотделах», утвержденное Оргсовещанием ЦК КП(б)У, и ряд раз'яснений Истпарта ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б), робота Окристпартотдела, историко-революционного архива и Музея Революции не была разграничена.

Из общего штата в 19 человек Истпарт располагал семью работниками. Однако, вследствие указанного об'единения 3 различных учреждений в одно целое, эти работники выполняли работу, не всегда совпадающую с задачами Истпарта. Например, «консультант» испарта в течение текущего года занимался описанием архивных фондов, т.-е. работой Окрарха.

С Истпартом ЦК КП(б)У Одесский истпарт был связан очень слабо. Поручаемые ему задания по большей части не выполнял, а если и выполнял, то весьма неудовлетворительно. Существующее при Окристпарте совещание с мая месяца не созывалось.

Все это, понятно, несмотря на более, чем достаточное, количество работников, привело к крайне неудовлетворительному состоянию работы Одесского Окристпартотдела.

Так составление хроники революционных событий на Одещине только за один 1917 год предполагается закончить лишь к концу декабря месяца, тогда

ому сроку она должна была бы быть закончена полностью, т.-е. за время 1921. К составлению очерка по истории местной парторганизации до по-го времени Окристпартотдел не приступал. А наряду с этим силы тратились подготовку статей и очерков, могущих вызвать только недоумение, как, напр., енная организация 1906 г. и оккупация 1918 — 1920 г. г.» (!) и ряд других.

Такое отношение Одесского Окристпарта к своей работе поставило под угрозу выполнение плана Истпарта ЦК КП(б)У.

В данное время ряд дефектов уже устранен. Остальные должны быть устранены в ближайшее время. Одесский Истпарт должен произвести окончательное отмежевание своей работы от остальных учреждений и заняться выполнением заданий Истпарта ЦК КП(б)У, согласно плану, принятому на Всеукраинском совещании заведующих Истпартотделами.

НИКОЛАЕВСКИЙ ИСТПАРТ

(на основании об'езда)

Несмотря на крайне тяжелое положение в отношении штатов (по штату полагается 1 ответственный работник, фактически имеется 2 работника — заведующий и секретарь, но оба они работают по совместительству и, вследствие перегруженности по основной работе, работе Окристпарта достаточно времени уделить не могут), Николаевский Окристпарт ведет всякую работу по собиранию материалов к X годовщине Октября проводит.

Хроника революционных событий за 1917 год закончена в конце ноября месяца. Приступлено к составлению Хроники за 1918 — 21 г.

На заседании Бюро ОПК был заслушан доклад Окристпартотдела. Постановлено дать Истпарту одного постоянного научного работника и предложено составить смету на необходимые истпартовские нужды. Истпартотделу необходимо добиваться проведения в жизнь указанных постановлений ОПК и ускорить составление очерка по истории партии, работы, несомненно сложной и трудной, но возможно при затрате известной энергии, выполнимой.

* * *

В заключение необходимо отметить, что во всех отчетах с мест имеются указания на то, что работа по подготовке материалов к X годовщине Октября не будет закончена к сроку, вследствие слабости работы местных архивных управлений (Окрархов) по приведению в должный порядок необходимых для исследовательской работы материалов.

Центроархив неоднократно давал на места соответствующие указания, к

ОПЕЧАТКИ

«Летопись Революции» № 3—4

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
247	4 — 5 сверху	Революционным Комитетом, Киевским Ком-том РСДРП и Киевским Советом.	Революционным Комитетом Киевского Комитета РСДРП и Киевского Совета.
248	14 сверху	Лапчинский, Т.	Лапчинский, Г.
250	22 снизу	Стр. 182 — 183	Стр. 181 — 183
253	6 сверху	VI	IV
257	2 колонка 10 — 6 снизу	Слова «Признание необходимым создания только одного советского и одного партийного центров за границей, обслуживающих движение на Украине», должны быть напечатаны на той же странице в 1 колонке после стр. 17 снизу.	
259	18 сверху	официальные германские	официальные гетманские
260	14 снизу	23/VII - 19 г.	23/XII - 19 г.
260	11	Заднепровье, № 39, Донбасс	Заднепровье, № 39 Донбасс
261	1 сверху	февраля 1919 года	февраля 1918 года
»	13 »	декабре 19 г.	декабре 18 г.
262	6 снизу	257	157
»	1 »	169	162
263	6 сверху	Борьба с петлюровщиной	Борьба с григорьевщиной (май 1919 г.)

«Летопись Революции» № 5

97	16 сверху	о предстоящем общем переломе	о предстоящем общем переделе
108	15 »	Александровского уезда	Александрийского уезда
116	21 — 22	Елисаветградской школы	Елисаветовской школы
199	19 снизу	В., И.	В., М.
201	15 »	144 — 147	144 — 177
203	22 сверху	12/IV	12/VI
»	1 снизу	197 — 218	197 — 208.
223	8 снизу	«инструктивный материал по составлению хронологии 1917 — 1927 г. г.»	«инструктивный материал по составлению хронологии 1917 — 1921 г. г.»

В приложении к журналу «Летопись Революции» № 5, «Указатель